КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

3

1992

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Общество изучения Сахалина и Курильских островов

•

Сахалинский областной краеведческий музей

•

Сахалинский фонд культуры

•

Сахалинский центр документации новейшей истории

3

1992

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Стефан Д. Сахалин и Курильские острова в зеркале американских иллюзий. Перевод Златогорской Е. С.

Шубин В. О. История поселений Российско - Американской компании на Курильских островах.

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Стефан Д. Сахалин. История. (Продолжение). Перевод Переславцева В. В.

Посвящается 500-летию открытия Америки

Журнал основан в 1990 г. Выходит 4 раз в год.

Главный редактор — М. С. Высоков.

Редакционная коллегия: М. И. Ищенко, А. И. Костанов, В. М. Латышев, Г. В. Матюшков, О. А. Шубина.

Адрес редакции: 693000, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, 33, к. 5. Сахалинский центр документации новейшей истории.

Телефон редакции: 2-21-36.

Общество изучения Сахалина и Курильских островов.

СТАТЬИ

Д. СТЕФАН

САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА В ЗЕРКАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ ИЛЛЮЗИЙ

В английском языке для выражения слова иллюзия существует два слова, которые существенно отличаются друг от друга. Illusion — это обманчивое впечатление, принятое разумом, но не воплощенное в действии, тогда как delusion — обманчивое впечатление, слепо принятое разумом и воплощенное в действие. Некто представляет себе, что он лечит, — это иллюзия. Но если этот некто поднимается на шалу и прыгает вниз, веруя, что он может летать, то становится жертвой уже даже не иллюзий, а галлюцинаций.

Иллюзии по поводу Сахалина и Курил — космополиты. Китайцы писали о сахалинских аборигенах, не имея абсолютно никакого понятия об их обширном окружении. Японцы однажды связали Сахалин с Китаем из-за того, что местные айны носили китайские бусы и атлас. Западноевропейцы в прошлом верили, что Сахалин — полуостров, иллюзия, которая оказалась галлюцинацией, когда во время Крымской войны британская эскадра блокировала «Татарский залив». В конечном счете, реальность оставила от их иллюзий только причудливые воспоминания. Американцы, однако, не только сохранили такие иллюзии, но и позволили себе удовольствие предаваться галлюцинациям.

Долговечность америкаских иллюзий можно объяснить и оптимизмом, как центральной чертой американского характера, и приоритетом среди американских ценностей счастья для каждого в отдельности. Американская Декларация Независимости (1776 г.) в качестве «неотъемлимого права», дарованного богом, выбрала «погоню за счастьем». В последующие два столетия «право на счастье» дало американцам возможность лелеять собственные иллюзии,

особенно ту самую «американскую мечту», что побуждала миллионы людей переселяться из Старого Света в Новый Свет. Незивисимо от того, сбывалась или нет эта мечта у отдельных личностей, в стране иллюзии продолжали существовать, благодаря во многом истории, географическому положению и просто удачливости Америки. Одаренные благоприятным климатом, плодородными землями, свободным выходом к двум океанам и ослабленными соседями (Канада и Мексика), американцы с радостью использовали удачные для них геологические и природные условия для превращения в богатую нацию. Будучи обычными, склонными к самовосхвалению человеческими существами, американцы самонадеянно решили, что их достижения — результат их собственных усилий, и что другие (то есть чужеземцы) могли бы достичь того же самого, если бы, руководствуясь здравым смыслом, приняли «американские ценности».

Ни один народ в мире не отдален более от последствий своих ошибок. Соединенные Штаты практически невредимыми прошли через две мировые войны, опустошившие Европу и Азию. Вдали от реальной жизни американские иллюзии процветали до тех пор, пока крах во Вьетнаме, нарастающее превосходство Японии, близость экологической катастрофы, протесты чернокожих, американских индейцев, женщин, гомосексуалистов не развеяли их, заставив погрузиться в длительные раздумья о самих себе.

Зачем же касаться американских иллюзий по поводу Сахалина и Курильских островов? Действительно, многие скажут, что это — совершенно не представляет интереса. Может быть, они правы, но, как заметил один из персонажей Агаты Кристи, «это совершенно неважно, и именно поэтому это так интересно». Заблуждения американцев в отношении Сахалина и Курил приводят к неправильному пониманию Вашингтоном русско-японских отношений в целом и проблемы «северных территорий» в частности.

Среди просто заблуждений встречаются и иллюзии в отношении размера, формы и местонахождения материально существующих вещей. Благодаря таким исследователям как Мамиа Ринзо и Геннадий Невельской, японцы и европейцы еще в прошлом столетии отказались от неправильных картографических представлений о Сахалине. В последующие сто сорок лет американцы побывали практически во всех уголках тихоокеанского бассейна и вели там торговлю. Но картографические фантазии прошлого столетия и сегодня все еще обнаруживаются в американской печати. В 1991 г. одна из наиболее престижных газет в США упомянула о Сахалине как о «полуострове» (1). Возможно, эта мысль была позаимствована у американского журналиста в Москве, который в 1985 г. установил, что Южно-Сахалинск — «полуостров в Беринговом море» (2). Подобная фантазия встречается также в высказывании некого военного аналитика, поместившего Петропавловск на «южную оконечность Сахалина» (3). В географической изобретательности журналисты не одиноки. Известный биограф Ленина и Сталина обнаружил Корсаков на берегу Татарского пролива (4). Профессор Невадского университета, специализирующийся на географии Сибири, назвал Южно-Сахалинск «важным порто.м для советского военно-морского флота» (5).

Иллюзии второго типа — более тонкие, чем пространственные, это — галлюцинации временные. Исторические заблуждения обычно происходят из-за дезинформированности, идеологических шор и лености ума. Но что делает американские иллюзии о Сахалине и Курилах особо примечательными, так это то, что: 1) США — страна, обладающая богатейшей информацией, с обширной системой публичных библиотек и широко распространенной компьютерной сетью с базой научных данных; 2) ни государственный режим, ни идеология не принуждают американцев интерпретировать историю Сахалина и Курил каким-либо определенным образом. С другой стороны, не наблюдается дефицита лености ума.

Исторические иллюзии процветают как в общеобразовательной, так и в специальной литературе. Возьмем, к примеру, вопрос об «открытии» Курильских островов. Две основные американские энциклопедии рассказывают ничего не подозревающим читателям, что Курилы были открыты «европейцами» в 1634 г. (6). Не будем затрагивать вопрос о том, что значит «европейцами», давайте поинтересуемся, откуда в энциклопедии взялся 1634 г. В 1897 г. Г. Дж. Сноу ошибочно изменил 1943 (год плавания Де Фриза к Кунаширу, Итурупу и Урупу) на 1634. Ошибка попала в американскую литературу, где и осталась до сегодняшнего дня. Любопытная хронология всплыла на по-

верхность в «Уолл Стрит Джорнэл», когда журналист, освещая визит Михаила Горбачева в 1989 г. в Пекин, позволил себе упомянуть об исследовании Курил в 1739 г. Мартыном Шпанбергом, «бывшим в то время на службе у Петра Великого» (7). Некоторые американцы (кстати как и А. И. Алексеев) утверждают, что Симодский договор (1855 г.) определяет в совместное руско-японское владение Южный Сахалин (8). А в Калифорнийском университете исследователь истории Сибири Роберт Джосеф Кернер (1887—1956 гг.) писал, что согласно Санкт-Петербургскому договору (1875 г.), Япония получила Курилы в обмен на Северный Сахалин. Эта ошибка повторялась в каждом издании энциклопедии вплоть до 1992 г. (8). История повторяет себя, историки друг друга.

Мечты о богатстве составляют особую подгруппу исторических иллюзий. Американцы не были первыми, кто грезил о «золотых островах» в северо-западной части Тихого океана, но эти грезы продолжались дольше, чем у испанцев и голландцев. Мореплаватель Джон Ледиярд (1780 г.), нью-йоркский бизнесмен Аарон Хайт Палмер (1848 г.) и калифорнийский предприниматель Перри Макдональд Коллинз (1857 г.) рассматривали северные районы Тихого океана, Сахалин и Амур как потенциальную территорию для торговли. В двадцатом веке эти мечты несколько трансформировались в мечты о «черном золоте». Желание открыть нефтяной кран на Северном Сахалине превратило «Синклер Ойл Кампани» в 1922 г. в инструмент проведения ленинской буферной стратегии, направленной против Японии. В 70-е годы двадцатого века «Галф Компани», разыскивая нефть на Сахалине, потеряла гораздо больше денег, чем «Синклер» 50 лет назад. В 90-е годы поисками Эльдорадо в свою очередь занялись «Мобил» и «Эксон».

Незнание Америкой истории Сахалина и Курил остается в дипломатических промахах. Ошибочное мнение президента Рузвельта в Ялте, представлявшего, что Курилы были захвачены Японией во время русско-японской войны до сих пор появляется в американской (и советской) литературе (10). Когда американский авиалайнер в 1968 г. был посажен на Итуруп, Вашингтон, забыв, что двенадцать лет назад поддержал притязания Японии на этот остров, принес Москве свои извинения за вторжение в советское

воздушное пространство, против чего Токио выразило протест и принудило бедных американцев извиниться перед японцами за извинения перед русскими. Когда автор этой статьи в 1976 г. провел пять дней в Государственном Департаменте США, он обнаружил, что Сахалин и Курилы — это «белое пятно». Не стоит сильно удивляться, когда американский политолог заявляет, что японская компартия претендует на Сахалин, подводя агентство Рейтер к выводу, что на Сахалин претендует Япония (11).

Все то, что американцы пишут о Сахалине и прилегающих территориях, полностью зависит от отношения США к третьим странам. Например, после первой мировой войны, когда отношения между США и Японией были напряженными, известный американский журнал охарактеризовал Николаевский инцидент (1920 г.) ни больше ни меньше, как японский заговор (12). Во время совместной борьбы с фашизмом (1941 — 1945 гг.) любовь к «Дяде Джо», Сталину, привела американских авторов к восхвалению сахалинских стахановцев, перевыполнявших производственные нормы и строивших светлое будущее (13).

«Северные территории» предоставили американским журналистам и политикам широкое поле деятельности для импровизации. Что такое «северные территории»? По-видимому, некоторым было просто неохота взглянуть на карту. Посол США в Японии полагал, что это — «четыре северных курильских острова» (14), тогда как другие определяли их, как «острова между Хоккайдо и Южными Курилами» (15) или просто «Курильские острова» (16). По-какой-то причине распространилась популярная тенденция помещать Шикотан, Хабомаи, Кунашир и Итуруп на север от Хоккайдо (17), сохраняя в тайне расположение Сахалина. Поскольку американцы не потрудились внимательно приглядеться к «северным территориям», они и видели их в миниатюре: «редконаселенные» (18), «почти необитаемые» (19), «крошечные и неплодородные» (20), «пятнышки» (12), «несколько клочков земли» (22) или «просто груда камней» (23). Неудивительно, что после таких описаний калифорнийский журналист позволил себе заметить о «микроскопическом территориальном споре, который со стороны выглядит довольно тривиально» (24).

Считая вопрос о территориях тривиальным, американцы лет сорок предсказывали, что острова вскоре будут пе-

реданы Японии. В 1953 г. в самой престижной американской газете появилось мнение, что СССР отдаст Курильские острова, чтобы внести разлад в отношения Токио с Вашингтоном (25). Начиная с 1968 г., комментаторы убеждали сами себе и других, что Советский Союз уступит земли в обмен на японские инвестиции в Сибирь, подведя в 1970 г. должностное лицо Госдепартамента к утверждению, что территории будут отданы в течение ближайших 10—15 лет (26). С 1985 г. американские советологи начали предсказывать, что Горбачев вернет «северные территории» Японии в свете «перестройки» и «нового мышления» (27). Ожидания достигли пика накануне визита Горбачева в Японию в апреле 1991 г., затем, после перерыва, возобновились, следуя распаду СССР (автор составил список из более, чем ста таких предсказаний с 1953 по 1992 год).

Уверенность в том, что «северные территории» будут возвращены Японии, заставляет американцев игнорировать мудрость русской пословицы: «Свои собаки грызутся, чужая не приставай». Всякий раз, когда Вашингтон ввязывается в русско-японский спор по поводу Курил и Сахалина, заблуждения становятся галлюцинациями в отношении местного населения. В 1905 г., а затем в 1945 г. американские президенты играли роль «честного брокера», поставившего подпись на документах, передавших российские территории Японии в Портсмуте и наоборот — в Ялте. В обоих случаях этот «брокер» не имел ни достаточного представления о данных территориях, не проявил какого-либо интереса к их населению.

Сегодня американцы снова вмешиваются в русско-японский территориальный спор и изобретают способы «решения» территориальных проблем. Под рубрикой с красивым названием «Проект усиления демократических институтов» правительственная школа Джона Ф. Кеннеди при Гарвардском университете коллекционирует курильские сценарии по нормализации отношений между Москвой, Токио и Вашингтоном. В традициях Портсмута и Ялты, в предварительных рабочих документах мнение жителей Сахалинской области игнорируется (28). Автору же статьи рекомендовали держать эти документы в «строжайшей секретности» (29), по поводу чего он может сказать только, что старые иллюзии все еще живы и прекрасно себя чувствуют.

Уилл Роджерс (1879—1935 гг.), современник и духовный брат Саши Черного, заметил: «Когда Конгресс на сессии, все американцы — в опасности». Когда американцы совещаются о «северных территориях», курильчане, может быть, и не в опасности. Однако уверенности в этом нет.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Washington Post, 10 September 1991.

2. Jack Redden (UP1, Moscow) in Honolulu Star Bulletin, 20 October 1985.

3. Jim Borg, «Pacific Buildup». [Honolulu] Sunday Star Bulletin and Advertiser, 9 August 1981, p. A-7.

4. Robert Payne, Introduction to Anton Chekhov, The Island: A Journey to Sakhalin (New York, 1967), p. xxxiv.

5. Gary Hausladen in Allan Rodgers, ed. The Soviet Far East: Geographical Perspectives on Development (London: Routledge, 1990), p. 32.

6. Academic American Encyclopedia, vol. 12 (Prinston: Arete, 1981), p. 139. Collier's Encyclopedia, vol. 14 (New York: Macmillan, 1992), p. 202.

7. Peter Gumbel in The Wall Street Journal, 10 October 1989, p. A14.

8. А. И. Алексеев. Как начинался Владивосток. Владивосток, 1985, с. 75. Gary Hausladen in Allan Rodgers, ed. The Soviet Far East (London: Routledge, 1990), p. 8. Sophie Quinn-Judge in Far Eastern Economic Review, 3 August 1989, p. 43. Henry Scott Stokes in New York Times, 11 September 1981.

9. Robert Joseph Kerner in Collier's Encyclopedia, vol. 14 (New York: Macmillian, 1992), p. 202. Та же самая ошибка: in Encyclopedia Americana, vol. 24 (Danbury, Connecticut: Grolier, 1991), p. 141.

10. Ray S. Cline and James Arnold Miller in Asia in Soviet Global Strategy (Boulder, 1987), pp. 78—79. Эта иллюзия также встречается у Станислава Гусаревича: На страже дальневосточных рубежей. Москва, 1982, с. 15.

11. Political scientist Donald Zagoria in Forum (Newsletter of U. S. —Japan Foundation), vol. 2, N 4 (September 1987). Reuters, Honolulu Star Bulletin, 20 June 1992.

12. Sherower, Miles M. «Thc Nicolaevsk Massacre». The Nation, vol. Ill (21 August 1920), pp. 211—213.

13. William Mandel, The Soviet Far East and Central Asia (New York, 1944), pp. 57, 77.

14. Michael H. Armacost at the University of Viginia, 1 July 1987. U. S. Dcpartament of State, Current Policy, N 985 (1987), p. 3. Это определение встречается: Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Annual Report 1990/1991 (Washington, 1991), p. 8. John Griffin, «Asia-Pacific area glasnost», Honolulu Advertiser, 14 February 1988.

15. Harry Gelman in Richard Solomon and Masataka Kosaka, The Soviet Far East Military Buildup (Auburn: Dover, MA, 1986), p. 49.

16 Don Shannon, «Rally round the Kurils», Los Angeles Times, 28 December 1970.

17. Peter Gumbel and Urban C. Lehrner, «Gorbachev is Preparing to Take a Giant Step to Japan», Wall Street Journal, 12 April 1991. Peter Gumbel in Wall Street Journal, 7 July 1992. Young C. Kim, Japapnese Soviet Relations (Beverly Hills: Sage, 1974), p. vii, Time Magazine, 7 February, 13 November 1972.

18. Charles E. Morrison in The Sunday Star-Bulletin and Advertiser, 21 April 1991.

19. Gilbert Rozman, Japan's Response to the Gorbachev Era (Princeton University Press, 1992), p. 12.

20. Susan Cornwell (Reuters) in Honolulu Star Bulletin, 8 October 1990.

21. B. J. Cutler, «Moscow May Soon Return Four Island to Japan», ibid, 19 October 1990.

22. Tokyo Correspondent, The Economist, 20 April 1991, p. 32.

23. George Will column in Honolulu Advertiser, 25 April.

24. James Risen, Los Angeles Times, 7 July 1992.

25. New York Times, 25 July 1953.

26. Richard Finn in The Japan Times. 7 march 1970. 26 марта 1975 г. автор спросил Ричарда Финна, верит ли он до сих пор в свое предсказание пятилетней давности. Ответ был утвердительным. 24 ноября 1980 г. автор вновь задал мистеру Финну тот же вопрос во время встречи в Гонолулу, но мистер Финн не дал ответа.

27. Jerry Hough, «Gorbachev's Strategy», Foreign Affairs (Fall 1985), p. 46. Gail W. Lapidus, «Gorbachev and the Reform of the Soviet System», Daedalus (Spring 1987), p. 26. Chalmers Johnson, «Japanese-Soviet Relations in the Early Gorbachev Era», Asian Survey, vol. 27, N 11 (November 1987), p. 1159. Peggy L. Falkenheim, «Evolving Regional Ties in Northeast

Asia» Asian Survey, vol. 28, N 12 (December 1988), p 1243. David Holloway, Gorbachev's New Thinking,, Foreign Affairs, vol. 68, N 1 (1988-1989), p. 79.

28 Гарвардская группа выделила деньги на публикацию рукописи собкора газеты «Свободный Сахалин» Олега Бондарекко «Неизвестные Курилы», организованную Российским Министерством Иностранных Дел и получившую финансовую поддержку от «Хоккайдо Синбун».

29 Письмо автору статьи от директора правительственной школы Джона Ф. Кеннеди, 12 нюня 1992 г.

В. О. ШУБИН

История поселений Российско-Американской компании на Курильских островах

Уже к моменту своего официального создания в 1799 году (на базе нескольких частных купеческих компаний) Российско - американская компания имела многолетний опыт освоения Курильских островов. В 70—80-е годы XVIII столетия на острове Уруп существовали поселения, основанные С. П. Лебедевым - Ласточкиным. В 1795 году по инициативе Г. И. Шелихова туда же, на Уруп, были направлены поселенцы и промышленники под руководством передовщика В. К. Звездочетова. Они добрались до острова только в 1796 году и прожили там до 1805 года (1).

Поэтому, хотя сам Г. И. Шелихов умер в 1795 году, а его детище — Российско - американская компания (далее в тексте мы будем использовать аббревиатуру РАК) — была создана через четыре года, не удивительно, что в Привилегиях, высочайше дарованных компании царем, среди прочих территорий, на которые она распространяла свою юрисдикцию, значились и Курильские острова (2).

Однако политическое и экономическое положение РАК, занятой преимущественно освоением Американского континента, в первые годы своего существования было настолько сложным, что никаких практических мер по управлению и снабжению компанейского поселения на острове Уруп не предпринималось, и оно в конечном итоге не получило должного развития.

Обстоятельства не позволили посетить о. Уруп и начальнику первой русской кругосветной экспедиции и первенствующему директору РАК Н. П. Резанову (3), и только в 1807 году посланные туда по его приказанию офицеры на службе РАК лейтенант Н. А. Хвостов и мичман Г. И. Давыдов обследовали уже заброшенное поселение (4). В последующие годы все внимание РАК по-прежнему было направлено на освоение Русской Америки, где она добилась выдающихся успехов, а для Курильских островов наступил очередной длительный период забвения.

Но к моменту вступления РАК в третье десятилетие своего существования экономическая и политическая ситуация начала меняться в худшую сторону. В 1820—1830-х годах главное место в деятельности компании, как и раньше, занимал промысел пушных зверей. Морские бобры (каланы) и котики составляли основную отрасль пушного промысла. Но уже в начале этого периода возникла угроза его сокращения из-за хищнического перелова зверей (5). А это неизбежно влекло за собой сокращение прибылей компании. Поэтому Главное правление компании предпринимало попытки к изысканию все новых и новых промысловых угодий.

Кроме того, владения РАК испытывали постоянный недостаток в продовольствии, особенно в хлебе. Привоз последнего из России или из Калифорнии обходился очень дорого, и надо было искать выход и из этого трудного положения.

Учитывая, что продленные на новый 20-тилетний срок 14 сентября 1821 года Привилегии сохранили в ведении компании «...Курильские острова, где компания имела промыслы до южного мыса острова Уруп под 45°50'...» (6), неудивительно, что взоры ветеранов РАК вновь обратились к островной гряде.

В июле 1823 года Главное правление РАК по инициативе своего первенствующего директора, надворного советника Михаила Матвеевича Булдакова обратилось к министру финансов Егору Францевичу Канкрину с предложением о вторичном заселении острова Уруп, с шелиховских времен именуемого островом Александра (7). Суть проекта основывалась на старой идее Г. И. Шелихова об использовании Урупа в качестве сельскохозяйственной колонии (8). М. М. Булдаксв в обоснование проекта писал: «...остров сей находится в широте 46° и по рпытам учиненным Звездочетовым, весьма удобен к плодородию. Климат там умерен: лето начинается в апреле, а зима в декабре. Воздух очень чист, свеж, и, хотя туманы случаются нередко, но не приносят никакого вреда ни людям, ни произрастениям. Словом, местное его положение таково, что он может некогда сделаться житницей бесплодного Охотского края и всего полуострова Камчатка» (9).

Для реализации проекта М. М. Булдаков предлагал РАК купить у помещиков десять семейств хлебопашцев, обратить их в свободное состояние, с освобождением от платежа податей на 10 лет, и, снабдив их всем необходимым (семена, скот, орудия труда и т. д.) и назначив для управления надежного человека, доставить на казенном судне из Охотска на Уруп. Вслед за первой партией, необходимо было с интервалом в год направить вторую и третью партии, а когда число поселенцев достигнет 30 семейств, основное внимание уделять ежегодному снабжению колонии всем необходимым. М. М. Булдаков был уверен, что через несколько лет дело пойдет успешно и хлеб можно будет вывозить в колонии.

Министерство финансов, в свою очередь, рассмотрело проект и в целом его одобрило, подтвердив права компании на освоение Курильских островов и на основание там поселений по своему усмотрению (параграф 2,5 Привилегий). Но поскольку для реализации этого проекта компания намеревалась купить у помещиков крепостных крестьян, обратить их «в свободные хлебопашцы», а такие мероприятия были в компетенции министерства внутренних дел, то оно и направило в это ведомство соответствующее ходатайство (10).

Министерство внутренних дел, рассмотрев вопрос, сообщило о невозможности осуществления именно такого способа колонизации острова Уруп. Дело оказалось в том, что в соответствии с императорским указом от 20 февраля 1803 года, крестьяне могли получить вольную только в Результате «...ясного и добровольного помещика и крестьянина соглашения, с обязательным наделением крестьян от помещиков землей, полной их свободой в распоряжении своим временем и имуществом» (11). Компания же по своей сути — общественная организация, существующая по положению временно на 20 лет, не имеет права покупать крестьян и тем более наделять их землей на вечные времена. А посему министерство предложило «...предоставить компании изыскать другие удобнейшие и благонадежнейшие средства к заселению сего острова...» (12).

Примерно через полгода, в январе 1824 г., об отрицательном мнении по обсуждаемому вопросу было сообщено Главному правлению РАК (13), а в июле 1824 г., т. е. ровно через год после начала переписки, оно и само вынуждено было признать, что «...по неожиданным обстоятельствам, не имеет никакой возможности приступить в настоящее время к заселению Осемьнадцатого Курильского острова или Александра, но, не теряя из вида сего предприятия, при первой возможности оно не упустит привести оное в исполнение» (14). Так закончился практически ничем этот фантастический и совершенно нереальный проект.

Как это ни странно, но мнение о том, что заселение острова Уруп, создание там земледельческой и торговой колонии будет чрезвычайно полезно для России, имело, по-видимому, достаточно большое распространение в обществе того времени. Об этом свидетельствует и проект М. М. Булдакова, о котором мы уже говорили выше (15), и докладная записка известного ученого и путешественника Г. И. Лангсдорфа «О Камчатской торговле» на имя графа М. М. Сперанского (16). Но осуществить эти идеи так никогда и не удалось по причине совершенной непригодности острова Уруп по своим климатическим и естественно - географическим особенностям для земледельческой колонии.

Однако кроме причин экономического характера, побуждавших Главное правление РАК стремиться к освоению Курильских островов, о чем говорилось выше, имели место и причины политические. Дело в том, что идя навстречу РАК, правительство Александра I, одновременно с утверждением новых привилегий, издало еще 4 сентября 1821 года указ, согласно которому иностранным кораблям не только запрещалось торговать с коренными жителями русских владений, но и подходить к ним ближе ста миль. Производство торговли, пушного, рыбного и китового промыслов на Алеутских, Курильских островах и по северо-западному побережью Аляски разрешалось тогда только русским (17). Однако уже через три года царское правительство вынуждено было фактически отменить свой указ, заключив с Соединенными Штатами Америки и с Великобританией в 1824—1825 гг. конвенции, закрепившие существовавшие границы русских владений на Американском континенте и определившие принципы свободной торговли в этом регионе. Тем самым РАК была лишена возможности дальнейшего расширения своих владений в Америке (18), и теперь могла увеличивать свое бла-

госостояние исключительно за счет интенсификации эксплуатации своих собственных владений.

Поэтому нам представляется естественным, что 16 апреля 1826 года Главное правление РАК из Петербурга направило Главному правителю российских колоний в Америке в город Ново-Архангельск (остров Ситка в архипелаге Александра) капитану II ранга Матвею Ивановичу Муравьеву депешу, которая на многие годы предопределила дальнейшую судьбу освоения русской части Курильских островов вообще и острова Уруп в частности.

Нам пока не удалось выяснить источник информации Главного правления, но в депеше совершенно определенно сообщалось о том, что «...по всей гряде Курильских островов компания не имеет ни одного заселения, хотя с достоверностью полагать можно, что в тамошних водах много водится морских бобров и что от заведения там промышленности должно ожидать значительных выгод: там умеренный климат, и на полуденной стороне если не хлеб, то по крайней мере огородные овощи могут родиться в изобилии; не может быть недостатка в рыбе и дичи... Неуспехи прежде бывшего на 18 острове отряда приписать должно единственно тому, что не было там вопреки предложениям покойного Г. И. Шелихова алеутов с байдарками, без которых всякое покушение на промысел в Курилах будет бесполезно, при том же главным предметом тогдашнего в Курилах отряда, было разведение там хлабопашества, но теперь, по полной безнадежности своей, не должно иметь здесь места. Намерение Главного правления состоит единственно в том, чтобы сделать на одном из Курильских островов прочную оседлость, к чему без сомнения 18 остров (Уруп) может быть самым удобным, и производить там промыслы морских и земноводных зверей». И далее в депеше предписывалось сформировать в Ново-Архангельске Курильский отряд, придав ему оставшихся не у дел в результате сокращения промысла кодьякских алеутов с байдарками, снабдив их всем необходимым «..для первого обзаведения и промышленности...» и на специальном судне отправить на Курильские острова (19).

Однако выполнить это предписание Главного правления сразу же не удалось, так как срок контрактной службы в колониях М. И. Муравьева истекал и вскоре, в 1827 году,

на корабле «Елена» он покинул колонии и вернулся в Петербург. На посту Главного правителя российских колоний в Америке его сменил бывший помощник — капитан II ранга Петр Егорович Чистяков, утвержденный в этой должности указом правительствующего сената 3 февраля 1827 года (20). В частном письме на его имя от 15 апреля того же года, подписанном директорами компании Андреем Севериным и Иваном Прокофьевым, ему предписывалось в обязательном порядке и как можно быстрее приступить к заселению Курильских островов (21). Но и на этот раз веские причины задерживали исполнение проекта. 13 апреля 1827 года П. Е. Чистяков сообщил в Петербург о том, что в данное время не имеет возможности выполнить поручение из-за отсутствия свободных людей. Кроме этого, в депеше имелся прозрачный намек на возможность его досрочного ухода с поста Главного правителя, что, правда, не было осуществлено, и на его долю выпали основные хлопоты по организации экспедиции.

Дело сдвинулось, и уже весной 1828 года П. Е. Чистяков сообщил в Главное правление, что для организации нового заселения на острове Уруп он назначил бриг «Байкал» под командованием мичмана Адольфа Карловича Этолина (22), которому предписано высадить отряд в гавань, находящуюся на восточной стороне острова, «...где находилось и прежде компанейское заселение...». Предполагалось, что в отряд войдет 10 русских промышленников и 40 алеутов с семействами и байдарками под началом Сысоя Слободчикова (23) и его приказчика Николая Алексеева. Для устройства нового заселения выделялись строевой лес и доски, четыре пушки для строительства укрепления, разные товары и припасы, провизия на два года, двадцать готовых байдарок для промысла и две большие байдары для перевозки грузов. Как русские, так и алеуты были вооружены исправными ружьями на случай защиты от возможного, как тогда предполагали, внезапного нападения японцев. Мичман А. К. Этолин должен был сам побывать на берегу и помочь С. Слободчикову в выборе места для строительства поселения и укрепления, а по выполнении этого важного дела и по сдаче груза — пойти на судне к северу вдоль Курильской гряды с целью разведки запасов пушного зверя и для оповещения местных жителей — курильцев (айнов) — с приглашением их про-

давать пушнину в новое компанейское селение. Судя по тексту документа, П. Е. Чистяков полагал, что колонисты едва ли успеют в навигацию 1828 года осмотреть остров Уруп, но если разведка А. К. Этолина будет успешной, он предполагал на следующий год послать специально построенный для Курильской экспедиции небольшой бот для организации еще одного промыслового селения на острове Симушир (24).

28 мая 1828 года П. Е. Чистяков донес в Петербург об отправлении брига «Байкал» в рейс на Курильские острова. По-видимому, перед самым отправлением произошли некоторые изменения в списочном составе отряда. Вместо Н. Алексеева приказчиком был назначен Андрей Мыльников, а в состав отряда вошло 12 русских работных людей и 49 алеутов и кодьякцев (см. список в Приложении 1).

Начальнику отряда Курильских островов Сысою Слободчикову была дана подробнейшая инструкция по организации поселения на 18 Курильском острове Уруп или Александра (25).

Через несколько дней, воспользовавшись первым благоприятным ветром, мичман А. К. Этолин направил бриг «Байкал», укомплектованный командой из 30 человек, состоящей преимущественно из русских (26), в открытое море, и вскоре благополучно подошел к океанскому берегу острова Уруп, к месту, которое в документах того времени называли «Судовая пристань» (современное название «Бухта Алеутка» — Прим. авт.) и по определению В. М. Головнина, расположенную в широте 45°56'29». Так как бухта оказалась слишком мала для судна такого размера (27) и совершенно открыта для океанских восточных ветров, высадку отряда и выгрузку имущества производили «...держась иод парусами в близком расстоянии от берега». Закончив грузовые работы, А. К. Этолин, оставив судно на попечение штурманского помощника Матвея Обрядина и ученика мореходства Андрея Глазунова, съехал на байдаре на берег и помог С. Слободчикову «...избрать удобное место для поселения, расположить первоначальные строения и необходимое на случай какого-либо со стороны японцев внезапного нападения, укрепление, которое должно состоять вокруг заселения из земляного вала или деревянного тына». Там же необходимо было установить и четыре артиллерийских орудия. Место было выбрано очень удачно: в вершине бухты, на ровной поверхности у подножья невысокой горы.

Выполнив полностью порученное ему дело, А. К. Этолин вернулся на бриг и вскоре отплыл на север вдоль Курильской гряды для выяснения количества обитающих там морских бобров и «...свидания с курильцами». Однако эта часть плавания была не очень успешной, так как шторма и туманы почти не давали возможности приблизиться к берегу. Поэтому он вынужден был повернуть свой бриг и пошел в Охотск, откуда послал подробное донесение в Главное правление компании о возобновлении компанейского поселения на острове Уруп. Потом он сдал Охотской конторе РАК пушнину, привезенную из Ново-Архангельска (далее она следовала через Кяхтинскую контору РАК для продажи в Китай), получил годовое снабжение для колоний и, с заходом на остров Атха в Алеутском архипелаге, вернулся в Америку. По прибытию в Ново-Архангельск он составил подробное донесение на имя П. Е. Чистякова.

После ухода судна, оставшись с отрядом на берегу маленькой уединенной бухты на необитаемом острове в сотнях верст от ближайшего русского жилья, С. Слободчиков приступил к работе. Первым делом поставили четыре большие парусиновые палатки, в которых поместились люди и было складировано все продовольствие и снаряжение. Потом русские и несколько алеутов приступили к сооружению казармы (28). Ее сделали из досок, снабдив окнами и световым люком, стены и крышу обложили дерном и засыпали для тепла землей, а из кирпичей, привезенных на судне, сложили печи. Предполагалось, что для начальника отряда с женой впоследствии будет построено отдельное помещение, но на первый случай в общей казарме им был «...отделен ... особый покой». Далее приступили к строительству «...с возможным тщанием» бревенчатого амбара для хранения товаров и припасов, «...ибо от сбережения таких вещей, будет зависеть благосостояние ... отряда». Убедившись, что построенные еще при Звездочетове жилища давно сгнили и рухнули, С. Слободчиков определил вторую группу алеутов для строительства юрт. Приступить тогда же к возведению оборонительных укреплений по недостатку времени, сил и материалов, поселен-

цы так и не смогли, ограничившись установкой на берегу пушек.

А тем временем еще одна группа алеутов почти сразу после высадки была направлена на байдарках вокруг острова для осмотра мест, где водятся морские бобры и для начала промысла. Кроме этого, им было поручено собирать сведения о морских течениях, проливах, бухтах, удобных для захода парусных судов, расстояниях до соседних островов. Все эти сведения после возвращения алеутов в селение А. Мыльников записывал в особую тетрадь.

К осени 1828 года почти все, что планировалось построить и сделать, было выполнено. К этому времени из разведки вернулись с богатым промыслом все алеуты, и тогда поселенцы приступили к подготовке к долгой суровой зиме. Начали охоту на нерп и сивучей, мясо которых засаливали для употребления в пищу, а жир использовали для освещения юрт и казармы и для пропитки кожанных стенок байдарок. Кишки морских животных выделывались для изготовления камлеек; шкуры сивучей шли на лавтаки (покрытия) для байдарок, а нерпичьи — для изготовления обуви алеутам. Кроме того, охотились на бакланов и топорков, мясо которых сушили или солили для зимнего употребления. Еще летом набили дубинками гусей, а яйца птиц сохраняли в жире. Собрали и насушили сарану и морскую капусту. Этими работами занимались преимущественно алеутки.

С. Слободчиков знал из инструкции, что на охотской стороне острова находится большое озеро (имеется в виду оз. Токо), куда заходит в большом количестве красная рыба — горбуша и кета, но побывать там в первую осень пребывания на острове не удалось. Но зато в самой гавани и в впадающих в нее небольшой речке и ручье все время ловили неводом, запорами и просто на удочку гольцов, кунжу и форель. В прибрежных водах алеуты удили окуней и треску, а за горбушей ходили на речку, впадающую в океан примерно в четырех верстах к северу от гавани. Рыбу солили, вялили и коптили на зиму.

Летом и осенью удалось собрать довольно много черемши, щавеля, борщевика и ягод — шикши и кустарниковой сладкой рябины. Так что цинга была поселенцам не страшна (29).

С наступлением зимы, не очень морозной, но чрезвычайно снежной, приступили к промыслу лисиц с помощью простейших приспособлений — клепиц и кулемок. Лисы чаще попадались огненно-рыжие, но встречались и чернобурки, и сиводушки. Ловушки обычно ставили на морском берегу, куда по ночам выходят звери подъедать выброшенную морем живность.

Океанское побережье острова Уруп зимой свободно ото льда, и только в самые сильные морозы замерзают небольшие закрытые бухты. Поэтому промысел каланов можно было вести практически круглый год. Зимой морские звери часто выходят на берег, где алеуты ставили на них сети или караулили, особенно в бурное время, ночью и убивали дубинами «...как водится по гряде Алеутских островов».

Хотя Курильские острова неоднократно посещались русскими купеческими и военными судами, они оставались малоизученными, и РАК не располагала точной информацией о них. Поэтому, выполняя поручения Главного правителя колоний, С. Слободчиков предписал А. Мыльникову вести специальные наблюдения и собирать сведения о природе островов. Необходимо было выяснить, где имеются термальные минеральные источники и от каких болезней местные жители ими пользуются. С помощью полученного при отправлении из Ново-Архангельска термометра ежедневно измерялась температура воды и воздуха, по компасу определялось направление ветра и — приблизительно — его сила. Записывались даты выпадения первого снега, глубина снежного покрова и время схода снегов. Особое внимание обращалось на необыкновенные явления природы, как-то ураганы или снежные бури, — долго ли продолжаются и чем сопровождаются; землетрясения — долго ли и по какому направлению случаются; извеждения вулканов и пеплопады; морские течения - при каких ветрах и при каком состоянии атмосферы происходят; сильные дожди, приливы и прочее.

Для наблюдения морских приливов и отливов, при самой малой воде установлен был специальный футшток и по его делениям наблюдался уровень океана в различные фазы Луны. Все эти данные аккуратно заносились в журнал.

При каждом выезде алеутов на промысел им поручалось собирать минералогические коллекции: «...отличительные виды камня, ...особенно прозрачного, также примечать, не попадаются ли в горах горючая сера, каменный уголь и окаменелости, а по морским берегам — раковины, в коих находится жемчуг». Необходимо было собирать также сведения о наличии на острове минералов, пригодных для использования в быту: глин для изготовления кирпичей, точильных и жерновных камней, веществ, пригодных для крашения и беления. Особенно интересовала П. Е. Чистякова фауна и флора Курильской гряды (30).

К сожалению, архивы Курильского отряда и Ново-Архангельска позднее были почти полностью утрачены, и вся эта полезнейшая информация, собиравшаяся многие годы, так никогда не была введена в научный оборот.

Много времени зимой занимало у С. Слободчикова ведение служебной документации «...по расчетам с людьми и по товарной части». При этом, согласно предписанию начальства, надо было так вести хозяйство, чтобы ни русских промышленных, ни алеутов «..не задалживать, а стараться содержать так, чтобы из годового оклада третья часть оставалась в уплату долга...», который имели перед компанией почти все.

Для продовольствия русских промышленников ежемесячно выдавалось в виде пайка по одному пуду муки на счет компании, а при отсутствии или недостатке местных продуктов выдавалось дополнительно от 10 до 20 фунтов муки за собственный счет. Кроме этого, отпускались «на счеты» чай, сахар, табак и мыло, сообразно количеству в наличности, «...всем одинаково, не предпочитая одного другому». Отпускались, как и в Ново-Архангельске, на месяц 1|4 фунта чая, 1 леденец, 1 бутылка патоки, по 1 фунту табака и мыла.

Для алеутов отпускались ежемесячно только мука и табак, а остальное — только иногда.

Русские могли покупать в компании без органичений одежду и обувь, правда, по очень дорогой цене, а алеуты — только в случае крайней необходимости. Этим их побуждали одеваться в самодельную одежду из шкур убитых животных и экономить деньги для выплаты долгов компании (31).

Нам пока не удалось выяснить, были ли в первую зимовку на острове контакты между поселенцами и местными жителями — айнами, или, по терминологии того времени - - мохнатыми курильцами. По позднейшим данным выяснилось, что в небольшом селении на северо-западном побережье Урупа проживало всего семь аборигенов. Но тогда С. Слободчикову было известно только, что немногочисленное население 13 и 14 островов иногда совершает плавание на 16 и 18 острова для промысла морских зверей, что все курильцы крещены, многие говорят по-русски. При свидании с ними им надлежало объявить о том, что поселение возобновлено компанией по воле государя императора. Они должны были оставаться лично свободными, но всю пушнину обязаны были продавать только компании по специально установленным для них ценам или обменивать ее на нужные для них товары. Согласно предписанию, с курильцами следовало обращаться «...кротко и наблюдать, чтобы отнюдь не делать им обид и притеснений». Далее, что касается курильцев, С. Слободчикову сообщалось, что камчатские власти собирают с них ясак. Потому, в случае, если они все свои меха сдадут компании, последняя обязана будет выплатить за них повинности.

В случае, если возникает необходимость привлекать курильцев для каких-нибудь работ на поселении (заготовка пищи, сбор выкидного леса и т. д.) — им следовало за все платить нужными для них вещами (иглами, нитками, бисером, зеркалами — женщинам; порохом, свинцом — мужчинам), но всего понемногу.

Необходимо отметить, что пункты инструкции, касающиеся отношений с курильцами, были полностью реализованы впоследствии, уже в 30-е годы и в полной мере принесли плоды, способствуя установлению дружеских добрососедских отношений.

Инструкция, данная С. Слободчикову, предусматривала даже и совсем уже маловероятную возможность встречи с японцами. К. Т. Хлебников — правитель Ново-Архангельской конторы, которому было поручено составление инструкции для Курильского отряда, полагал, что если русские установят хорошие отношения с айнами, то слухи об этом могут распространиться и на соседние южные острова, на остров Итуруп, в частности, где уже было в это время японское селение.

В случае контакта с японцами им надо было показать, что русские не в первым раз заняли остров Уруп, а возобновили только «...оставленное прежде русское заселение, которого признаки судно лежащее на берегу гавани, юрты и другие строения, и кресты послужат тому доказательством...».

С японцами предписывалось обращаться также «ласково», а если на остров попадут потерпевшие кораблекрушение — то им надлежало оказывать посильную помощь. Особое внимание следовало уделить возможности заведения с японцами торговли. Но, как будет показано ниже, за все время существования компанейских поселений, японцы ни разу не предпринимали попыток нарушить негласную границу и вступить в контакты с русскими. С. Слободчикову и его приемникам впоследствии так же категорически запрещалось распространять свою деятельность южнее Урупа, на Итуруп. Таким образом, были установлены принципы взаимного невмешательства, и жизнь проистекала мирно.

Зима 1828—1829 годов прошла благополучно, в хлопотах и заботах, неизбежных при первозаселении в необитаемой местности. Насколько нам известно, никто не заболел и не умер. В этом, безусловно, была заслуга начальника отряда Сысоя Слободчикова — «..человека опытного, расторопного и честного» — как это явствует из документов. Как и предписывала инструкция, в управлении вверенного ему отряда «...он старался соблюдать во всем должный порядок, подавая собой пример в поведении, справедливости...». Да и все русские и алеуты, входившие в отряд, имели хорошие аттестации (32).

Ранней весной 1829 года было сформировано несколько промысловых партий. Учитывая, что инструкция категорически запрещала пересекать пролив Фриза и распространять свою деятельность на остров Итуруп, который считался принадлежащим Японии, С. Слободчиков дал указание двум промысловым партиям продолжить обследование и охоту на океанской и охотской сторонах острова Уруп, а остальным разрешил, выждав благоприятной и тихой погоды, перебраться через 12—15 верстовые проливы на архипелаг Черные братья (о-ва Южный и Северный Чирпой) и на отдельно лежащий остров Броутона. Но учитывая, что эти острова и следующий к северу остров Симушир разделяет широкий и бурный пролив Буссоль, «..велено было туда не пускаться».

Когда алеуты-мужчины все выехали на промысел, С. Слободчиков приступил к выполнению еще одного пункта инструкции, которому К. Т. Хлебников и П. Е. Чистяков уделяли очень большое внимание. В июне 1829 года свободные от промыслов русские и женщины-алеутки вручную подготовили несколько участков земли под посевы. Из отпущенного в Ново-Архангельске семенного хлеба одна делянка была засеяна пшеницей, другая — ячменем и довольно большая площадь была отведена под картофель, причем для опыта картофель сажали небольшими участками, на различном расстоянии от моря. Андрей Мыльников потом регулярно вел наблюдения, записывая время появления первых всходов, время цветения и так далее.

В начале лета 1829 года на Уруп прибыло из Ново-Архангельска судно — бриг «Чичагов» (33) под командованием Петра Давыдовича Липинского (34). На нем пришло подкрепление отряду: восемнадцать алеутов с семействами (всего двадцать четыре человека, см. список в Приложении II) и девять новых байдарок, а также продукты, снаряжение и прочее имущество, необходимое для жизни на необитаемом острове. Все это состояло на учете судового приказчика Ивана Москвитинова, который должен был остаться на Урупе в качестве еще одного помощника С. Слободчикова, а в случае, если к этому времени будет принято решение основать еще одно поселение, например, в бухте Броутона на острове Симушир, то он мог его возглавить.

Сысой Слободчиков вручил П. Д. Липинскому подробнейшие донесения на имя Главного правителя колоний и сдал судовому приказчику на бриге «Чичагов» Алфею Миловидову пушнину, добытую за истекший год. По данным П. А. Тихменева, она была продана впоследствии за 800 000 рублей ассигнациями (35).

Кроме дополнений к инструкции прошлого года, С. Слободчиков получил от Главного правителя несколько новых предписаний.

Первое касалось поручения Главного правления РАК относительно проверки сведений, поступивших от промышленного Казанцова, жившего когда-то вместе с В. К.

Звездочетовым на Урупе, об обнаружении им на северном побережье острова двух неглубоких пещер, содержащих «...богатую золотую руду... в виде зернистого песка с золотым блеском» (36). Начальнику отряда было поручено найти это место, собрать образцы и доставить их для изучения в Ново-Архангельск.

Второе предписание касалось проверки еще одной информации, связанной с пребыванием на острове артели под предводительством В. К. Звездочетова. Из Охотской конторы РАК Главный правитель получил сведения о том, что при оставлении звездочетовцами острова Уруп в 1805 году «...на пути в Камчатку на 17 острове или Чирпое, что будет первый остров к северу от Урупа, зарыли они некоторые вещи». (По более поздним данным А. Полонского, это были две пушки, котлы, железная и оловянная посуда и т. д.). В подлиннике документа имелась опись спрятанных вещей и, по-видимому, план местности с указанием «примет». С. Слободчикову предписывалось по возможности отыскать эти вещи, и те, которые не попорчены гниением — использовать в быту (37).

Третье предписание запрещало поселенцам в случае прихода на Уруп какого-нибудь иностранного судна вступать с экипажем в торговые сношения (38).

Закончив обстоятельное знакомство с положением дел в Курильском отряде и забрав письменные донесения С. Слободчикова на имя Главного правителя колоний, П. Д. Липинский отдал приказание сниматься с якоря и направил курс своего судна на север вдоль Курильской гряды. В этом плавании ему удалось наконец-то выполнить прошлогоднее поручение, данное А. К. Этолину об обследовании архипелага (которое не было выполнено из-за штормов и туманов), и подойти «для свидания с курильцами» к острову Расшуа. Штурманский помощник М. Обрядин съезжал на берег и объявил местным жителям о возобновлении компанейского заселения в Гавани (известной курильцам под названием Тавано) на Урупе и пригласил их побывать там для продажи мехов.

Помимо прочего, М. Обрядин выяснил, что действительно несколько лет тому назад неизвестное японское судно забрало в плен с островов несколько курильцев и с тех пор их судьба неизвестна (39). Слухи об этом, много лет циркулировавшие в Русской Америке, подтвердились.

Впоследствии, по прибытию в Охотск, П. Д. Лилинский представил подробные донесения как в Главное правление РАК в Петербурге, так и Главному правителю российских колоний в Ново-Архангельске. Эти известия вызвали вполне обоснованное беспокойство начальства и побудили их принять дополнительные меры к защите Курильских островов.

После ухода брига «Чичагов» жизнь на Урупе продолжалась обычным порядком, но 23 августа 1829 года скоропостижно скончался первый начальник Курильского отряда Сысой Слободчиков. Он был похоронен здесь же в бухте, однако установить точно место его захоронения нам пока не удалось. Вполне вероятно, его похоронили на старом кладбище, где покоились В. К. Звездочетов и другие поселенцы, умершие здесь в период с 1796 по 1805 годы. Но возможно, уже тогда было основано новое кладбище, расположенное, по свидетельству очевидцев, позже посещавших бухту, на холме над селением.

Исполнение обязанностей начальника отряда принял на себя старший по должности приказчик А. Мыльников. Вдова С. Слободчикова Катерина, по-видимому, в тот же год выехала с Урупа, и дальнейшая судьба ее нам пока не известна.

Этими немногочисленными фактами исчерпываются сейчас наши сведения о возобновлении промыслового селения в Гавани на острове Уруп и о жизни поселенцев в первый год его существования. Совершенно очевидно, что по замыслу Главного правления РАК и при активном участии Главного правителя Российских колоний, который использовал немалый опыт освоения новых территорий и немалые материальные ресурсы Русской Америки, к возобновлению поселения приступили всерьез, обеспечив его необходимым количеством специально подобранных людей, полным комплектом всего необходимого для первоначального обзаведения и промысла. Заняв последнюю из дарованных ей по Привилегиям территорию, компания перешла от экстенсивного к интенсивному методу развития собственной экономики. Кроме этого, организация поселения на Курилах, помимо своего экономического значения для компании, имела большое политическое значение и способствовала укреплению позиций России в этом регионе. Учредив новое поселение у самой границы с Японии

ей, Российско - американская компания, по нашему мнению, в значительной степени предопределила историческую судьбу архипелага, и при дальнейшем территориальном размежевании между двумя странами северная часть гряды осталась за Россией.

В заключение этого раздела считаем необходимым отменить еще одну немаловажную деталь. Как это ни странно, в отличие от других постоянных поселений РАК, селение на Урупе и в этот период не имело официального названия. Почти полностью исчезают из обихода старые названия острова — Александра и его порядковый номер — Восемнадцатый. Морские офицеры уже пользовались только терминологией навигационных карт.

Поскольку события, связанные с возобновлением поселения на острове Уруп, проистекали одновременно и в Петербурге, и в Ново-Архангельске, нам придется время от времени, нарушать хронологию повествования и снова обращаться к более ранним событиям.

Уже после отправления промысловой партии на остров Уруп, летом 1828 года П Е. Чистяков получил несколько предписаний Главного правления РАК, касающихся организации Курильской экспедиции. Эти депеши были отосланы в конце зимы 1828 года и получены в середине лета, когда первые транспорты пришли из Охотска в Ново-Архангельск.

В первой депеше (№ 251 от 23 марта) Главному правителю напоминалось, что еще Екатерина II отменила сбор ясака с жителей Курильских островов, но тем не менее, по каким-то причинам этот ясак собирается с курильцев камчатским начальством и до настоящего времени. Поэтому П. Е. Чистякову предписывалось подробно выяснить, по какому праву это делается, как часто, в каком количестве и т. д. (40).

Во второй депеше (№ 257 от 23 марта) приводилась информация одного из членов отряда В. К. Звездочетова — кузнеца Степана Казанцова об обнаружении им на Урупе золота и предлагалось эту информацию проверить (41).

В третьей депеше (№ 350 от 13 апреля) Главное правление делало выговор П. Е. Чистякову за задержку с по-

сылкой промысловой партии на Уруп. Судя по тексту документа, еще в апреле 1827 г. П. Е. Чистяков доносил в правление компании о невозможности организовать тогда экспедицию на Курилы из-за нехватки людей. Кроме этого, он, по-видимому, намекал на возможность своего досрочного ухода с должности и выражал надежду, что курильскими проблемами займется уже его приемник (42).

Примерно в это же время П. Е. Чистяков получил информацию из Охотской конторы РАК (по-видимому, исходящую от кого-то из ветеранов компании) о вещах звездочетовцев, зарытых в землю в 1805 году на острове Чирпой.

Летом 1829 года П. Е. Чистяков получил очередную партию депеш из Петербурга. В это время Главное правление уже имело все донесения 1828 г. из Ново-Архангельска и из Охотска от А. К- Этолина, поэтому характер посланий резко изменился. В депешах № 414 и 419 от 9 и 10 апреля 1829 года Главное правление выражает П. Е. Чистякову благодарность за организацию и посылку Курильского отряда и одобряет все его распоряжения, касающиеся этого дела. Также получили положительную оценку правления его идеи о необходимости постройки специального судна, которое впоследствие будет приписано к Курильскому отряду и постоянно там будет находиться для обеспечения транспортных потребностей (43).

К этому времени на Ново-Архангельской верфи полным ходом шли работы по строительству брига «Уруп», который был заложен 2 декабря 1828 года мастером Иогансоном. Длина судна по килю 85, по палубе 97 футов, он имел медные скрепления набора и обшивку корпуса. 30 ноября 1829 года бриг был спущен на воду, обойдясь компании в 100727 рублей (44). Это судно, по первоначальному плану Главного правителя, предназначалось для Курильского отряда и зимой 1829—1830 гг. шло его оснащение и подбор команды.

И вообще, дела Курильского отряда и связанные с ними заботы, сильно беспокоили Главного правителя российских колоний в Америке. В марте 1830 года он дал предписание Кодьякской конторе РАК убедить алеуток, мужья которых находятся в промысловой партии на Урупе, поехать туда по их просьбе. Кроме этого, необходимо

было набрать дополнительно еще несколько добровольцев для укрепления Курильского отряда.

Из донесения в Главное правление компании от 4 мая 1830 года, составленного на основании сведений, полученных от лейтенанта П. Д. Липинского, известно, что П. Е. Чистякова беспокоило то, что на Урупе до сих пор не было построено укрепление, и что селение, хотя в нем насчитывается около 90 человек поселенцев, совершенно беззащитно от возможного внезапного нападения японцев. Но выделить дополнительно ни русских, ни алеутов он тогда не имел возможности. В этом же документе сообщается о том, что в конце мая текущего года на Курильские острова направляется лейтенант П. Д. Липинский на только что построенном бриге «Уруп». Он должен привезти снабжение и вывезти пушнину прошлого года в Охотск. Причем П. Е. Чистяков полагал, что впредь нужно будет посылать судно для аналогичных целей не из Ново-Архангельска, а из Охотска. После первых походов на Курилы А. К. Зтолина и П. Д. Липинского, по-видимому, было признано, что по навигационным условиям гряды нецелесообразно и опасно иметь там такое большое судно, как бриг «Уруп». Кроме того, предполагалось, что каждый год на Уруп будут заходить суда, следующие из Ново-Архангельска в Охотск, забирать там отчеты и донесения, оставлять новые предписания и инструкции. В этом же письме высказывается идея о необходимости более детального обследования Курильской гряды, и мы не исключаем возможности, что именно вследствие этого потом, много лет спустя, Курильские острова посетил посланный Академией наук препаратор Зоологического института И. Г. Вознесенский. И наконец последнее, что предлагалось в этом письме, относится к необходимости организации еще одного промыслового компанейского поселения в бухте Броутона на Симушире. Последнее предложение мотивировалось тем, что это место очень удобно для промысла и часто посещается местными жителями — курильцами (45).

В других депешах Главному правлению сообщалось, что после смерти С. Слободчикова, на Урупе начальником отряда утвержден А. Мыльников, о прибавке ему жалования и о том, что он имеет хорошего грамотного помощника (имея в виду, по-видимому, Москвитинова). Главной задачей поселенцев, как и прежде, определяется промысел морских бобров на самом Урупе и на соседнем Чирпое.

26 мая лейтенант П. Д. Липинский получил предписание и при нервом благоприятном ветре вышел в плавание к Курильским островам и в Охотск. Прибыв на остров Уруп в компанейское селение, время сдачи груза и приема пушнины он употребил на обстоятельную беседу с А- Мыльниковым о состоянии дел Курильского отряда. П. Д. Липинский имел полномочия вскрыть письма и отчеты А. Мыльникова к Главкому правителю, ознакомиться с ними и на основании полученных данных, как и в прошлом году, составить подробное донесение в Главное правление компании в Петербург.

Кроме этого, П. Д. Липинский вручил А. Мыльникову несколько писем от П. Е. Чистякова. В первом из них содержался подробный вопросник для составления ежегодного отчета, который необходимо было посылать к 1 июня. Он содержал следующие пункты:

«1. Благополучно ли все в твоем отделе?

2. Как прожили год после отплытия судна, т. е. не было ли умерших, больных, не случилось ли несчастья, не нуждались ли в важнейших продовольствиях, не было ли особенных болезней, чем были заняты, что построено в селении?

3. Не посещали ли селение японцы или с прочих островов курильцы, с какими намерениями?

4. Не приближались ли иностранные суда, с которыми, впрочем, строго запрещено тебе иметь сношения?

5. Каков был промысел, количество оного, наши надежды на оный в будущее время и средства к умножению оного? »

Во втором письме А. Мыльникову предписывается, в случае неизбежного сокращения промысла на Урупе, активнее осваивать остров Чирпой, зимой заниматься клепешным промыслом, «...но ни в коем случае не ходить на остров Итуруп, принадлежащий японцам».

В этом же письме П. Е. Чистяков благодарит А. Мыльникова за «ласковое обращение с курильцами» и просит его не препятствовать, если они захотят поселиться на Урупе. В заключение письма П. Е. Чистяков предлагает А. Мыльникову отобрать из своей команды несколько

алеутов, желающих выехать на Кодьяк, и отпустить их туда с первым судном для распространения «...слуха об изобильном бобровом промысле на островах Курильских...». Таким образом, предполагалось привлечь на Уруп новых охотников (46).

Еще в одном письме П. Е. Чистяков сообщает, что ему известно из донесения П. Д. Липинского за прошлый год о том, что на выбранном А. К. Этолиным месте до настоящего времени укрепление не построено. Главный правитель колоний пишет: «..Я не приписываю таковое упущение твоему нерадению, ибо мне известно, что люди употреблялись к строению необходимейших жилищ и магазинов. Но ежели и по сию пору ничего не сделано для защиты селения, то приказываю тебе, — не отвлекая однакож чрез то людей от промыслов, непременно заняться укреплением... Ежели почва земли дозволит, то выкопать ров, а из выброшенной земли сделать вал с амбразурами, т. е. с местами для пушек и иметь всегда артиллерию и прочил огнестрельные оружия в исправности; или сделать из бревен, или хотя из плах, или какого-либо другого леса... батарею» (47).

Кроме того, имелось несколько менее значимых предписаний: разрешение промышленникам Д. Щукину, С. Зеленкову и Р. Иванову (все из первого десанта) выехать в Охотск для последущего увольнения из компании по окончанию срока контракта; напоминание о необходимости проверить информацию С. Казанцова об обнаружении на Урупе золота; о посылке 50 листов железа для оббивки внизу магазинов или ларей от повреждения мехов крысами; о назначении Андрею Мыльникову прибавки к жалованию (600 + 400 = 1000 руб. в год) со дня смерти С. Слободчикова 23 августа 1829 года (48).

И наконец, последнее письмо из привезенных на Уруп лейтенантом П. Д. Липинским, хотя и косвенно, проливает свет на взаимоотношения начальника отряда со своими подчиненными. В нем Главный правитель пишет: «Усмотрев из представленного мне в прошлом году ежедневного твоего журнала, что 27 октября ты два раза ударил в лицо алеутского тойона Ченалика, принужден тебе сказать, что начальнику весьма неприлично бить кого-либо из своих рук, а особенно тойона. Поэтому и предписываю тебе отнюдь сего не делать и впредь его телесно

не наказывать. В случае его провинности есть другие наказания, которые он более будет чувствовать: содержание некоторого времени под караулом, невыдавание ему в продажу сахару, чаю и прочих статей выдаваемых другим алеутам, но и то надобно тебе сказать, ненадолго. Польза компании состоит в сбережении алеутов и поощрения их усердия к промышленности, а потому и требует человеколюбивого с ними отношения» (49).

Эти письма П. Е. Чистякова на Уруп были последними его распоряжениями по управлению новым компанейским отрядом. Лейтенант П. Д. Липинский, прибыв в Охотск, принял там на борт нового Главного правителя российских колоний в Америке барона Фердинанда Петворича Врангеля (50), который приступил к исполнению своих обязанностей по прибытию в Ново-Архангельск 5 октября 1830 года и сразу окунулся в многочисленные дела и заботы (1 июня 1830 года недавно произведенный в капитаны I ранга П. Е. Чистяков сдал дела, на время до прибытия нового Главного правителя, своему помощнику — К. Т. Хлебникову, и выбыл из колоний в Россию).

А тем временем жизнь на Урупе в компанейском поселении продолжалась своим чередом, по заведенному порядку. В 1830 году общая численность населения там составила 80 человек (51). Из них:

Русских		Креолов		Алеутов		Итого		Всего
мужчин	женщ.	мужчин	женщ	мужчин	женщ.	муж.	женщ.	
11	—	1	—	59	9	71	9	8

К этому времени все основные хозяйственные работы были закончены и главной заботой поселенцев оставался промысел морских бобров, в котором, в той или иной форме, принимали участие все от мала до велика, обеспечивая тем самым благосостояние компании и свое собственное существование.

Интересно сопоставить данные из «Табеля о жаловании чиновникам и другим служащим нечиновным, а так же промышленным...» на 1 января 1830 года (52):

Главный правитель колоний	30 000 руб. в год
Морской офицер	7 000 руб. в год
Начальник отдела (или отряда)	1 000 руб. в год
Помощник начальника отдела	450 руб. в год
Промышленник	350 руб. в год

Исходя из этого, нетрудно подсчитать, что ежегодные затраты на выплату заработной платы всем служащим Курильского отряда составляли примерно 28 750 рублей. К этому необходимо прибавить примерно 1 500 рублей стоимости продуктивного довольствия, которое получали все служащие «от компании». Итого получается немногим более 30 000 рублей в год на всех. Зная, что только за 1828 — 1829 промысловый год мехов было добыто и продано на 800 000 рублей ассигнациями, и зная примерное число поселенцев, нетрудно, опять-таки приблизительно, подсчитать доход, который приносил каждый служащий для компании: он составлял немногим меньше 10 000 рублей в год. По видимому, именно этим можно объяснить причины, побуждавшие Главное правление компании и ее директоров в Петербурге и Главных правителей российских колоний в Ново-Архангельске прилагать столько усилий для активизации работы Курильского отряда, самого рентабельного и перспективного в то время.

А теперь обратимся к событиям, которые имели непосредственное отношение к изучаемому нами предмету, но происходили в Петербурге. К этому времени завершилась многолетняя переписка Главного правления компании с правительственными учреждениями и «... высочайше утвержденном 9 ноября 1830 года постановлением Сибирского комитета было определено: Курильские острова принять в ведомство Российско - американской компании, привести в известность число жителей на тех островах, учредить на острове Симушир контору, и установить по управлению островами и по части промышленности, существующий в российских колониях порядок, согласно

высочайше дарованным правилам» (53). Кроме этого, на протяжении всего года Главное правление РАК вело переписку с министерством финансов о прекращении сбора ясака с жителей Курильских островов. Она была начата 27 февраля 1830 года и окончена 8 марта 1833 года (54), но поскольку эта тема уже нашла свое отражение в специальной литературе, здесь мы ограничимся только констатацией факта: сбор ясака и податей с коренных жителей Курильских островов был действительно отменен благодаря энергичным и последовательным действиям Российско - американской компании (55).

А в Ново-Архангельске в ту же осень 1830 года, как мы уже говорили выше, делами и заботами Курильского отряда занялся Ф. П. Врангель. 10 октября 1830 года он напомнил, вслед за П. Е. Чистяковым, Кодьякской конторе РАК о необходимости убедить жен алеутов, находящихся на Курилах, выехать к своим мужьям на Уруп. По-видимому, увещевания не помогли, и поэтому 17 февраля 1831 года Ф. П. Врангель в категорической форме предписал Кодьякской конторе «...не токмо уговорить жен ехать к своим мужьям, но и принудить их к этому, ибо самый обряд венчания налагает на каждую жену христианский долг следовать за мужем куда бы то ни было и одна болезнь или нежелание мужа иметь при себе жену свою может некоторым образом оправдать сито последнюю в том, что оставляет мужа без помощи». Дело сдвинулось с «мертвой точки», и уже 14 апреля он мог сообщить Ново-Архангельской конторе РАК о доставке на бриге «Чичагов» алеуток с Кодьяка (56).

В период с 26 по 30 апреля 1831 года Ф. П. Врангель вел интенсивную подготовку к отправке брига «Уруп» под командованием Дионисия Федоровича Зарембо (57) в очередное плавание из Ново-Архангельска в Охотск с заходом на Курильские острова. Главный правитель подготовил пакет предписаний на имя командира отправляющегося судна, начальнику отряда А. Мыльникову, в Главное правление, Охотскую и Ново-Архангельскую конторы. Хотя к этому времени официальные депеши из Петербурга еще не были получены, Ф. П. Врангель, по-видимому, знал

о важнейших решениях, принятых в столице, и готовился к их воплощению в жизнь.

В начале мая бриг «Уруп» снялся с якоря, вышел в море и примерно через 20—25 дней благополучно достиг острова Уруп. Там выяснилось, что шхуна «Акция», ожидаемая со дня на день из Охотска, еще не пришла. Поэтому лейтенант Д. Ф. Зарембо отпустил на берег четырех русских промышленников, посланных из Ново-Архангельска в подкрепление Курильскому отряду. Это были Иван Тиханов, Федор Поздеев, Григорий Федорушков и Федор Матвеев. О них известно только то, что они «знали пильную и плотницкие работы». Следовательно, можно предположить, что их намерены были использовать для строительства в гавани укрепления. Кроме этого, прибыли семь алеуток с детьми из Кодьяка, которых ждали на Урупе несколько лет (см. список в Приложении III). В свою очередь, А. Мыльников получил разрешение отправить в Охотск шесть человек, которым это было обещано еще П. Е. Чистяковым. Таким образом поддерживалась стабильность численного состава поселенцев. Однако нетрудно заметить, что уже тогда усилилась тенденция к сокращению и без того небольшой русской прослойки за счет увеличения количества алеутов. Кстати, с этого времени Ф. П. Врангель установил порядок, по которому желающие сменить место службы и уехать с Курильских островов, должны были уведомлять его об этом не позднее одного года до предполагаемого выезда. Это существенно закрепило кадры и снизило транспортные расходы на их перемещение.

Потом лейтенант Д. Ф. Зарембо приказал судовому приказчику Якову Гейнцу сдавать на берег снабжение, принимать промысла истекшего года, а сам много времени потратил на ознакомление с положением дел в Курильском отряде. В целом он нашел их довольно успешными. А. Мыльникову были вручены письма Главного правителя колоний барона Ф. П. Врангеля.

По вскрытию последних выяснилось, что начальнику Курильского отряда предписано, помимо обычной посылки партий алеутов по побережью Урупа и на остров Чирпой, воспользоваться приходом шхуны «Акция» из Охотска для организации еще одного компанейского поселения на северной оконечности острова Симушир в бухте Бро-

утона, куда следовало послать 8—10 алеутов с байдарками, под руководством одного русского и с запасом всего необходимого на один год. Судя по тексту документа, в случае, если промысел там окажется успешным, планировалось создание на Симушире постоянного поселения, но ничего не говорилось о возможном создании там конторы РАК и переносе туда центрального поселения. Что касается транспортных коммуникаций, то планировалось обеспечивать новое поселение снабжением и вывозить меха теми же судами, которые будут ходить из Охотска и из Ново-Архангельска на Уруп. При такой системе, не менее двух судов в навигацию будут непременно заходить в селения на Курильских островах, что, несомненно, улучшит и сделает более надежной связь с Россией и американскими колониями. Причем из Охотска будут привозить на Курильские острова «российские товары»: чай, сахар, масло, ситцы, сукна, полотна и т. д. А из Ново-Архангельска — «годовую пропорцию колониальных товаров» (58).

Хотя снабжение в основном теперь будет идти из Охотска, А. Мыльникову еще раз напоминалось, что его отряд по-прежнему остается «в ведении колониального начальства», следовательно, он выполняет приказания и отчитывается только перед Ново-Архангельском.

В следующей депеше сообщалось о том, что Охотской конторе дано предписание отправить на Уруп несколько голов крупного рогатого скота, причем А. Мыльникову вменялось в обязанность «стараться о расплоде оного». Кроме этого, на Уруп были отправлены семена огородных овощей. Все это, по мнению Главного правителя, при условии надлежащего старания, должно способствовать лучшему обеспечению людей свежей пищей, особенно, когда в селении появились дети (59).

Из следующей депеши под № 125 видно, что Главному правителю стало известно, что А. Мыльников предлагал одному чиновнику, посетившему остров, шкуру морского бобра в подарок, от которого последний отказался. Так как это считалось очень серьезным проступком, нарушающим права и привилегии компании, А. Мыльников получил выговор и очень строгое предупреждение (60).

Следующие две депеши предписывали Курильскому отряду заготавливать ежегодно несколько бочек соленой или квашеной черемши и на приходящих судах отправлять

их в Ново-Архангельск. Вторая депеша нам представляется настолько важной, что далее приводим ее полностью: «Приказываю тебе собирать травы и цветки всех вообще видов, какие только растут на острове в долинах и на горах, по 10 экземпляров каждого растения, и сушить их в посылаемой при сем большелистной бумаге, так чтобы сохранился их настоящий вид. Собирай также всех сортов морскую и лайденную капусту и обмыв оную в пресной воде и высушив хорошо на воздухе, плотно уложи в ящик или боченок для пересылки. Старайся также собирать семена или ягоды кустарников и деревьев: листья и цветы суши в бумаге, а насчет самих деревьев, то присылай образчики оного вместе с корою, и уложи так, чтобы она не стерлась. Буде найдешь окаменелости, то тщательно таковых собирай и присылай ко мне уложив и укупорев в надежные ящики». Надо полагать, что эти коллекции были собраны, отправлены сначала в Русскую Америку, а потом поступили в Российскую Академию наук. Возможно, что и сейчас они хранятся в академических" собраниях (61).

Окончив все дела на Урупе, лейтенант Д. Ф. Зарембо снова вышел в море, взяв курс на Охотск, куда прибыл также благополучно. Там он вручил Охотской конторе несколько предписаний Главного правителя, касающихся ежегодной посылки на Курильские острова шхуны «Акция» для снабжения поселений и вывоза промыслов, причем в текущую навигацию необходимо было доставить людей и строительные материалы для организации поселения на Симушире. На Уруп необходимо было доставить поселенцам двух коров и одного быка (62).

Кроме этого, несколько донесений барона Ф. П. Врангеля было отправлено в Главное правление компании в Петербург. В них сообщалось, что на ранее поступивший запрос об обнаружении на Урупе золота, А. Мыльников прислал образцы глины с «золотым блеском», которые при исследовании «таковым не оказались» (63).

Еще одно донесение касалось собранной А. Мыльниковым информации о сборе ясака камчатским начальством с жителей Курильских островов. Из этого документа явствует, что в 1828 году на Урупе (на северном побережье) проживало всего семь курильцев (две женщины и пять мужчин). От них А. Мыльников и получил информацию о том, что когда они в прошлые годы жили на Симушире,

с них действительно камчатские власти собирали ясак шкурами и деньгами. В 1829 году четверо из этих семерых курильцев, умерло «...от неизвестной болезни», а остальные доставили А. Мыльникову документы, подтверждающие уплату ясаков (64).

Что касается событий, которые происходили летом 1831 года на Урупе, то, как стало известно впоследствии из донесения А. Мыльникова, 21 июня на острове случилось необыкновенное явление, связанное, по-видимому, с извержением одного, из урупских вулканов: «В первом часу по полудню накатилась от норд-веста ужасная туча от которой до такой степени сделалось темно, что без огня ничего нельзя было видеть. Темнота сия продолжалась до 22-го числа 5-ти часов утра, сверху же выпадал густой мелкий пепел с песком и по всему острову выпало оного не менее 1|2 аршина, отчего причинен несносный вред огородным овощам, так что никаким образом нельзя было их очистить от пепла» (65).

Осенью 1831 года Главный правитель российских колоний барон Ф. П. Врангель получил депеши, отправленные из Петербурга еще в марте. В них первенствующие директора компании И. Прокофьев и А. Северин сообщали об официальном вхождении Курильских островов в ведомство РАК, о создании на Симушире конторы, о придании новому отделу специального судна и т. д. К этому времени, как мы уже знаем, Ф. П. Врангель успел провести основные мероприятия по преобразованию Курильского отряда в отдел.

Несколько раньше Главное правление РАК дало предписание своей Охотской конторе летом 1831 года послать в Броутоновскую гавань на Симушире отряд из 10—12 человек для организации поселения, «...чтобы к прибытию туда судна из Ново-Архангельска с управляющим отделом, приготовить необходимые на первый случай постройки». Доставку охотского десанта осуществили на бриге «Полифем», который так или иначе должен был следовать на Уруп для вывоза пушнины и снабжения. Он подошел к Симуширу и высадил там артель под руководством при-

казчика Старцева. Вскоре к ним присоединились алеуты, посланные с Урупа А. Мыльниковым. Все эти люди должны были зимовать на острове, заниматься строительством и промыслом, а потом войти в состав Курильского отдела (66).

Ф. П. Врангель, со своей стороны, осенью того же года посылал на Симушир прапорщика корпуса флотских штурманов Дмитрия Ивановича Орлова (67), но из-за позднего времени, осенних штормов и сильных бурунов на входе в гавань, он туда войти не смог.

На следующий год, 12 апреля 1832 года Ф. П. Врангел вручил прапорщику Д. И. Орлову предписание вступить в должность командира бота «Уналашка» (68), завершить формирование экипажа, получить годовое снабжение и быть готовым отправиться к месту постоянной своей приписки на гряду Курильских островов. Одновременно Ново-Архангельской конторе дается указание исключить бот из капитала Уналашкинского отдела, где он ранее состоял и причислить судно к капиталу Курильского отдела, «...где оно будет находиться впредь до моего разрешения».

17 апреля при первом благоприятном ветре «бот вступил под паруса» и вышел в плавание. Курс был взят на северную оконечность острова Симушир, где в Броутоновской гавани располагалось новое компанейское поселение и уже кипела жизнь (69).

На судне следовали: помощник Д. И. Орлова Семен Замятин (с женой Натальей и тремя малолетними детьми), боцман Иван Курочкин, шесть матросов и вестовой командира Иоган Пауль с малолетней дочерью.

Судовым приказчиком на время рейса шел назначенный бароном Ф. П. Врангелем начальник Курильского отдела Петр Епифанов (70) с женой Ириной и приемным сыном Александром.

Подойдя к узкому входу в гавань на Симушире, встали на якорь, и, дождавшись благоприятной погоды и попутного ветра, с полным приливом прошли пролив благополучно, имея на баре, под килем всего 6 футов, вошли в гавань, и, пройдя примерно 1,1 мили, встали на якорь около самого берега напротив селения.

Сойдя на берег, П. Епифанов, согласно предписания Главного правителя, сместил Старцева с поста начальника селения, назначил его вместо себя приказчиком на бот

«Уналашка», а сам вступил в управление Симуширским селением и всем Курильским отделом, «...приняв на законном основании команду, капитал и дела» (71).

В первую очередь ему предстояло, посоветовавшись с командиром бота и с зимовавшими в гавани русскими промышленниками и алеутами, определить местопребывание главного селения отдела и резиденцию его начальника. Необходимо было выбрать между Симуширом и Урупом. Из расспросов выяснилось, что хотя остров Симушир оказался и не таким изобильным, как предполагалось, но прокормиться, хотя и с трудом, можно. Да и промысел, по результатам прошедшего года, обещал быть удачным и впредь. Но решающим фактором все же оказались трудности навигационного характера. После столь трудного и опасного прохода через бар в гавань, осуществленного почти в идеальных погодных условиях, стало совершенно очевидно, что свободный вход и выход во все времена года и при любой погоде здесь невозможен, что сводит на нет все преимущества глубокой и совершенно закрытой бухты. Поэтому, обсудив все «за» и «против», было принято решение оставить на Симушире в только что построенном селении небольшую артель, а главное селение и местопребывание начальника отдела определить в Судовой гавани на острове Уруп.

Решив этот главный вопрос, П. Епифанов отдал распоряжения об окончании строительных работ и распределил людей на промысел. Потом, погрузив на бот пушнину, добытую за минувший год, снова с большой опасностью для бота вышли в море, и с заходом на остров Чирпой, где сняли промысловую артель, отправились на Уруп.

Прибыв на остров и осмотрев гавань и поселок, П. Епифанов убедился в неоспоримых преимуществах последних перед Симуширом. Гавань, хотя и открытая с востока, всегда оставалась доступной, особенно для такого небольшого судна, как бот «Уналашка».

Приступив к делам, П. Епифанов уведомил А. Мыльникова о преобразовании Курильского отряда в отдел, о своем вступлении в должность начальника отдела и назначил его байдарщиком Урупокого селения с жалованием в 600 рублей в год. Далее в течение нескольких дней П. Епифанов вникал в дела отдела, знакомился с документацией, провел ревизию имевшихся в наличии материаль-

ных ценностей, переговорил со всеми людьми, находившимися в поселке.

Познакомившись с людьми, он отобрал одного русского промышленника, и согласно воле Главного правителя, назначил его байдарщиком еще одной компанейской одиночки на остров Парамушир. Несколько дней ушло на подготовку товаров и припасов, которые запасались на целый год. Потом все это было погружено на бот, и вскоре П. Епифанов с новым байдарщиком отправились на север гряды.

По прибытию на остров Парамушир в главное селение, курильцам было объявлено о том, что Курильские острова ныне поступили в заведование Российско-американской компании, о том, что курильцы с этого момента свободны и не должны уже больше платить ясак и другие повинности представителям камчатских властей, а обязаны продавать всю пушнину «по вольным ценам» компании, для чего у них и создается компанейская одиночка. Впрочем, с равным успехом, они могли теперь приходить для торговли и в селения на Симушире и Урупе. Тойону главного селения курильцев на острове Парамушир был вручен «Открытый лист» за подписью Главного правителя российских колоний в Америке барона Ф. П. Врангеля, где были подробно изложены новые принципы взаимоотношений курильцев с компанией, несомненно выгодные для аборигенов. Потом курильцы помогли новому байдарщику построить юрту, заготовить к зиме дрова и припасы. За все услуги байдарщик расплачивался с курильцами разными нужными вещами (72).

Прапорщик Д. И. Орлов, согласно предписанию барона Врангеля, собрал подробнейшие сведения о количестве местных жителей (мужского, женского пола и детей), об их образе жизни, о промыслах и проч. Все это понадобилось потом для докладов и рапортов начальству.

На обратном пути, следуя вдоль островов Курильской гряды, обследовали несколько лежбищ морских зверей, еще раз подходили к Симуширу, но зайти в гавань не решились, а потом перешли на океанскую сторону и вскоре благополучно достигли гавани при Урупском селении.

Была уже поздняя осень, и однажды в сильный шторм бот «Уналашка» был выброшен на берег. Сильно помяло обшивку борта и, как выяснилось впоследствии, надломило четыре шпангоута. Навигация уже закончилась, поэтому бот не стали спускать на воду, а оставили на берегу на подпорках. Команда бота перешла жить в береговую казарму и в течение зимы помогала поселенцам в заготовке топлива и пропитания, занималась ремонтными работами, а некоторые матросы охотились.

Еще до отправления экспедиции из Ново-Архангельска, П. Епифанов получил для исполнения копию инструкции, ранее данной С. Слободчикову, существенно дополненную и расширенную Ф. П. Врангелем.

В соответствии с предписанием Главного правителя, освободившись от первоочередных дел, связанных с вступлением в должность, и окончив обозрение своих владений, осенью 1832 года П. Епифанов приступил к выполнению своих хозяйственных функций. Первое, что ему поручено было сделать, это «Приведение компанейского капитала в известность: подробную перепись всего домового имущества, как в главном селении на Урупе, так и в отдаленных артелях на Симушире и Парамушире..., составить опись всем гребным судам, байдарам и байдаркам, освидетельствовать количество и качество товаров, долги на промышленниках и алеутах, пушной промысел рассортировать и проверить» (73).

П. Епифанов установил новый порядок, при котором он сам был ответственен за два магазина с пушниной и с товарами, а своего помощника А. Мыльникова назначил заведовать третьим магазином с «...экономическими вещами». Кроме этого, был назначен из числа русских промышленников специальный ответственный за техническое состояние жилых и хозяйственных помещений.

Потом были составлены подробные списки на всех проживающих в селениях отдела русских и алеутов, а несколько позднее — и на курильцев. В дальнейшем велся строгий учет всем выбывшим, прибывшим, родившимся и умершим.

Жизнь в отделе приняла более строгий, размеренный характер. Особое внимание во всякое время года уделялось обеспечению пропитания и «заготовлению кормов». Почти ежедневно свободные от промысла люди направлялись охотиться на нерп и сивучей, ловить рыбу, а женщины — собирать морскую капусту и мелкие съедобные моллюски. По приказанию П. Епифанова во всех селениях

еще осенью «...завели для русских и алеутов общие котлы, в коих варили пищу для всех и выдавали сообразно с находящимися у каждого семействами. Хлебную выдачу производили по положению: русским и креолам по 1 пуду пайка и по 20 фунтов в прикупку. Алеутам же, — только в случае недостатка кормов, и при возможности уделить им муку — отпускали по 10 фунтов в месяц в прикупку» (74).

В соответствии с принятыми в Российских колониях правилами, все были заняты работами летом — по 11 часов, зимой — по 9 часов в сутки.

В целом зима 1832—1833 года прошла благополучно. В Курильском отделе никто не заболел и не умер.

К весне вся необходимая отчетность была подготовлена. Кроме того, П. Епифанов составил «требовательные листы» на получение годового снабжения и в Охотскую, и в Ново-Архангельскую конторы, а А. Мыльников, согласно распоряжению Главного правителя, назначил партию из 24 алеутов на выезд в Кодьяк.

Ранней весной, как только проливы можду островами совершенно очистились ото льда, бот «Уналашка» был спущен на воду. Ему предстояло в наступающую навигацию совершить обход всех селений и одиночек Курильского отдела, собрать там всю пушнину, добытую или купленную зимой, развезти промысловые партии по островам и сделать рейс в Охотск для сдачи промыслов, получения снабжения и строевого леса, необходимого для окончания строительства укрепленной батареи на Урупе.

Таким образом, в течение одного года Курильский отряд был преобразован в Курильский отдел, и с начала навигации 1833 года он уже функционировал в полном составе: главное селение находилось на Урупе, а его подведомственное селение — на Симушире, постоянно действующая одиночка — на Парамушире и сезонная одиночка — на Чирпое. Курильский отдел имел постоянно приписанное небольшое судно, которое полностью обеспечивало транспортные потребности островитян. Следовательно, почти все, что предписывалось Главным правлением компании, свершилось. Почти все, за исключением организации конторы при отделе.

Дело в том, что еще при отправлении бота «Уналашка»

из Ново-Архангельска, Главный правитель Российских колоний в Америке капитан I ранга Ф. П Врангель составил донесение в Главное правление компании в Петербург. Оно было доставлено Д. И. Орловым на Уруп, а потом на шхуне «Акция» в Охотск и далее через Сибирь адресату. В этом донесении подробно излагался план реорганизации отряда в отдел, обосновывались кадровые перестановки и назначения и, помимо всего прочего, сообщалось, что он считает нецелесообразным организовывать на Курильских островах отдельную контору с соответствующим штатом, а ограничится должностными ставками начальника отдела и двумя-тремя байдарщиками. Такая структура, по мнению Ф. П. Врангеля, была бы наиболее экономичной и рациональной, особенно ввиду неизбежного сокращения количества морских бобров, лисиц и прочих зверей. Этими же важнейшими обстоятельствами оправдывалось и установленное ограничение количества алеутов на Курильских островах — не более 40 человек с 20 байдарками.

В этом же письме Ф. П. Врангель сообщил Главному правлению о том, что им даны указания командирам всех судов, заходящих на Курлиьские острова, а в особых случаях начальнику отдела и байдарщикам — «от себя» составлять подробные донесения о делах Курильского отдела и посылать их в Главное правление и Главному правителю (75).

Летом 1832 и 1833 годов в Ново-Архангельск продолжали поступать депеши от Главного правления РАК из Петербурга, касающиеся реорганизации Курильского отряда, образования отдела и прочее (76). В последней из них, № 248 от 31 марта 1833 года, Ф. П. Врангелю сообщалось, что Главное правление, рассмотрев из донесений «...все подробности распоряжений Ваших по Курильскому отделу и, находя, что оные основаны Вами на таких соображениях, в которых не упущены из вида и самые малейшие обстоятельства, могущие способствовать благоустройству отдела и успехам в промышленности, обязанностью считаем изъявить Вам ... искреннюю свою признательность» (77).

Однако вхождение Курильских островов в состав РАК, помимо значительных прибылей последней, породило и новые проблемы. Дело в том, что ранее на Курильские

острова имело виды не только Камчатское областное начальство, собиравшее с курильцев ясак и другие подати, но и священники Камчатской большерецкой церкви, которые более или менее регулярно посещали Северные Курильские острова для исполнения христианских треб (не бескорыстно). Поэтому, узнав о происшедшем изменении статуса гряды, в марте 1833 года Иркутская духовная консистория обратилась с просьбой в Главное правление РАК о предоставлении камчатским священникам права и впредь курировать Курильские острова. Главное правление ответило «...оной консистории, что Курильские острова, по состоянию оных в ведомстве компании на колониальных правах, должны и по духовной части быть приписаны к одному из колониальных приходов, из которых Атхинский есть ближайший к помянутым островам. А потому правление и просит консисторию причислить оные приходу Атхинской Николаевской церкви, с таковою со своей стороны обязанностью, что для исправления христианских треб каждогодно будет приезжать на Курильские острова священник». Соответствующие указания относительно посылки священника на Курильские острова получил и Главный правитель российских колоний в Америке Ф. П. Врангель (80).

Вторая проблема возникла в связи с необходимостью осуществлять, хотя бы эпизодически, медицинское обслуживание населения вновь приобретенных территорий, забота о котором раньше лежала на камчатском начальстве. Хотя совершенно очевидно, что из-за постоянного недостатка «медицинских чиновников» в Американских колониях посылать лекарей на Курилы невозможно, тем не менее Главное правление предписало Ф. П. Врангелю, по мере возможностей, «...доставлять жителям Курильских островов все те пособия, которые они до поступления в ведомство компании получали от камчатского начальства» (81).

Как стало известно впоследствии, архиепископ Иркутский Иннокентий 11 января 1836 года дал согласие на причисление Курильских островов к Атхинскому приходу (82), и в течение ряда лет священники оттуда изредка посещали Курилы. Что же касается посылки «медицинских чиновников», то пока нам не удалось обнаружить в архивах сведений об их пребывании на островах.

Уже в январе 1833 года Главный правитель российских колоний в Америке Ф. П. Врангель предписал Кодьякской конторе, «...принимая во внимание сверхсрочное нахождение алеут в Курилах...», подготовить им на смену 18 или 20 человек «...с женами, но без малолетних детей, и преимущественно таких алеут, которые будучи способны к бобровому промыслу, состоят компании должниками, поелику в Курилах они будут иметь случай расплатиться с сими долгами». На боте «Бобр» их должны были доставить в Ново-Архангельск, а оттуда на Уруп. Столько же алеут планировалось вывезти осенью с Курильских островов на Кодьяк (83).

26 апреля 1833 года в Ново-Архангельске завершилась подготовка для плавания брига «Полифем» под командованием лейтенанта Прокопия Платоновича Митькова. Ему было предписано следовать на остров Атка, потом к Урупу, к Охотску и к осени вернуться в Ново-Архангельск.

По прибытию в компанейское селение на Урупе, с «Полифема» на берег сошли 22 пассажира из числа отобранных на Кодьяке алеутов и посланных на замену ранее прибывшим на Курилы (см. список в Приложении IV). Такое же количество алеутов было подготовлено П. Епифановым на выезд, и они взошли на борт судна. Кроме этого, с разрешения Главного правителя, до Охотска были приняты пассажирами увольняющиеся по окончанию контракта и уезжающие в Россию Григорий Лопаткин, Иван Портнягин и Осип Максимов (все из первого десанта).

Лейтенант П. П. Митьков съезжал на берег и обстоятельно беседовал с П. Епифановым, А. Мыльниковым, с наиболее опытными промышленниками из русских и с алеутами, и получил исчерпывающую информацию о состоянии дел в отделе: о промысле, пропитании, всевозможных нуждах. Эти сведения, наряду с письменными отчетами начальника отдела и байдарщиков, легли в основу донесений в Петербург и в Ново-Архангельск, отправленных в конце рейса. Необходимо отметить, что лейтенант Митьков, как и все остальные офицеры - командиры судов — при отправлении на Курилы получали от Главного правителя чрезвычайные полномочия. Так, например, в этом рейсе П. П. Митьков имел предписание, в случае обнаружения серьезных недостатков в работе отдела и поступле-

нии жалоб на начальника отдела, — сместить П. Епифанова и вывезти его в Охотск, назначив исполнять обязанности начальника А. Мыльникова. Или наоборот, если жалобы поступят на А. Мыльникова — то вывезти его. Однако П. П Митьков нашел состояние дел отряда вполне удовлетворительным, и у него не было необходимости смещать П. Епифанова.

По-видимому, и А. Мыльников остался на Урупе, хотя известно, что к этому времени он неоднократно обращался в Ново-Архангельск с просьбой о переводе на другое место службы, и лейтенант П. П. Митьков имел, предписание, в случае личной просьбы А. Мыльникова, вывезти его в Америку (84).

Сдав годовое снабжение на берег и погрузив промысла истекшего года, бриг «Полифем» направился в Охотск, а потом вернулся в Ново-Архангельск.

В последующие 1834—1836 годы жизнь в Курильском отделе проистекала без особых изменений. Ежегодно ранней весной прапорщик Д. И. Орлов на боте «Уналашка» развозил артели алеутов на охотскую сторону Урупа, на Северный Чирпой, о. Броутона и Симушир. Потом он делал рейс в Охотск, где сдавал пушнину, добытую в минувшем году, и получал годовое снабжение, а потом снова возвращался на Курилы. В 1835 году еще продолжалась переписка по поводу последнего, уплаченного в 1828 году курильцами ясака (85). Несмотря на запрет, в том же году камчатский священник А. Черных посетил остров Парамушир (86). От П. Епифанова в Главное правление компании поступила информация о том, что на о. Симушир морских бобров стало уже очень мало и живущие там алеуты остаются без работы. Поэтому правление дало предписание начальнику отдела о ликвидации постоянной артели на Симурише и переводе людей на Уруп, о чем был проинформирован и новый Главный правитель И. А. Купреянов (87), сменивший Ф. П. Врангеля. Предполагалось, что в случае появления бобров на Симушире, туда будут снова посланы летние партии охотников - алеутов (88). И они были посланы уже весной 1837 года. Байдарщиком селения на острове Симушир был назначен тогда Иван Москвитин. Кроме этого, примерно, в то же время факто-

рия на острове Парамушир была переведена на остров Шумшу в бухту Майропу (современное название Байкова). Байдарщиком в это селение был назначен Сергей Москвитинов.

Из Генерального баланса капиталов Российско-американской компании в Курильском отделе на 1 июня 1836 года (89) числилось:

На байдарщиках (за несданные товары и вещи)	3018 руб. 66 коп.
Домового имущества (недвижимого)	3444 руб. 47 коп.
Скота	230 руб. 00 коп.
Долгов на алеутах	2370 руб. 32 коп.

В 1837 году командир бота «Уналашка» прапорщик Д. И. Орлов, закончив объезд островов и собрав пушнину, как и в прошлые годы, сделал рейс в Охоток. Там, погрузив снабжение, он получил необычное и довольно деликатное поручение: на обратном пути доставить попутным рейсом на остров Итуруп несколько японцев, в результате кораблекрушения попавших на русскую территорию. Поручение было выполнено, но высадка японцев (по-видимому, в Сяна) проходила под обстрелом из укрепления (90).

В ту же навигацию Д. И. Орлов посетил компанейские селения на о. Шумшу и на о. Парамушир. Известно также, что в это лето на Шумшу приходил на галиоте «Мореход» под командованием А. А. Халезова Атхинский священник отец Яков Нецветов.

Навигация 1837 года была последней на Курилах для Д. И. Орлова. Он сдал бот «Уналашка» подпоручику корпуса штурманов Кузнецову. По-видимому, в это же время Курильские острова покинул ветеран отдела — Андрей Мыльников, а на его смену помощником начальника отдела был прислан приказчик Степан Говоров. Ему предстояло прослужить на островах восемнадцать лет до трагических событий 1855 года.

О том, в каких труднейших условиях проходили в то время плавания компанейских судов по Охотскому морю

и вдоль Курильских островов, можно судить по рапорту подпоручика Кузнецова в Главное правление компании: «Вверенный мне бот «Уналашка» 24 июня 1838 года был в совершенной готовности выйти в море, имея в себе груз, подлежащий на острова Курильского отдела, а 25 числа при тихом зюйд-вестовом ветре вышел из реки Кухтуй, прошел бар благополучно, направил плавание к Курильскому отделу, с тем предположением, чтобы развести груз и возвратиться в Охотск того же года.

На первое достиг о. Симушир 4-го числа августа, сдал на оный груз, принял пушной промысел, стал следовать к Урупу. В ночи 11-го числа прошел О (Остовый, Восточный или Тихий) океан проливом Буссоль, а 11 числа в полдень в гавань о. Урупа, став на якорь, где простоял за противными ветрами до 17 числа, к каковому времени перегрузил с бота груз, принял груз для острова Шумшу и бумаги как на острова отдела, так и в Ново-Архангельскую и Охотскую конторы и на имя Главного правителя колоний. Также взял с Урупа 4 байдарки с 9 алеутами, 2 женщинами для доставления на Симушир, ибо того острова байдарщик Иван Москвитинов требовал партии алеутов, чтобы не упустить бобров, показавшихся около острова Кетой. Приказчика же Говорова, распоряжением управляющего Епифанова, взял с Урупа на бот для доставления на Шумшу, чтобы сменить байдарщика Сергея Москвитинова, который должен будет следовать на Уруп к отчету и на смену управляющего Епифанова.

17 августа оставив Уруп пошел к о. Симушир, к коему к южной оконечности подошел 17 числа на расстоянии от 1 до 112 мили, высадил партию алеутов, стал следовать к о. Шумшу и не ранее как 27 августа во втором проливе Курильской гряды при селении на о. Шумшу встал на якорь.

В плавании от Охотска до сего места при свежих ветрах и волнении бот оказался неблагонадежным, имея большую течь.

31 августа вступили под паруса, чтобы следовать к Охотску, но выйдя из второго пролива в Охотское море встретили крепкий норд-вестовый ветер, который препятствовал отделиться от берега и вынудил воротиться в пролив, почему того же числа в проливе, в бухте Атомай став на якорь,

где простоял за таковыми крепкими ветрами до 7 сентября, а ветер не изменился, то предвидя поздний выход при начавших постоянно дуть осеннего крепкого норд-вестового ветра с неблагонадежным ботом, каков «Уналашка», как в корпусе, так и по вооружению, пуститься в море было бы неблагоразумно, почему решился остаться на прозимование на о. Шумшу...

8 сентября бот вытащен на берег, и по вытаске бота установлено, что левый бок подводной части помят, тогда у сего места внутренней обшивки сделали вырубку, увидели, что четыре шпангоута сильно надломлены, между коими ощупано, что наружной обшивки 2 доски тоже надломлены, которое повреждение сделано (по показанию помощника Замятина) в 1832 г. в гавани на о. Уруп, когда бот выкинуло на берег».

Зимовка прошла благополучно. Кузнецов отменил по просьбе курильцев данное им приказание Орлова о необходимости каждый год оставлять места промыслов и возвращаться на зимовку на остров Шумшу. Ближе к весне стали готовиться к плаванию.

«23 июня... вступили под паруса и вышел из пролива в Охотское море, стал следовать к Охотску. 7 июля пришел на вид охотского берега, 8 числа на Охотском рейде стал на якорь, а 9 числа вошел в реку Кухтуй благополучно, сдав груз в ведение Охотской конторы, а бот «Уналашка», распоряжением Охотской конторы, сдал кондуктору Мурашову...» (91). Примерно в таких же условиях, хотя и не всегда так долго, совершались плавания и других компанейских судов по бурному Охотскому морю.

В следующем 1839 году произошли некоторые изменения в системе снабжения Курильского отдела. В связи с тем, что за истекшее после 1836 года время значительно активизировалась торговля между РАК и компанией Гудзонова залива, и в Ново-Архангельск стали поступать в избытке довольно дешевые, по сравнению с ценами в Охотске, товары и продовольствие, то снабжать Курильский отдел из России стало нерентабельно. Поэтому Главное Правление компании депешей от 14 апреля дало предписание капитану I ранга А. И. Купреянову снабжать Курильский отдел прямо из Ново-Архангельска (92). И уже в 1840 году на Уруп была доставлена на бриге «Байкал» партия муки на два года (93). На этом же транспорте туда

были доставлены 23 алеута с семействами и вывезены обратным рейсом в Америку 12 семейств, списочный состав которых пока не выявлен (94).

Среди других важных событий этого периода необходимо упомянуть, что еще в 1839 году И. А. Купреянов по просьбе курильцев выслал в Курильский отдел сруб для часовни, собранной в Ново-Архангельске из американской сосны, и она была сооружена в 1840 году на острове Шумшу в компанейском селении в бухте Майропу. Эта работа и освящение часовни были проведены при непосредственном участии Атхинского священника отца Якова Нецветова (95). Кроме этого, еще в 1837 — 1838 годах курильцы сделали добровольные пожертвования пушниной на будущую церковь. Пушнина была продана в Охотске по вольным ценам на сумму 260 рублей в 1837 г. и 3875 рублей 55 копеек в 1838 г., всего 4135 рублей 55 копеек (96). Эти деньги впоследствии были причислены к капиталу колониального духовного ведомства и поступили в распоряжение епархиального начальства (97). Позже на них купили иконы и церковную утварь для часовни на острове Шумшу.

А еще через два года курильцы обратились к колониальному начальству с просьбой о выделении для новой церкви постоянного священника, пообещав ежегодно жертвовать для его содержания восемь шкур морских бобров и другие меха на сумму примерно 600 рублей, но эта просьба Главным правлением компании была отклонена по причине малочисленности местного населения русской части Курильских островов (98).

С 1840 года делами Курильского отдела вновь занялся человек, стоявший у его истоков, а теперь назначенный Главным правителем российских колоний в Америке, уже известный читателю Адольф Карлович Этолин, недавно произведенный в капитаны II ранга. В 1841 году произошли и некоторые изменения в административном управлении отдела. Управляющим Курильским отделом был назначен приказчик Иоган Форсман (99), прослуживший в компанейских селениях более 15 лет, а приказчик Савченков — байдарщиком на о. Симушир (100) (вместо Мос.квитинова, который проштрафился, «...противозаконно выпустив в продажу найденные с разбитого казенного судна (транспорта «Екатерина») вещи» (101). Судя по косвенным данным, компанейская фактория с острова Шумшу или временно переводилась на остров Парамушир, или на последнем ненадолго возобновлялась компанейская одиночка, но кто ее возглавлял, пока не известно (102).

Экономическое положение Курильского отдела в этот период времени было довольно сложным. В результате интенсивного промысла последних лет, количество морских бобров сильно сократилось. Так, например, известно, что бриг «Константин», заходивший в 1840 году в селения на Уруп, Симушир и Шумшу, вывез оттуда весьма мало пушнины (103). Это, по-видимому, побудило А. К. Этолина в 1842 году войти с ходатайством в Главное правление компании о ликвидации поселений на Урупе и Симушире. Хотя правление и одобрило эту инициативу, но исполнена она так и не была, и это, по-видимому, к лучшему, так как уже к августу 1843 года, по данным командира брига «Полифем» прапорщика А. М. Гаврилова (104), совершившего плавание вдоль Курильских островов, морские бобры на Урупе снова размножились; на Симушире и Кетое, где активизировалась вулканическая деятельность, не только бобров, но и сивучей, и рыбы не стало, а на Шумшу, Онекотане, Ушишире и особенно на Шиашкотане, Экарме и Райкоке — бобров стало очень много (105). Поэтому селения на островах отдела были сохранены и жизнь там продолжалась по-прежнему.

В 1844 году компанейское селение на острове Уруп посетил известный исследователь Русской Америки Илья Гаврилович Вознесенский. Он пробыл на острове всего 22 часа, но оставил там для проведения сборов естественно - научных материалов своего помощника — препараторского ученика креола Филата Дружинина (106), который прожил на Урупе год. Поскольку в будущем мы планируем посвятить этому событию особую статью, здесь ограничимся кратким упоминанием этого факта.

1840—1860 годы — последний период деятельности Российско - американской компании. В 1841 году Привилегии были продлены на новый 20-тилетний срок, но устав компании 1844 года значительно ограничил сферу деятельности компании, сведя ее преимущественно к хозяйственному управлению колониями. Почти полностью пре-

кратилась промысловая деятельность. В связи с этим была проведена очередная реорганизация. Вместо контор с их штатами на островах Алеутского архипелага Уналашке и Атхе были теперь введены должности управляющих островов с подчинением их Ново-Архангельской конторе. Точно такие же преобразования были проведены в 1845 году и на Курилах. Отдел был фактически ликвидирован, но поселения остались и были введены должности управляющих островами Уруп, Симушир и Шумшу. Они также были переданы в ведомство Ново-Архангельсской конторы. С этого момента упоминания о делах на Курильских островах почти полностью исчезают из протоколов исходящих дел Главного правителя колоний, откуда мы преимущественно черпали информацию, а архивы Ново-Архангельской конторы считаются утраченными. Поэтому о последнем периоде деятельности РАК на Курильских островах мы имеем весьма фрагментарное представление. Единственным источником информации остаются депеши Главного правления — Главному правителю колоний, где изредка встречаются краткие сведения о Курилах.

Так, например, известно, что в этот период по «Росписи домовому имуществу в колониях» (107) по Курильским островам значилось:

Домового здания на о. Шумшу	4221 руб. 57 коп.
о. Уруп	3346 руб. 84 коп.
о. Симушир	555 руб. 62 коп.
Всего:	8124 руб. 03 коп.

Судя по этим цифрам, может сложиться впечатление, что наиболее благоустроенным поселением в это время являлся поселок на острове Шумшу. Но на самом деле это было не так, поскольку в общую стоимость компанейского имущества была включена и стоимость часовни (1421 руб. 20 коп.). Что касается бытовых и хозяйственных построек, то, несомненно, на Урупе за все годы существования поселения построено больше. И, конечно, главным определяющим фактором, характеризующим уровень благосостояния того или иного селения, оставалось состояние промысла морских бобров.

Хотя А. М. Гаврилов, плававший на бриге «Тунгус» на Курильские острова, доносил о том, что промысел там в 1845 г. был чрезвычайно успешным (108), имела место общая тенденция к неуклонному сокращению количества морских бобров, добываемых на архипелаге. Поэтому неудивительно, что в 1847 году в Ново-Архангельске было принято решение сократить количество артелей, а следовательно, и селений до одного, время от времени перевозя промысловые партии с острова на остров, и в 1848 году люди из селения на острове Шумшу и Симушир были перевезены на Уруп.

Тем не менее жизнь на островной гряде продолжалась, и в 50-е годы компания снова восстановила все три поселения: на Урупе, Симушире и Шумшу. В 1850 годы рейс вдоль Курильских островов для вывозки пушнины совершил барк «Кн. Меньшиков». По косвенным данным, в этот период времени Курилы становятся объектом пристального внимания иностранных браконьеров, которые совершенно бесконтрольно добывали морзверя, и РАК, не имеющая средств этому противодействовать, вынуждена была мириться с произволом.

Потом наступили бурные события, связанные с участием России в Крымской (Восточной) войне 1853—1856 гг.

Курильские острова, несмотря на признанный нейтралитет Российско - американской компании, стали театром военных действий. Но поскольку история этих событий уже нашла отражение в литературе (109), здесь мы эти моменты опускаем.

Трагические события военного лихолетья коснулись только компанейского селения на острове Уруп. На Шумшу, хотя там и ждали возможной высадки неприятеля, все обошлось благополучно. Жизнь маленького поселка в этот период времени описана В. А. Римским - Корсаковым, побывавшим там на шхуне «Восток» в 1854 году (110).

Компанейские селения на Курильских островах продолжали существовать и в 60-е годы, но об этом периоде мы не имеем почти никакой информации, за исключением сведений о том, что в 1863 году компанейские селения на Курилах обошел для сбора пушнины шкипер П. Г. Лемашевский на пароходе «Император Александр II». В 1864 году аналогичный рейс совершил «Кн. Меньшиков», а в 1865 году на острове Онекотан погиб корабль «Николай

1» под командованием лейтенанта Хохлова. совершавший обход поселений (111).

Жизнь в компанейских поселках продолжалась, но связи с внешним миром постепенно замирали, а с ликвидацией Российско - американской компании в 1867 году прекратились совсем. Алеуты и курильцы после этого остались на островах предоставленными сами себе, и никто в руководстве компании или в общественных кругах России о них не вспомнинал в течение многих лет.

Таким образом, мы постарались по мере возможностей более или менее подробно осветить жизнь в поселениях Российско - американской компании на Курильских островах в 20—60-е годы XIX столетия. Несомненно, это был один ив наиболее ярких и интенсивных периодов в освоении островного архипелага в русский период. Нетрудно заметить, что этот процесс проистекал исключительно в рамках деятельности частной монополистической Российско - американской компании, который ни в коем случае нельзя отождествлять с деятельностью на Дальнем Востоке России, царского правительства вообще. Последнее, как и раньше, не проявляло к островам совершенно никакого интереса и как только появилась первая возможность от них избавиться, в 1875 году передало их Японии.

Нельзя не отметить совершенно уникальную роль в освоении русской части Курильских островов алеутов и кодьякских эскимосов — кодьякцев. Именно они, как и в Америке, в течение всего времени существования РАК, обеспечивали ее благосостояние, а с ликвидацией последней — были оставлены на произвол судьбы на чужбине.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Полонский А. С. Курилы. — СПб., 1871. — С. 414-463.
2. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 123. — Л. 8-8 об.
3. АВПР. — Ф. «СПб. Главный архив». — Р. 1-7. — Оп. 6. — 1802. Д. 1. — Папка 35. — Л. 62-81.
4. ГПБ им. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей — Q IV. — N 430. — Л. 13—14.
5. Макарова Р. В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке. Вторая половина XVIII—60-е годы XIX в. — М., 1974. — С.57.
6. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 125. — Л. 175-176 об.

7. Там же. — Д. 306. — Л. 1-48.
8. Сам Г. И. Шелихов на Урупе никогда не был и судил о возможности развития сельского хозяйства на острове исключительно исходя из его географического положения.
9. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 306. — Л. 4 об.
10. Там же. — Л. 25-28 об.
11. Там же. — Л. 32 об.
12. Там же. — Л. 34.
13. Там же. — Л. 42-42 об.
14. Там же. — Л. 46.
15. Возможно, что одной из причин отказа компании ст заселения о. Уруп свободными хлебопашцами является замена М. М. Булгакова на посту первенствующего директора Н. И. Кусовым в 1824 году.
16. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 125. — Л. 164-165.
17. Внешняя политика Россия XIX и начала XX века. — Т. IV. — М., 1962. — С. 615. Примечание 167.
18. Макарова Р. В. Указ. соч. — С. 61.
19. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 967. — Л. 140-142.

Здесь и далее мы будем пользоваться преимущественно документами колониального архива Русской Америки, который после продажи русских владений поступил в архив Государственного департамента США, а с 1944 года хранится в Национальном архиве США и микрофильмирован: National Archives. The Microcopy Series S 11. Roll N'1—75. Records of Russian-American Com. 1802—1867. For contents of this roll, see index. Annex to National Archives Authentication Certificate N 231 Roll 1—75, но для удобства советских исследователей будем делать ссылки на копийный комплект микрофильмов, имеющихся в Архиве Внешней политики России МИД СССР.

20. Там же. — Л. 153-154,
21. Там же. — Л. 303
22. Этолин А. К. lEthoIen, Arvid Adolfl (1799—1876).

Родился в Гельсингфорсе (Хельсинки) в старинной шведско-финнской семье недворянского происхождения. Отец его, К. Этолин, был бургомистром этого города. После окончания мореходной школы в Петербурге в 1817 году принят в звании «вольного штурмана» в РАК и на корабле «Камчатка» 16 августа 1817 г. вышел из Кронштадта и 28 июля 1818 г. прибыл в Ново-Архангельск.-Командовал различными кораблями РАК, проводя коммерческие рейсы и гидрографические исследования. Произведен в штурманы 14 класса, принят в линейную службу мичманом. Дважды уезжал из колоний в Россию и дважды возвращался с повышением в звании и должности. Прошел **ПУТЬ** от мичмана до адмирала. Исполнял обязанности помощника Главного правителя Российских колоний в Америке, был постоянным членом правления РАК, неоднократно поощрялся и награждался. Был женат, имел сына.

В марте 1847 г. в чине адмирала вышел в отставку, но оставался членом компании до 1859 г. Умер 17 марта 1876 г.

(См. подробнее: Pierce R. A. Russian America: A Biographical Dictionary. The Limestone Press. Kingston, Ontario-Fairbanks, Alaska. 1990. P. 136—142).

23. Слободчиков С. (7-1829). На службе РАК с 1794 г. С 1802 по 1806 г. служил под руководством А. А. Баранова на о. Кодьяке. В 1806 г. возглавил промысловую партию из 50 алеутов в Британскую Колумбию и Калифорнию. В 1807 году совершил годичную поездку на Гавайские о-ва. 1808 г. — вторая экспедиция в Калифорнию. 1822 г. — управляющий факторией Росс. Награжден золотой медалью и знаком «За долголетнюю и беспорочную службу». К 1822 году был сильно болен, но выздоровел. 1825-1828 гг. — начальник Озерского редута. С 1828 г. — начальник Курильского отряда РАК. Умер на о. Урупе 23 августа 1829 года.

(См. подробнее: Pierce R. A. — Op. sit. — P. 475).

24. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 993. — Л. 49-51.
25. Там же. — Л. 136-150.
26. Там же. — Л. 157-158.

27. Бриг «Байкал» — судно американской постройки, водоизмещением 230 тонн, из крепкого дуба, с медным скреплением в подводной части. Имел хороший ход и высокую маневренность. Считался лучшим судном колоний. См. «Русская Америка в «записках» Кирила Хлебникова. Ново-Архангельск.» — М., 1985. — С. 154-155.

28. Казарма — жилище, устраиваемое русскими для промысловых партий. Довольно больше помещение, достигающее размеров 4x12 метров, в котором использовались строительные элементы полуподземных жилищ эскимосов и алеутов.

29. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 993. — Л. 144-145.
30. Там же. — Л. 148.
31. Там же. — Л. 149.
32. Там же. — Л. 150.

33. Бриг «Чичагов» — судно американской постройки, водоизмещением 150 тонн.

34. Липинский П. Д. — лейтенант, мореход на службе РАК, командир брига «Рюрик» (1826), брига «Чичагов» (1829). В 1831 г. оставил службу и выехал в Черниговскую губернию.

35. Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. — СПб., 1861. — Т. I. — С. 270.

36. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 993. — Л. 372-373.
37. Там же. — Л. 373.
38. Там же. — Л. 373.
39. Там же. — Д, 994. — Л. 72.
40. Там же. — Д. 968. — Л. 65.
41. Там же. — Л. 73.
42. Там же. — Л. 124-125.
43. Там же. — Л. 296, 304-305.
44. Русская Америка в «записках» Кирила Хлебникова. — С. 157.
45. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 994. — Л. 81 об.
46. Там же. — Л. 200-201.
47. Там же. — Л. 204.
48. Там же. — Л. 206.
49. Там же. — Л. 207.

50. Врангель Ф. П. (1796-1870) — русский мореплаватель, адмирал,

полярный исследователь, трижды кругосветный путешественник. С 1828 г. на службе РАК. Главный правитель российских колоний в Америке (1830-1835). Первенствующий директор РАК (с 1838). Морской министр (1855-1857). Директор гидрографического департамента (1857).

51. Русская Америка в «записках» Кирила Хлебникова... — С. 109.
52. Там же. — С. 173—174.
53. Тихменев П. Л. Указ. соч. — С. 270.
54. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 343. — Л. 1—44.
55. Шубин В. О. К вопросу о сборе ясака с жителей Курильских островов. Материалы к изучению истории и этнографии населения Сахалинской области. — Южно-Сахалинск, — 1986. — С. 114-120.
56. АВПР. — Ф. 339 РАК. - Оп. 888. — Д. 995. — Л. 15 об — 16, 45 об.
57. Зарембо Д. Ф .(1797-?). На службе РАК с 1816 г. Штурманский помощник на кораблях «Суворов» и «Бородино», дважды кругосветный путешественник, прошел путь от мичмана до капитана I ранга. В 1839 г. оставил службу в РАК и через Сибирь вернулся в Кронштадт.
58. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 995. — Л. 76-76 об.
59. Там же. — Л. 77.
60. Там же. — Л. 78.
61. Там же. — Л. 79 об.
62. Там же. — Л. 87.
63. Там же. — Л. 143.
64. Там же. — Л. 144-148.
65. Там же. — Д. 996. — Л. 143.
66. Там же. — Д. 969. — Л. 227-227 об.

67. Орлов Д. И. (1806-1859). На службе РАК с 1830 г. (АВПР. Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 969. — ЛЛ. 203-209). Служил в Ново-Архангельске, в Курильском отделе (1832-1837), в 1842 г. исследовал Аянский залив, в 1845 г. принимал участие в создании Аянского порта, активный участник Амурской и Сахалинской экспедиций Г. И. Невельского. Умер в Николаевске-на-Амуре.

68. Бот «Уналашка» — судно Ново-Архангельской постройки. Заложен в ноябре 1825 г. мастером В. И. Грудининым. Спущен на воду 6 июля 1826 г. Длина по килю 35,5, по палубе 45 футов. Обошелся компании в 29464 руб. Первым командиром был назначен креол Федор Степанов.

69. АВПР .— Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 996. — Л. 26-30.

70. Епифанов Петр (?-?). Приказчик общественного магазина в Кодьяке. Сведения о нем, за исключением краткого упоминания о его хорошей службе в бытность байдарщиком в Николаевском редуте в 1823 г. (АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 965. — Л. 231.) и о награждении его в том же году (Там же. — Д. 990. — Л. 262), отсутствуют.

71. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 996. — Л. 35.
72. Там же. — Л. 31-34.
73. Там же. — Л. 37.
74. Там же. — Л. 39.

75. АВИР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 996. — Л. 78, 82, 143.
76. Там же. — Д. 970. — Л. 34, 48, 72 об. — 73, 131-131 об.
77. Там же. — Д. 971. — Л. 287-288 об.
78. Там же. — Л. 289-300 об.
79. Там же. — Л. 419 об.
80. Там же. — Л. 423.
81. Там же. — Д. 997. — Л. 6.
82. Там же. — Л. 40-46 об.
83. Там же. — Д. 971. — Л. 275.
84. Там же. — Д. 972. — Л. 89.
85. Купреянов И. А. (1799-1857). На службе РАК с 1822 г. Главный правитель российский колоний в Америке (1835-1840), капитан 1 ранга, вице-адмирал.
86. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 972. — Л. 135.
87. Там же. — Д. 976. — Л. 344.
88. Там же. — Д. 972. — Л. 448 об.
89. Там же — Л. 234-235.
90. Там же. — Д. 974. — Л. 276.
91. Там же. — Д. 975. — Л. 3.
92. Там же. — Л. 60.
93. Там же. — Л. 424.
94. Там же. — Л. 92.
95. Там же. — Д. 976. — Л. 466.
96. Там же. — Д. 976. — Л. 146-147.
97. Форсман И. (?-?). Известно, что в 1830 г. он был приказчиком торговой лавки в Ново-Архангельске (АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 994. — Л. 336).
98. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 976. — Л. 20.
99. Там же. — Л. 238.
100. Там же. — Л. 42.
101. Там же. — Л. 117.
102. В 1843 г. А. М. Гаврилов по приказанию русского царя отвозил на о. Итуруп несколько японцев, попавших в результате кораблекрушения на русскую территорию. Там ему был оказан дружеский прием. По возвращению Гаврилов награждается орденом Св. Станислава (АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 977. — Л. 238, 242, 248-248 об, 252, 256 об, 282-283 об, 308).
103. Там же. — Л. 236-237 об.
104. Архив АН СССР. — Ф. 53. — Оп. 1. — Д. 14. — Л. 1-25; — Д. 12. — Л. 1 — 10; Д. 35. Л. 9-9 об.
105. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 977. — Л. 619.
106. Там же. — Д. 978. — Л. 84.
107. Шубин В. О. Малоизвестный эпизод Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. — Препринт. — Южно-Сахалинск. 1989. — С. 1-22.
108. Римский-Корсаков В. А. Валтика — Амур.-Хабаровск, 1980. — С. 186, 359-360.
109. АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 987. — Л. 45, 129, 322.

Приложение I

Список отправляющихся на бриге «Байкал» в Курильскую экспедицию

1. Сысой Слободчиков — начальник отряда
2. Андрей Мыльников — помощник начальника отряда
3.1. Степан Зеленков — рабочий служитель.
4.2. Василий Еремеев — —»—
5.3. Осип Максимов — —»—
6.4. Дмитрий Щукин — —»—
7.5. Алексей Неустроев — —»—
8.6. Роман Иванов — —»—
9.7. Федор Слободчиков — —»—
10.8. Григорий Щуткин — —»—
11.9. Иван Портнягин — —»—
12.10. Григорий Лопаткин — —»—
13. Катерина Слободчикова — жена С. Слободчикова.

Партовые алеуты

14. 1. Семен Ченалик алеут, тойон — Алитакское селение, о. Кодьяк (?)
15. 1. Пелагея Агьяхтак алеутка, жена С. Ченалика —»—
16.2. Мирон Калихтакнак алеут, сын С. Ченалика —»—
17.3. Сила Кагучунак —»— —»—
18.4. Семен Инахтак —»— —»—
19.5. Тихон Пажук —»— —»—
20.6. Яков Чаквак —»— —»—
21.7. Василий Чаялик —»— Массовское селение (?)
22. 2. Анна Уяхнак алеутка, жена В. Чаялика —»—
23.8. Михайло Юанчинак алеут, сын В. Чаялика —»—
24.9. Илья Алогули (?) —»— —»—
25.10. Илья Ахилькак —»— —»—
26.11. Семен Лачун —»— —»—
27.12 Никита Нанчак —»— Килюдинское селение (?)
28. 3. Марья Пагнак (?) алеутка, жена Н. Нанчак —»—
29.13. Матвей Ашушяк (?) алеут —»—
30.14. Василий Пажуяктыкак —»— —»—
31.15. Василий Комыхак —»— —»—
32.16. Лука Ашлан Колмаковское селение.
33.17. Николай Нухгук —»— —»—
34.18 Алексей Ахвахкак (?) —»— —»—
35.19. Василий Комыхкак —»— —»—
36.20. Илья Алегула (?) —»— Павловское селение, о. Кодьяк.
37.21. Николай Палахук (?) —»— —»—
38.22. Лука Вашаснак (?) —»— Ратмановское селение.
39.23 Игнатий Инолю (?) —»— —»—
40.24. Василий Инкак —»— Ситхинское селение.
41.25. Гаврило Нинаядак (?) —»— —»—
42.26. Афанасий Сильяну (?) —»— Уякское селение, о. Кодьяк.
43.27. Петр Кимнияк —»— —»—

44.28. Иван Шунуяк —»— —»—
45.29. Алексей Чевыхтак —»— —»—
46.30. Савва Аньияхта ?) —»— Усакское селение (?)
47. 4. Катерина Ачеколы (?) алеутка, жена С. Аньияхта —»—
48. 5. Настасья Какииак алеутка, дочь С. Аньияхта —»—
49.31. Илья Килюк алеут —»—
50.32. Семен Маргаритов —»— Угамокское селение.
51.33. Иван Макак —»— —»—
52.34. Василий Ниагнак —»— —»—
53.35. Григорий Кун —»— —»—
54.36. Иван Тущбин 1-й —»— (?)
55.37. Иван Тущбин 2-й —»— —»—
56.38. Матвей Кущак —»— Кошигинское селение, Алеутские о-ва.
57.39. Антон Ашгнак —»— —»—
58. 40. Илья Луканин —»— Лисьевская гряда
59.41. Семен Кашнак (?) —»— (?)
650.42 Роман Адзюкук —»— Чинианское селение, о. Кодьяк.
61. 6. Александра Адзюкук креолка, жена Р. Адзюкук —»—
62.43. Козьма Ченалик алеут Алитакское селение, о. Кодьяк.
(АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 993. — Л. 150-154).

Приложение II

Список пассажиров,

отравляющихся на бриге «Чичагов» в Курильский отряд

1. Иван Москвитинов — приказчик.

Партовые алеуты

1. Яков Утаман — Павловское селение, — байдарка 1.
1.
2. Кирилл Силягу —»— — байдарка 2.
3. Николай Шугуяк —»— — —»—
4. Гаврило Каналак —»— — —»—
5. Тарас Такайкак — Карлукское селение, о. Кодьяк — байдарка 3.
6. Андрей Кашкенак —»— — —»—
7. Афанасий Каугвы— Ситхинское селение — байдарка 4.
8. Степан Амехкюх —»— — —»—
9. Абрам Шугак — Игакское селение — байдарка 5.
10. Василий Панвюк —»— — —»—
11. Сава Аньяхтак — Угатакское селение — байдарка 6.
12. Григорий Анукнак —»— — —»—
13. Матвей Силюк — Киякское селение (?) — байдарка 7.
14. Дмитрий Чаланок —»— — —»—
15. Иван Амихкак — Учкское селение — байдарка 8.
16. Андрей Тунугак —»— — —»—
17. Еремей Кыгнак ? селение — байдарка 9.

18. Лука Канугяк —»— — — —»—

Семейства алеутов

1. Просковья Анимак — жена Н. Шугак.
2. Агафья Панимак — жена А. Шугак.
3. Иван Аявахтюк — сын С. Аньяхтак.
4. Катерина Ачаналик — жена Е. Кыгнак.
5. Прасковья Амихкан — жена И. Амихкан.
6. Роман ?

Всего: 1 русский приказчик и 24 алеута.

(АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 993. — Л. 402) .

Приложение III

Список пассажиров,

отравляющихся на бриге «Уруп» в Курильский отряд

(женщины и дети с Кодьяка).

1. Матрена Панилляк.
2. при ней сын Каляжра.
3. —»— дочь Паланчикнак.
4. Анна Ангаак.
5. при ней сын Александр.
6. Анна Чаннак.
7. при ней дечь Марья
8. Катерина Ачанака.
9. Дарья Укужи.
10. при ней сын Агальчак.
11. —»— дочь Чаяваякак.
12. Ульяна Чапала.
13. при ней дочь Панюяк.
14. Просковья Пананчан.
15. Александра (креолка из Ситки)

(АВПР. — Ф. 339 РАК. — Оп. 888. — Д. 995. — Л. 109).

Приложение IV

Список пассажиров,

отправляющихся на бриге «Полифем» в Курильский отдел

1. Иван Кивагак.
2. Анна Лахнутак—жена Кииагак.
3. Андрей Алогули.
4. Григорий Тунака.
5. Иван Таутвак.
6. Алексей Чику.мкук.
7. Данило Сувак.
8. Федор Чакваик.
9. Иван Алияхкак.
10. Сысой Кашпак,
13. Степан Аволк.
14. Степан Тулютагак.
15. Терентий Тулютагак.
16. Миней Накаак.
17. Иван Алегули.
18. Тимофей Ахчитхок.
19. Таврило Силлагу.
20. Николай Анах.
21. Василий Какчаук.
22. Пелагея Лихак — жена В. Какчаук.

11. Иван Кактыгак.
12. Авдотья Ачамияк — жена И. Кактыгак.

Всего: 22 человека.

(АВПР. - Ф. 339 РАК. - Оп. 888. - Д. 997. - Л. 43 об.)

Сахалинская и Курильская историческая библиотека

Д. СТЕФАН

САХАЛИН. ИСТОРИЯ*

ГОДЫ ПЕРЕМЕН И ВОЗМУЩЕНИИ. 1905—1925.

За двадцать лет — с 1905 по 1925 гг. Сахалин перенес одну агрессию, одну интервенцию, испытал на себе влияние мировой войны, революции и гражданской войны. Поскольку и экономика острова претерпела значительные изменения, эти годы можно с полным основанием назвать периодом перемен и возмущений.

1905—1914 гг. были периодом перемен. Русские предприняли беспрецедентные усилия по развитию северной части, в то время, как японцы начали превращать юг в продуктивный придаток Японских островов.

Такое положение дел было нарушено первой мировой войной, русской революцией и гражданской войной, союзной интервенцией в Сибири (1918—1920 гг.) и японской оккупацией Северного Сахалина (1920—1925 гг.). Хаос

* Стефан Д. Сахалин. История. Оксфорд: Кларендон пресс, 1971. Перевод Переславцева В. В. Продолжение. Начало в №№ 1—2 за 1992 г.

1915—1925 гг. завершился лишь с установлением советско - японских дипломатических отношений по русско - японской конвенции, подписанной в Пекине 20 января 1925 г. и с выводом японских военных контингентов с Северного Сахалина, который был закончен к 15 мая 1925 года. В течение названного периоду Россия переживала кризис, который на время ослабил ее мощь. Тогда в Японии для оправдания использования в своих целях временной слабости России широко использовался тезис об «угрозе большевизма». Раздавались даже голоса, называвшие Портсмутский договор «позором» и требовавшие захвата всего Сахалина.

Японское правительство, однако, прекратило в 1925 г. насильственный захват и достигло компромисса с Советским Союзом. В качестве условия вывода своих войск Япония оговорила себе концесии на разработку на Северном Сахалине в течение сорока пяти лет запасов нефти и угля. Эти концессии стали источником обострения отношений в 30-е гг. Такое положение продолжалось до 1944 г., когда русские армии двинулись в Восточную Европу, а японские войска завязли в тяжелых сражениях в Китае, Юго-восточной Азии и в западной части Тихого океана. Россия (а не Япония) ждала благоприятного случая залечить старые раны.

ЯПОНСКИЙ КАРАФУТО. 1905—1925.

1 августа 1905 г., на следующий день после капитуляции русских защитников Сахалина японцы объявили об установлении военного правления над всем островом. Временная гражданская администрация, подчиненная армии, была образована 28 августа. Ее резиденция находилась в Александровске.

Портсмутский договор, заключенный 5 сентября 1905 г., ограничил власть Японии на Сахалине территорией к югу от 50-й параллели. Военная и гражданская администрация были вынуждены перебраться в Корсаков (переименованный в Отомари) на берегу Анивского залива. С сентября 1905 г. до марта 1907 г. Карафуто управлялся военными декретами, проводимыми в жизнь гражданскими органами власти. Армия оплачивала все расходы. Японцы вывели войска, кроме двух полков, подчиненных 7 дивизий, дислоцируемой в Асахигава на Хоккайдо-

Русские и японские представители провели демаркационную линию 90-мильной границы по 50- параллели. Пограничная зона была очищена от деревьев и кустарника с оставлением десятиметровой полосы, пересекающей весь остров и помеченной семнадцатью каменными маркерами и деревянными пограничными столбами. В соответствии с IX статьей Портсмутского договора, ни одна сторона не должна возводить какие бы то ни было военные сооружения. Границу пересекала единственная дорога, которая в период с 1905 по 1945 гг. оставалась неиспользованной (за исключением коротких перерывов), поскольку граница была на прочном замке.

В дополнение к пограничной демаркации, военная администрация предприняла репатриацию русских жителей (в 1909 г. на Карафуто продолжали жить 165 русских) (1), продажу с аукциона рыболовных концессий, учреждение в Тоехара (бывшая Владимировка) нового административного центра и создание ряда медицинских пунктов. Запасы угля и леса было запрещено разрабатывать до тех пор, пока не будет произведена количественная оценка объема этих запасов.

31 марта 1907 г. военная администрация была упразднена и власть была передана «Карафуто те» (Управление по делам Карафуто), которое управляло Сахалином — японской половиной острова — вплоть до 1945 г. Губернатор пользовался широкими полномочиями, включая контроль за деятельностью полиции, руководил военными вопросами, колонизацией, строительством, налогами и образованием. Он подчинялся непосредственно министру внутренних дел (в 1907—1910 и 1912—1917 гг.), премьер-министру (в 1910—1912 и 1917—1929 гг.), министру по делам колонизации (в 1929—1943 гг.). В 1943 г. Карафуто был включен в Северный оборонительный район в качестве неотъемлемой части японских островов (2).

Японцы взялись за освоение и развитие своей новой колонии с особым рвением. Нет, однако, никаких свидетельств о том, что они ввозили на Карафуто военных резервистов и превратили территорию в военную базу для угрозы России, как это утверждают некоторые историки (3). В этот период японцы преследовали скорее экономические

цели, нежели стратегические. Запасы рыбы, леса, угля и плодородные долины обещали на Карафуто большие возможности.

Увеличение иммиграции на Карафуто японцев было делом первейшей важности. Через две недели после русской капитуляции военная администрация объявила о привлечении на Сахалин переселенцев с японских островов. После 1907 г. правительство предприняло позитивные усилия по привлечению крестьян - переселенцев, представляя им безвозмездно землю, жилье, оборудование инвентарь и освобождение от налогов всех трудоспособных. Брошенные русскими дома были переоборудованы на японский лад, мебель была заменена на татами, русские печки — на жаровни с древесным углем. С наступлением первой зимы многие из переселенцев пожалели, что поторопились (4).

Колонизация Карафуто проводилась по образцу его южного соседа — острова Хоккайдо (5). Исследователи выбирали подходящие районы для сельского хозяйства, рыболовства и лесного промысла. Разрабатывалась планировка улиц в городах. Общественные выгоны и лесные участки располагались рядом с населенными пунктами. Дороги прокладывались через девственные леса или вырубались в прибрежных скалах. Поскольку Карафуто имел довольно жесткие климатические условия, каждый поселенец получил более обширный земельный участок, нежели его коллеги на Хоккайдо. Рост числа поселенцев позволил использовать их труд в строительстве школ, парков, больниц, храмов с учетом растущего населения. К 1909 г. в колонии насчитывалось 41 000 жителей.

Начиная с 1911 г., правительство от увеличения числа переселенцев и индивидуальных фермеров на Карафуто перешло к политике предоставления компаниям больших земельных территорий и денежных субсидий для широкой предпринимательской деятельности по разработке лесных богатств. Сельское хозяйство никогда не превысило 10 проц. всего экономического производства на Карафуто. Рыболовство, бумажная и лесная промышленность, а также (после 1931 г.) уголь стали основой экономики острова.

Рыболовные промыслы на Карафуто берут свое начало еще с восемнадцатого столетия, Когда японцы с Хоккайдо перебирались на Карафуто в весенний и летний периоды для лова рыбы. Эти визиты продолжались и в период русского правления (1875—1905 гг.), несмотря на постоянное увеличение налогов на вывоз сахалинской рыбы. После 1905 г. Управление по делам Карафуто выдавало определенное количество лицензий, ввело в действие правила, ограничивающие размер ячеи и типы применяемых сетей, и образовало рыболовецкие объединения для упорядочения рыболовства. В 1905—1915 гг. на Карафуто стекались рыбаки, однако в последующие годы основной упор в хозяйстве был перенесен на производство древесины и бумаги. Рыболовство составляло 64 проц. всего производства колоний в 1915 г., в 1920 г. упало до 20 проц., в 1925 г. — до 10 проц. (6).

Карафуто был покрыт тысячами акров сосновых лесов, которые служили сырьевой базой для производства целлюлозы, скипидара, спирта и других продуктов деревообработки. Огромное богатство колонии — леса обещали когда-нибудь стать источником гигантских пожаров. И нередко достаточно было ничтожной искры от локомотива для того, чтобы возникали пожары, бушевавшие неделями и причинившие огромный ущерб лесному хозяйству. В равной мере ущерб лесному хозяйству наносила беспорядочная разработка массивов. В 1910 г. правительство продало на аукционе огромные лесные участки на Карафуто, главным покупателем была компания «Мисуи Буссан» (7). Эта фирма построила в 1913 г. в Отомари современный целлюлозный завод. Первая мировая война стимулировала целлюлозную промышленность на Карафуто из-за сокращения европейских поставок и роста цен на целлюлозу до неслыханного прежде уровня. Ряд фирм, основавших на Карафуто целлюлозные фабрики, начал активную вырубку лесов: «Карафуто коге» в Томариору, «Одзи пэпер компани» в Тоехара и «Ниппон кагаку сире» в Отиай. Через шесть лет оголенные сопки и реки, забитые древесными отходами стали обычной картиной на Карафуто.

Когда чрезмерная эксплуатация, пожары опустошили лесные массивы Карафуто, неразборчивые в средствах компании нелегально взялись за земли, отведенные под сельское хозяйство. Приток наемных «крестьян», продаж-

ность чиновников и растущая потребность в бумаге породили угрозу полного истребления лесов на Карафуто. Эти злоупотребления, в конце концов, вызвали в 1924 г. скандал, который привел к смещению многих официальных лиц Управления по делам Карафуто, включая губернатора острова. После 1924 г. Токио усилил свой контроль над процессом эксплуатации лесов Карафуто. В течение последующих пятнадцати лет бумажной промышленности было приказано прекратить экстенсивную разработку лесов с целью восстановления запасов древесины на Карафуто.

Запасы угля на Карафуто исчислялись в 2 млрд. тонн. Для Японии, остро ощущавшей топливный голод, угольные запасы в колонии представляли интерес. В 1905—1912 гг. правительство разрешило компаниям-разработку запасов угля на западном побережье в Эсутору и Китанаеси. Отсутствие контроля привело к беспорядочной эксплуатации, которая причинила ущерб угольным пластам.

В 1912 г. правительство отменило все свои лицензии на угледобычу только для того, чтобы перепродать большую их часть концерну Мицуи в 1916 г. Угольная промышленность находилась в застое из-за высоких налогов и отсутствия подходящих портов до 1931 года, когда растущая национальная потребность в топливе побудила правительство активизировать угледобычу на Карафуто.

Японцы приложили огромные усилия к строительству коммуникационной системы Карафуто. В 1906 г. армия построила узкоколейную железную дорогу между Отомари и Тоехара. В последующие два десятилетия были проложены дороги между городами в Анивском заливе, к Хонто на юго-западном побережье и к Отиай на северо - востоке. В период между 1925 и 1936 гг. была построена дорога вдоль восточного побережья вплоть до Сикука (ныне — Поронайск). В 1923 г. было установлено регулярное морское сообщение между Отомари и портами Хоккайдо (Вакканай, Отару и Хакодатэ). После 1920 г. незамерзающий порт Маока постепенно сменил Отомари в качестве важнейшего порта Карафуто.

В отличие от других японских колоний — Тайваня и Кореи, Карафуто имел очень малочисленное коренное население. В 1907 г. около 1600 айну проживали на территориях, отведенных для них правительством. Около 150 русских и польских поселенцев жили в окрестностях Тоехары и Отомари. Сотни китайцев и корейцев, ввезенных в 70—80-е гг. XIX в. для работы на шахтах западного побережья, оставались на острове и после 1905 г. Эти небольшие группы совершенно растворились в массе японских переселенцев. Население Карафуто выросло с 5000 (1905 г.) до 20469 (1907 г.), 66 280 (1916 г.) и 189036 (1925 г.) — т. е. в тридцать семь раз за двадцать лет (8).

Несмотря на весьма скромные успехи в развитии сельского хозяйства и рыболовства, на варварскую эксплуатацию запасов угля и лесных богатств, японцы добились успехов в создании на Карафуто за двадцатилетие после 1905 г. продуктивной экономической базы. Более эффективные результаты были достигнуты в последующие пятнадцать лет (1925—1940 гг.), в период кануна второй мировой войны.

СЕВЕРНЫЙ САХАЛИН. 1905—1916.

Русско - японская война оставила Северный Сахалин в состоянии совершенного хаоса. В сентябре 1905 г., когда последние японские оккупационные войска были отведены на юг от 50-й параллели, от 40-тысячного русского населения (на 1904 г.) осталось всего лишь 7 тысяч человек, озлобленных и подавленных поражением. Уходя, японцы вывезли шахтное оборудование, технику и большую часть коллекции находок Штернберга из Александровского исторического музея.

В течение 1906 г. около 5 000 бывших поселенцев Сахалина возвратились в северную часть острова с материка, куда они бежали во время японского вторжения. Они нашли свои жилища либо в руинах, либо — самовольно захваченными, свои поля — заросшими, имущество — разграбленным. Русским властям пришлось заниматься долгие годы бесчисленными тяжбами и имущественными спорами. Так как все документы на право владения и приобретение земель, хранившиеся в Александровске, были уничтожены в ходе боевых действий возвратившийся поселенец находил свое теперешнее положение тревожным и неустойчивым (9).

Все понимали, что каторжной системе на Сахалине пришел конец. Большинство каторжников разбежалось. Кроме того, Сахалин больше не был «островом». Россия приобрела на Сахалине сухопутную границу с Японией, что разрушило существовавший до 1905 г. статус «территории, откуда невозможно бежать». Сохранение каторги при новых условиях могло повлечь за собой обострение отношений с южным соседом. Военный губернатор Сахалина начал ликвидацию каторжной системы еще в 1904 г. Его преемник губернатор Валуев направил в 1906 г. министру внутренних дел послание, в котором объяснял неудачи в попытках развития Сахалина нездоровым социальным климатом. Валуев советовал ликвидировать всю каторжную систему на острове и активизировать приток на Сахалин свободных переселенцев. Его рекомендации были благосклонно приняты Санкт - Петербургом. 10 апреля 1906 г., спустя сорок семь лет с тех пор, когда первые каторжники ступили на «проклятый остров», официальным распоряжением правительства на Сахалине были ликвидированы тюрьмы, каторжные поселения и трудовые лагеря (10).

Несмотря на «эмансипацию» острова, свободные поселенцы не торопились перебраться на Сахалин. Неприглядная репутация Сахалина сдерживала даже искателей приключений. «По всей России слово «Сахалин» было синонимом жизни в аду» (11). Неудивительно, что в период с 1908 по 1914 гг. лишь 105 семей прибыли на остров. Губернатор Валуев обращался в Санкт - Петербург с предложением об изменении названия острова. Его предложение было отвергнуто.

Страдая от нехватки переселенцев, администрация была вынуждена обходиться имеющимися людскими ресурсами. В 1906 г. эти ресурсы составляли свободные поселенцы предвоенного периода (79 проц.), бывшие ссыльные (20 проц.) и бывшие каторжники (1 проц.). Такое соотношение сохранилось до начала первой мировой войны, послужившей причиной резкого увеличения числа переселенцев. В 1914—1916 гг. свыше 15 000 переселенцев пересекли Сибирь и направились на Северный Сахалин, когда правительство объявило, что жители этого острова освобождаются от военной службы.

Хотя каторжная система была официально упразднена в 1906 г., восстановление полных гражданских прав бывших ссыльных и каторжников осуществлялось постепенно. В 1910 г. бывшие ссыльные получили право свободного предпринимательства и свободного передвижения на острове. Если, однако, они покидали Сахалин, эти права теряли свою силу. Полное восстановление гражданских прав последовало лишь в феврале 1913 г. (12).

В отличие от своих предшественников в 1870-е гг., теперешняя администрация не строила иллюзий по поводу того, что Сахалин сам может себя обеспечить продуктами питания. Они знали, что сельское хозяйство значительно уступает рыболовству, горной и лесной промышленности. Несколько относительно процветающих ферм выросли вдоль реки Тымь и в районе Александровска. Незначительное количество богатых крестьян (кулаков) сосредоточили в своих руках солидные земельные владения.

После 1905 г. на Северном Сахалине начало быстро развиваться рыболовство, особенно — в районе Рыбновска, на северо-западном участке побережья, обращенном к дельте Амура. Только в 1907 г. в Японию было экспортировано более 3 тыс. тонн сельди и лосося.

Развивалась, хотя и не так эффективно, как на Карафуто, и лесная промышленность. В 1908—1916 гг. английский концерн «Бриннер и компания» (Гонконг) получил концессию разрабатывать древесину на севере Сахалина. Экспортная деятельность, однако, была ограничена из-за отсутствия удобных портов.

Угледобыча обещала стать важнейшей отраслью индустрии. До 1904 г. малоэффективный труд каторжников и отсутствие портового оборудования не позволяли Сахалину стать крупнейшим производителем и экспортером угля. С целью оживления угледобычи и обнаружения новых запасов полезных ископаемых правительство направило на Сахалин группу геологов под руководством П. И. Полевого произвести в 1908 г. необходимые исследования. Экспедиция Полевого нашла золото, цинк и железную руду. Полевой определил запасы угля на Северном Сахалине в 36 млн. тонн, что было принято с воодушевлением, но эти запасы, как оказалось, были гораздо скромнее (13).

В канун первой мировой войны правительство планировало строительство гигантского порта, чтобы получить возможность в широких масштабах вывозить высококачественный сахалинский уголь. Этот проект, замороженный в годы войны, был полностью заброшен в период русской революции.

Первое упоминание о существовании на Сахалине нефти относят к 1880 г., когда николаевский купец Иванов услышал от некоего гиляка рассказ о «черном озере смерти» на северо - востоке Сахалина, в котором погибали птицы, принявшие это озеро за обыкновенную воду. Действуя на основании этого рассказа, Иванов послал петицию правительству о предоставлении ему концессии на бурильные работы в северной части Сахалина. Иванов умер прежде, чем был дан ответ на его просьбу.

Зять Иванова, бывший морской капитан Григорий Зотов получил в 1889 г. от правительства концессию на бурильные работы вокруг «черных озер» в районе Охи на перешейке полуострова Шмидта. Зотов бурил скважины близ Охи и Ноглик без всякого успеха до 1904 г., пока, наконец, не наткнулся на нефть. Счастливый, он помчался в Харбин, чтобы раздобыть капитал для «Нефтяной ассоциации Зотова», но, подобно своему тестю, умер до того, как его планы осуществились» (14).

Северосахалинская нефть вскоре привлекла международный интерес. Предложения Л. Ф. Бацевича (1889) и Платонова (1902) подтвердились. Платонов считал, что запасы сахалинской нефти превосходят запасы бакинской нефти на побережье Каспийского моря. Ф. Ф. Клей, немецкий геолог, провел тщательные исследования в 1899 г. в районе Охи. Он основал в Лондоне синдикат «Сахалино - Амурская нефть» с капиталом в миллион фунтов стерлингов. В 1910 г. Клей вернулся на Сахалин, но через год прекратил бурильные работы из-за нехватки капитала. Между тем английские и американские геологи начали изучать возможности «нового Баку». Компания, финансируемая на германские и китайские средства, получила доступ к богатым нефтью участкам в Нюторо и Ногликах на побережье Охотского моря. Это произошло в том же 1910 г. (15).

Русские, в свою очередь, сновали в 1909 г. «Петроградскую коммерческую ассоциацию» (ее название было

изменено в 1911 г. на «Сахалинская нефтяная и угольная компания» и в конце концов — на «Русская Дальневосточная индустриальная компания» в 1914 г.). В состав дирекции «Русской Дальневосточной индустриальной компании» вошли аристократы, министры и губернатор Сахалина Григорьев. Основу компании составил английский капитал. Половина акций компании принадлежала двум лондонским синдикатам, образованным в 1910 г. — «Первому Сахалинскому» и «Второму Сахалинскому».

Англия вложила в сахалинскую нефть не только капитал. В 1912 г. синдикаты образовали «Сахалинскую нефтяную компанию», которая послала своих инженеров и оборудование в Оху. Хотя «Русская Дальневосточная индустриальная компания» имела прямую монополию на разработку запасов нефти на Северном Сахалине, ее правомочия закончились в 1917 г. В 1916 г. компания обратилась к правительству с просьбой о предоставлении ей бессрочной лицензии на разработку всей северосахалинской нефти. В этой просьбе было отказано, права на разработку сахалинской нефти в канун русской революции находились в состоянии полной неопределенности (16).

Интерес Японии к северосахалинской нефти проявился с некоторым опозданием. Член пограничной демаркационной комиссии в 1906—1907 гг. узнал о богатых запасах нефти на севере и информировал об этом Токио, но правительство Японии осталось безучастным. Активность Японии в этом смысле проявилась только после 1916 г., когда «Русская Дальневосточная индустриальная компания» потерпела поражение в попытке получить исключительное и бессрочное право разработки запасов нефти. В том же году труппа японских бизнесменов отправилась в Санкт - Петербург с целью извлечь пользу из неопределенной ситуации. Однако их просьбы о простой концессии встретили твердый отказ.

Мартовская и ноябрьская революции вызвали такой хаос в России, что некоторые оппортунистические японские политики изменили тактику. В мае 1918 г. угольный магнат Кухара Фусаносукэ подписал договор с одной сомнительной русской фирмой (Компания Стахеева), который разрешал на четыре года японские «нефтяные изыскания» на Северном Сахалине. Это двусмысленно сформированное соглашение отвечало духу времени. В 1918 г. Россия

имела несколько правительств, пользующихся иностранной поддержкой в своей борьбе с большивиками в период гражданской войны. В то время, когда руссские сражались друг с другом, японцы, не обращая внимания на официальную путаницу, предпочитали активные действия (17).

С 1905 по 1916 гг. Северный Сахалин добился незначительных экономических успехов, особенно — в эксплуатации морских и нефтяных ресурсов. Впервые на остров прочно проник иностранный капитал. Добыча угля и сельское хозяйство развивались медленно. Растущее число преуспевающих крестьян в районе Александровска и в долине реки Тымь демонстрировало новый тип жителя Сахалина, весьма контрастирующего с жителями острова предыдущих тридцати лет. Опираясь на законодательство о гражданских правах 1913 года и соблазнительные проекты по углю и нефти в 1914—1916 гг., Северный Сахалин должен был стать на пороге второго рождения, если бы не война, революция, гражданская война и иностранная интервенция.

САХАЛИН И РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. 1917—1920.

Сахалин оставался в стороне от потрясений, периодически возникавших во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске и Чите. Немногие из бывших политических ссыльных Сахалина участвовали в большевистской политической деятельности в разных города Дальнего Востока; некоторые из них даже образовали свою организацию в Нагасаки. Беспорядки возникли в двух районах Северного Сахалина: среди беднейших крестьян долины Тыми и шахтеров Дуэ. Крестьяне были возмущены несправедливым разделом земли. Более серьезными были забастовки в Дуэ в 1905 и 1910 гг., когда сотни китайцев и корейцев - шахтеров присоединились к своим русским товарищам, требуя повышения заработной платы и сокращения рабочего дня.

Время от времени администрация острова предпринимала репрессивные меры, как например, прокатившаяся

в феврале 1980 г. волна арестов среди «подозреваемых в революционной деятельности» (18).

Мартовская революция в 1917 г. в Петрограде была сюрпризом для Сахалина. Губернатор фон Бунге в течение нескольких дней пресекал всяческие слухи об отречении царя. Затем 20 марта состоялось собрание земства в Александровске, на котором был образован «Комитет общественной безопасности», который взял на себя всю полноту исполнительной власти на Сахалине. Адвокат Александр Цапко был избран председателем комитета. Власть Цапко была признана рядом других земств Сахалина. Тем не менее Цапко был не в ладах с окружным правительством в Хабаровске. Вслед за этим вспыхнула борьба, когда «консервативные» Хабаровские власти предприняли попытку подорвать позиции Цапко на Сахалине. В сентябре они добились своего, сместив Цапко с поста в «Комитете общественной безопасности» (19).

Между тем, с усилием роли советов рабочих и крестьян на русском Сахалине во главе с доктором Александром Криворучко появился второй потенциальный источник власти. Хотя и раздробленные на фракции, сахалинские советы набрали силу к концу 1917 г., чему способствовало свержение Временного правительства Керенского в Петрограде в ноябре и установление советской власти в Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске в ноябре - декабре. В январе 1918 г. сахалинские советы объявили, что им одним принадлежит власть на русском Сахалине. Это заявление было встречено в штыки местными консервативными группами во главе с бывшим чиновником Руслановым, занявшим место Цапко в качестве председателя «Комитета общественной безопасности». В конце концов Русланова вынудили в марте 1918 г. признать советы, образовав коалиционное правительство с его участием.

С марта по май 1918 г. власть на Сахалине осуществлялась непрочной коалицией советов, земства и Александровской думы. Этот шаткий баланс был нарушен 8 мая, когда власть в Александровске была захвачена советами. 4 июня советы распустили земство и думу. Советская власть на Северном Сахалине продержалась короткое время, до развязывания гражданской войны в Восточной Сибири. 29 июня части Чехословацкого корпуса (20) и разношерстные белые силы захватили Владивосток. 2 ав-

густа японцы объявили о своем намерении послать войска во Владивосток в помощь чехам; к ним вскоре присоединились воинские подразделения Британии, Франции и Соединенных Штатов. Влияние иностранной интервенции вскоре ощутилось и на Сахалине. 28 августа Александровск был захвачен белыми войсками, восстановившими власть думы. Дума декларировала свою солидарность с белым правительством в Омске, а в ноябре заявила о своей поддержке адмирала Александра Колчака, объявившего себя «верховным правителем всей России».

В декабре 1918 г., когда части Колчака теснили большевиков к западу, Сахалин оставался под прочным контролем консервативных землевладельцев, офицеров и бывших царских чиновников. Однако, когда в январе 1919 г. армия Колчака стала терпеть поражение за поражением под ударами Красной Армии на Урале, ситуация на Сахалине снова обернулась неразберихой.

Неудачи Колчака летом 1919 г. не замедлили сказаться на положении на Северном Сахалине. Отряды большевиков - партизан усилили свою активность. После капитуляции адмирала в Иркутске большевики совершили вторую попытку захватить власть на русском Дальнем Востоке. Во Владивостоке такая попытка (30 января 1920 г.) из-за присутствия японских интервентов закончилась неудачей, но в Александровске была успешной. 14 января 1920 г. члены консервативной думы и другие сторонники Колчака были арестованы революционным комитетом, который в качестве председателя возглавил Цапко (экс. председатель низложенного «Комитета общественной безопасности»).

Отказавшись от повторения крутых мер мая 1918 г., большевики сохранили и думу, и земства. Реальная власть, однако, принадлежала революционному комитету. Такое положение дел продолжалось до мая 1920 г., когда иностранная военная интервенция снова ввергла многострадальное население Северного Сахалина в растерянность и смятение.

ЯПОНСКАЯ ОККУПАЦИЯ. 1920—1925.

Японцы оккупировали Северный Сахалин в соответствии с официальным заявлением правительства о том,

Что оккупация есть ответная мера Японии на истребление 25 мая 1920 г. большевисткими партизанами в Николаевске 700 японских военных и гражданских лиц (21). Помимо этого, официального повода, у Японии были другие веские основания для подобной акции: ненависть к большевизму, предупреждение американского экономического проникновения, опасение, что Северный Сахалин может стать стратегическим плацдармом для нападения на Японию, попытка воспользоваться временной слабостью России и извечное убеждение, что Япония имеет историческое право на весь Сахалин. В добавок ко всему, японцев влекла к себе нефть.

Япония была (и до сих пор остается) критически зависима от импорта нефти, как топливного ресурса. Собственная нефтедобыча составляла в 1914—1918 гг. всего 400 тыс. тонн в год, что совсем не удовлетворяло потребностей страны. Сахалинские запасы нефти определялись в 1919 г. цифрой, превышающей 100 млн. тонн. К несчастью для японцев, эта нефть находилась на северной (русской) половине острова. Такой прекрасный источник нефти, расположенный вблизи Японских островов, естественно, возбудил интерес и у нуждающихся в топливе императорских ВМС и у промышленников. Растущий интерес к сахалинской нефти после 1918 г. вылился в прямую военную оккупацию в 1920 г.

Японцы первыми увидели благоприятный случай прибрать к рукам львиную долю сахалинской нефти еще в 1917 г., когда потерпели неудачу русская и английская компании. Потерпев поражение в Санкт-Петербурге, они искусно использовали в своих целях гражданскую войну в 1918 г. и прибегли к хитрой уловке. В мае 1918 г. «компания «Кухара майнинг» заключила соглашение с сомнительным концерном под названием «Компания Стахеева» об «изучении» нефтеносных участков на Северном Сахалине. В конце 1918 — начале 1919 гг. японские геологи вели свои изыскания под доброжелательным оком консервативной русской администрации в Александровске.

1 апреля 1919 г. японское правительство сделало заявление, что северосахалинская нефть «абсолютно необходима» для удовлетворения топливных потребностей страны. Кроме того, было добавлено, что любая попытка какой-либо иностранной державы захватить северосаха-

линские нефтеносные районы будет рассматриваться, как серьезная угроза безопасности Японии.

Месяцем позднее при одобрении правительства был образован консорциум пяти крупнейших японских компаний для исследования и разработки запасов северосахалинской нефти. Получивший название «Хокусинкай» консорциум включал такие фирмы, как «Кахара майнинг» и «Мицубиси майнинг» (по четверти от общего числа акций каждой), «Ниппон ойл», «Такада ойл» и Окура майнинг» (по шестой доле каждой). В июне «Хокусинкай» направил в Оху 200 технических специалистов. Морское министерство также послало группу геологов. К концу 1919 г. Япония захватила железной рукой единственные известные в Северо - Восточной Азии нефтеносные районы. В то же время крах Колчака на западе заставлял торопиться, пока японцы на Северном Сахалине не оказались лицом к лицу с возрождающейся советской властью (22).

Когда большевики 14 января 1920 г. установили свой контроль над Александровском, они предложили японцам альтернативу: либо они выведут свои войска с севера, либо — будут защищаться. Сначала все выглядело так, словно Токио решал избежать конфликта и начал эвакуацию японцев. Японские нефтяники были переправлены на Карафуто, так как действия партизан не давали им никакой возможности для нормальной работы. Японские морские суда плавали у северных сахалинских берегов, подбирая своих соотечественников, оказавшихся в затруднительном положении.

В этих условиях известия из Николаевска только подлили масло в огонь японского общественного мнения. Токийское правительство ОДНОЙ рукой подписывало ноты протеста, другой — незаметно готовило оккупацию Северного Сахалина. 21 апреля на рейде Александровска стал на якорь крейсер «Мисима», высадивший на берег 2 000 солдат, которые не встретили никакого сопротивления. 14 мая в заливе Де-Кастри были десантированы еще 5 000 солдат. Двумя днями позже Цапко и другие лица, замеченные в симпатиях к большевикам, были арестованы по обвинению в «партизанской деятельности». Японская армия образовала «Автономное Сахалинское государство» и поставила его главой бывшего губернатора царского Сахалина и экс - директора «Русской Дальневосточной ин-

дустриальной компании» Леонида Григорьева. Таким образом, за два месяца до официального объявления японцы захватили русский Сахалин и установили над ним свой контроль (23).

Японское правительство официально объявило об оккупации Северного Сахалина 3 июля 1920 г. В качестве юридического обоснования этой акции японцы ссылались на инцидент в Николаевске и необходимость защиты лиц японской национальности, работающих на нефтепромыслах. Если не считать советского правительства в Москве и правительства Дальневосточной республики в Чите, Соединенные Штаты были единственным государством, заявившим протест по этому поводу. 16 июля государственный секретарь Бэйнбридж Колби направил Министерству иностранных дел Японии ноту, в которой выражал свои сомнения по поводу какой бы то ни было взаимосвязи николаевского инцидента и оккупацией Северного Сахалина. В ответ японцы заявили, что в 1914 г. Николаевск был включен в Сахалинский административный район, и, таким образом, Северный Сахалин будет оккупирован до тех пор, пока русские не искупят свою вину за кровавые преступления. Выразив сожаление по поводу оккупации, американское правительство не предприняло в дальнейшем никаких шагов (24).

Японцы не теряли времени даром. Уже 16 июля кабинет министров уведомил МИД, армию, ВМС и министерство сельского хозяйства, что отныне полный контроль над разработкой запасов угля и нефти на Сахалине возлагается на военно - морские силы. Вслед за этим ВМС выделили в распоряжение консорциума «Хокусинкай» ассигнования в размере 1,4 млн. иен на производство бурильных работ.

В 1920—1925 гг. японцы ежегодно получали на нефтепромыслах Охи, Пильтуна, Нютова, Ноглики и Катангли около 100 000 тонн нефти. В этот период правительство увеличивало свои субсидии как консорциуму «Хокусинкай», так и ВМС с целью увеличения объема добычи нефти- Добыча сахалинской нефти росла, в то время как среднегодовая добыча нефти в самой Японии сократилась с 400000 тонн (1914—1918 гг.) до 270000 тонн (1921—1924 гг.). Общее потребление нефти в Японии в 1925 г. составило 840 000 тонн; страна была вынуждена импор-

тировать значительное количество нефти из Калифорнии, Мексики, острова Ява и Бернео. Хотя объем нефтедобычи на Сахалине был сравнительно скромным, промышленники, акционеры и офицеры ВМС были настроены оптимистически в отношении перспектив. Тесное сотрудничество ВМС и частных корпораций в деле эксплуатации сахалинской нефти продолжалось в 30-е гг. и в период второй мировой войны. Когда в 1925 г. Консорциум «Хокусинкай» был вытеснен фирмой «Кита Карафуто сэкию кайся» («Северосахалинская нефтяная компания»), ее первым президентом был назначен бывший начальник артилерии ВМС (25).

Япония была не единственной страной, претендующей на сахалинскую нефть. В течение 1919 г. правительство Колчака получило серию заявок на концессии из Англии, США и Канады. После падения Колчака и образования восточносибирского буферного государства «Дальневосточной Республики» искатели концессий потянулись в Читу, столицу только что образованной республики. Один предприимчивый нью-йоркский миллионер ухитрился заполучить право монополии на разработку запасов угля, нефти и рыбы на всей территории к востоку от 160 меридиана, включая Камчатку, сроком на шесть лет. Японцы хладнокровно наблюдали за непрошенными гостями. Единственным пришельцем, причинившим японским интересам какой-либо серьезный ущерб, была компания «Синклер ойл».

«Синклер ойл» не входила в число гигантских нефтяных фирм мира, но тем не менее отличалась агрессивностью. В начале 20-х годов «Синклер» бросил решительный вызов концессиям «Стандард ойл» в России и Персии. Интерес «Синклера» к сахалинской нефти был вызван усилившимся соперничеством из-за нехватки нефтяных ресурсов.

В апреле 1921 г. представители «Синклера» встретились в Нью-Йорке с японским торговым атташе, чтобы через него предложить правительству Японии совместный американо - японский проект буровых работ на севере Сахалина, в Сибири и Китае. Японцы к такому предложению отнеслись довольно прохладно. Новая попытка представителей «Синклера» в июле того же года встретила категорический отказ. Отвергнутые Японией директора

«Синклера» обратились к правительству ДВР в Чите, где к их идее отнеслись с большей благосклонностью. Усилия «Синклера» в Чите оказались плодотворными. 7 января 1922 г. компания и правительство ДВР подписали частное соглашение (ратифицированное в мае), которое заключалось в следующем:

1. Срок действия соглашения — до 7 января 1959 г., однако оно может быть аннулировано, если правительство США в течение пяти лет не признает ДВР.

2. «Синклер ойл компани» предоставит ДВР ссуды, порвоначально — 100 000 долларов, затем — по 400 000 долларов в 1924 и 1928 гг.

3 .«Синклер ойл компани» предоставляется исключительное право на разработку запасов нефти на Северном Сахалине между 51 и 52 параллелями (всего 281 000 акров территории) с уплатой ежегодной ренты в размере 19 процентов за один акр.

4. Минимальная плата за право разработки нефти — 50 тыс. долларов ежегодно.

В остальных статьях содержатся обязательства по разработке нефтяных ресурсов и упоминается право ДВР аннулировать соглашение в одностороннем порядке в любое время и без предварительного уведомления.

С читинской (теперь — с московской) точки зрения, соглашение с «Синклером» было ловким политическим ходом. Действительно, ДВР предоставила концессию на территории, которую не контролировала. Русские, видимо, решили использовать «Синклер» для подрыва японских позиций на Сахалине и охлаждения отношений между США и Японией. Более того, соглашение, возможно, предполагалось использовать, как рычаг, чтобы заставить США ускорить дипломатическое признание большивистского правительства в Москве. Русские могли быть особенно заинтересовааны в сотрудничестве с компанией «Синклер» из-за близких отношений ее президента Гарри Синклера с министром внутренних дел США Альбертом Фоллом. Когда в ноябре 1922 г. ДВР воссоединилась с Москвой, Советский Союз официально подтвердил права «Синклера» на Северном Сахалине. Это случилось в январе 1923 г.

Заявление Советского Союза об исключительном праве «Синклера» на сахалинскую нефть вызвало взрыв протеста в Лондоне и Токио. Англичане потребовали приве-

легий на сахалинскую нефть, которыми некогда располагали «Сахалинская нефтяная компания» и два «Сахалинских синдиката» (1909 — 1916 гг.). Япония настаивала на своих правах. Когда группа геологов «Синклера» попыталась в феврале 1924 г. высадиться на сахалинский берег в Александровске их встретили японские солдаты на пирсе и вежливо, но твердо посоветовали им убраться. Сообщение об этом эпизоде вызвало патриотические декларации в американской печати, однако Вашингтон не проявил желания прибегнуть к силе, чтобы противостоять японской оккупационной армии на Сахалине.

Права «Синклера» на Северный Сахалин были принесены в жертву советско - японским переговорам об установлении дипломатических отношений в 1924—1925 гг. Сначала советский представитель на Пекинских переговорах Л. М. Карахан предложил тройственное распределение нефти между США, Японией и Советским Союзом. Когда японцы решительно отвергли это предложение и потребовали для себя права исключительной концессии сроком на 99 лет, русские изменили тактику. Правам «Синклера» пришел конец.

Русские отменили все права «Синклера» и аннулировали соглашение на том основании, что компания потерпела неудачу в своих планах исследования и разработок нефтеносных районов. Московский суд, в котором рассмитривалось это дело, быстро решил спор в пользу правительства и объявил 24 марта 1925 г. соглашение 1921 г. аннулированным. «Синклер» подал аппеляцию, объясняя, что компания не была в состоянии выполнить контракт, поскольку японская армия не позволила ее геологам даже ступить на сахалинскую землю.

Компания «Синклер» обратилась тогда к государственному секретарю США Чарльзу Эвансу Хьюзу в надежде на официальное вмешательство америкаского правительства в дела Токио и Москвы. Компания объявила нарушенным принцип «Открытых дверей». Хьюз, однако, отказался удовлетворить просьбу «Синклера» на том основании, что США пока не признали Советского Союза (26).

Японское управление Северным Сахалином в 1920—1925 гг. не принесло ничего, кроме несчастий русскому населению острова. Несмотря на поднятый токийской пропагандой шум о «теплом приеме», «улыбающихся Школьниках» и «благодарных аборигенах», военное управление было безрадостным. По свидетельству американской журналистки, посетившей Александровск в 1924 г., принадлежавшие к «высшему классу» польские и русские жители приняли японцев, как меньшее из двух зол, поскольку они восстановили законность и порядок (27). Сомнительно, чтобы такая точка зрения имела широкую поддержку.

Императорская армия понимала свою миссию на Северном Сахалине, как задачу из трех пунктов: 1. Расстрелы большевиков; 2. Подготовка земель и населения для аннексии; и 3. Эксплуатация местных природных и людских ресурсов. Морской флот был занят вывозом угля и нефти. Японским жителям была дана полная свобода в вырубке леса и ловле рыбы в прибрежных водах. 15 000 японских рабочих чиновников, военный персонал и целая армия археологов, геологов и журналистов просто подавляла несчастное русское население (28).

Список злоупотреблений, умышленных или случайных, совершенных оккупантами на Северном Сахалине, не делает чести японцам. Военные власти применяли жесткие законы против всех форм политической активности. Некоторые из большевиков были расстреляны, другие, подобно Александру Цапко, были взяты на крейсер «Мисима» и выброшены за борт. Юридический комитет военной администрации аннулировал все русские законы и заменил их японскими. Русские жители острова почувствовали себя на нем иностранцами. Города и улицы переименовались на японский лад. Японский язык преподавался в школах, как основной. Японские купцы вытеснили своих русских партнеров. Компания «Мицубиси» ввезла корейских рабочих для шахт Дуэ, Мгачи и Рогатинской, что привело к безработице среди русского населения. Почтовая и телефонная связь с материком была прервана. Особенно болезненными для русского самолюбия были введенные правила, по которым полагалось отдавать особые почести японским офицерам (снятие шапок и поклоны), которые позднее обрели печальную известность в Китае и Юго-Восточной Азии. Бессердечие, которым прославили себя многие японцы на Северном Сахалине в 1920 — 1925 гг., вызвало возмущение, упомянутое Сталиным в своей речи,

оправдывающей нападение на японский Карафуто в 1945 г. (29).

Многие японцы рассчитывали сохранить Северный Сахалин либо путем безоговорочной аннексации, либо — ценой двусмысленно выраженного соглашения с Советским Союзом. Русские, однако, разрушили эти иллюзии, категорически отказавшись вступать в дипломатические отношения с Японией до тех пор, пока сахалинская проблема не будет разрушена удовлетворительным образом (30).

Время от времени Япония предпринимала официальные и полуофициальные переговоры с новым режимом России, сначала — на встречах с представителями Дальневосточной Республики в Дайрене (июль 1921 — апрель 1922 гг.) и позднее — на конференции в Чаньчуне (сентябрь 1922 г.). После этого влиятельный японский политический деятель Гото Сипэй имел частные встречи с советским посло.м в Китае Адольфом Иоффе. Однако все эти попытки даже не приблизили обе стороны к какому-нибудь соглашению. Японцы настаивали (помимо прочего) на компенсации за зверства в Николаевске и гарантирования своих постоянных прав в Северном Сахалине. Русские не отступали от своей позиции — вывод японских войск с Северного Сахалина является непременным условием для установления дипломатических отношений.

В 1924 г. этот вопрос сдвинулся с мертвой точки под давлением целого ряда обстоятельств, заставивших японцев умерить свои требования, касающиеся Северного Сахалина Во-первых, Вашингтонская конференция (1921 — 1922 гг.) положила конец англо - японскому альянсу, что лишило Японию не только психологической, но и — реальной поддержки. Во-вторых, антияпонское иммиграционное законодательство в США грозило ввергнуть Японию в состояние международной изоляции. В-третьих, в 1924 г. Советский Союз значительно укрепил свои позиции, установив дипломатические отношения с Англией, Норвегией, Австралией, Италией, Швецией и Францией. В-четвертых, советско - китайский договор о дружбе, подписанный 30 мая 1924 г., вызвал в Японии тревогу тем, что японские «специальные интересы» в Китае могут быть подорваны. В-пятых, многие японцы ощущали необходимость установления дипломатических отношений с

Советским Союзом по экономическим причинам. До революции Япония имела с Россией активную торговлю, которую многие японские бизнесмены хотели восстановить. Кроме того, японское рыболовство у берегов Камчатки и в Охотском море зависело от отношений с Советским Союзом. Право оперировать в этих водах было установлено Портсмутским договором, который Советский Союз отказался признать. Наконец, некоторые круги в японской гражданской администрации (особенно в МИД) считали, что советско - японский договор был бы реалистическим шагом в интересах Японии. Имея договор, японцы могли бы добиться концессий на Северном Сахалине (31).

Япония и Советский Союз официально установили дипломатические отношения, подписав 20 января 1925 г. в Пекине соответствующее соглашение. Если говорить о разрешении проблем Северного Сахалина, — соглашение было блестящей победой советской дипломатии. Русские добились вывода японских войск с Северного Сахалина без применения силы, хотя еще в 1924 г. многие политики полагали, что японцы либо аннексируют либо выкупят эту территорию- Категорически отказавшись даже обсуждать вопрос о продаже, передаче или ином шаге, касающемся Северного Сахалина, русские потребовали прежде всего полного вывода всех японских войск и заставили Японию пожертвовать Северным Сахалином в интересах права рыболовства, торговли и признания Портсмутского договора, на который опирались японские права на Карафуто. Таким образом, в соответствии со статьей III Протокола «А», японцы обязались уйти с Северного Сахалина до 15 мая 1925 г. Более того, они официально подтвердили суверенное право Советского Союза на эту часть острова. Этот шаг развеял надежды некоторых японских кругов, что когда-нибудь весь остров Сахалин, подобно спелой хурме, упадет в корзину империи.

Хотя и потеряв все права на Северный Сахалин, японцы сохранили по Статье VI право разработки минералов, лесов и других природных ресурсов на территории СССР. Протоколом «Б» предусматривались условия, по которым японцы могли разрабатывать запасы угля и нефти на Северном Сахалине. Японцы получили концессии на нефть и уголь сроком на 55 лет. Японским компаниям разрешалось бурение скважин на половине разведанных нефте-

носных территорий и платить от 5 до 15 процентов налога за эксплуатацию недр, в зависимости от объема добычи (налог на нефтяные фонтаны устанавливается в размере 45 процентов). Концессии на добычу угля в Дуэ и вдоль р. Агнево также давались на 55 лет, с уплатой налога в размере от 5 до 8 процентов от всей угледобычи. Японцы также получали право направлять исследовательские экспедиции для разведки новых нефтеносных участков. В случае обнаружения новых запасов нефти, предусматривалась разработка их на равноправной основе. Детали концессий были выработаны и подписаны 14 декабря 1925 г. Они явились официальным основанием для японского присутствия на Северном Сахалине в 1925—1944 гг.

Двадцатилетие со времени японского вторжения на Сахалин в 1905 г. и до заключения советско - японской конвенции в 1925 г. отражало более существенные изменения, чем за любой другой аналогичный отрезок времени в истории острова. В предшествующий период применение силы в отношении Сахалина исходило, главным образом, от Японии. Будучи изгнанной с Сахалина в начале 1905 г., Япония оккупировала юг острова и в течение пяти лет владела его северной половиной. Внешнеполитические события дали Японии благоприятную возможность захватить Северный Сахалин в 1920 г., внешнеполитические события заставили Японию отступить в 1925 г.

Никогда ранее остров Сахалин не волновал до такой степени умы русских и японцев. Для русских это была последняя территория, занятая иностранными интервентами. Для Японии Сахалин символизировал опасную близость большевистской России, самый северный аванпост империи, источник топлива и больная проблема с давних времен. Для обеих стран Сахалин был разделенной, спорной территорией, источником столкновений до тех пор, пока одна из держав не установила над всем островом своего полного контроля.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сирани У. Политика по развитию Карафуто. — Отомари, 1909 — С. 112. (На яп. яз).

2. Серия Карафуто. — Т. VI. — Тойохара, 1941. — С. 330-333. (На яп. яз.); Ежегодник Асахи 1944 года. — Токио, 1944. — С. 423. 424. (На яп. яз).

3. Луцкий С. Л. Остров Сахалин. — М., 1946. — С. 9-11.; Жуков Ю. Русские и Япония. — М. 1945. — с. 156.

4. Вудрофор К. Д. Четыре недели на Сахалине! ‖ Журнал королевской артиллерии. — Т. XXXV. — 1908-1909. — С. 354. (На англ. яз.).

5. Такакура С. История колонизации Хоккайдо. — Саппоро, 1947. — С. 273-274. (На яп. яз). Более подробно о колониальной политике см.; История развития Карафуто. — Тойхара, 1925. (На яп. яз); Тридцать лет губернаторства Карафуто. — Тойхара, 1936 (На яп. яз).

6. Такакура С. История колонизации Хоккайдо. — С. 281. Подробнее о рыбной промышленности см.: Сушмото Д. Реформа и развитие рыбной промышленности Карафуто. — Маока, 1936, (На яп. яз).

7. История лесной промышленности Карафуто. — Токио, 1960. — С. 53. (На яп. яз).

8. Справочник Карафуто 1939 года. — Тойохара, 1940. — С. 22. (На яп. яз).

9. Янкелевич Я. Остров Сахалин. Вестник Ариии — Т. XLIX. — 1922. — С. 177-178.

10. Сенченко И. А. Северный Сахалин в 1905-1016 гг. ‖ Сахалинская область. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 94-95.

11 Кудрей В. Остров с больной репутацией ‖ Азия. — Т.XXXV.— 1935. — Март. — С. 144. (На англ. яз).

12. Янкелевич Я. Остров Сахалин. — С. 182; Сенченко И. А. Северный Сахалин в 1905-1916 гг. — С. 100-101.

13. По оценке 1967 г. запасы Сахалинского угля составили 19.4 миллиарда тонн: Атлас Сахалинской области. — М., 1967. — С. 36. Материалы об угольной промышленности Сахалина в 1905-1916 гг. Янкелевич Я. Остров Сахалин. — С. 192-194: Сенченко И. А. Северный Сахалин в 1905-1916 гг. — С. 98.

14. Панов А. А. Сахалин, как колония. — Токио, 1942. — С. 40-41 (На ян. яз.); Ока С. Северный Сахалин. — Токио, 1942. — С. 132-133. (на яп. яз.)

15. Сенченко И. А. Северный Сахалин в 1905-1916 гг. — С. 99. Янкелевич Я. Остров Сахалин. — С. 194-195.

16. Ока С. Северный Сахалин. — С. 134-137.

17. Там же. — С. 42, 135, 137-138; Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — Токио, 1941. — С. 276. (На яп. яз).

18. Сенченко И. А. Северный Сахалин в 1905-1916 гг. — С. 103-112.

19. Материалы о борьбе за Советскую власть на Сахалине взяты из: Сенченко И. А., Лебедев П. А. Борьба за установление Советской власти на Северном Сахалине (март 1917-апрель 1920 гг.) ‖ Сахалинская область. — С. 119-120; Сенченко И. А. Очерки истории Сахалина. — Южно-Сахалинск. 1957. — С. 78-94; Победа Советской власти на Северном Сахалине (1917-1925 гг.): Сборник документов и материалов — Южно-Сахалинск, 1959.

20. Чехословецкий корпус состоял из военнопленных солдат и офицеров австрийской армии (Чехия и Славакия до 1918 г. входили в состав Австро-Венгрии). Желая принять участие в борьбе за независимость своей родины, они в конце 1917 г. начали движение в нап-

равлении Владивостока вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, имея целью присоединиться к войскам Антанты в Европе. Попытка разоружить их, предпринятая Советским правительством, привела к военным действиям на Транссибирской магистрали в июне 1918 г.

21. В феврале 1920 г. Николаевск-на-Амуре был окружен и подвергнут нападению большевистскими партизанами. Защитники города (в основном японские солдаты и гражданские лица, а также некоторое количество американцев и русских) в конце концов капитулировали и согласились уйти. В марте они внезапно нарушили соглашение и напали на партизан, однако были ими разгромлены. Почти 700 человек было убито, 122 — попали в плен. Все пленные японцы были казнены партизанами.

22. Подробнее см.: Ока С. Северный Сахалин. — С. 43-44; Ота С. Русская и Японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 276-277; Кобаяси Ю. Дипломатическое признание Японией СССР и экономические проблемы ‖ Международная политика. — 1965. — № 2 — С. 86-98. (На яп. яз).

23. Лопачев А. М. Северный Сахалин в период Японской оккупации ‖ Сахалинская область. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 140-143.'

24. Международные отношения Соединенных Штатов Америки. 1920 г. — Т. III. — Вашингтон, 1936. — С. 517-519 (На англ. яз). История японо-советских переговоров. — Токио, 1942. — С. 40. (На яп. яз).

25. Подробности о роли ВМС в разработке нефти см.: Ока С. Северный Сахалин. — С. 53-56; Кобаяси Ю. Дипломатическое признание Японией СССР и экономические проблемы. — С. 93.

26. Международные отношения США, 1924. — Т. II. — Вашингтон, 1939. — С. 678-681; 1925. — Вашингтон, 1940. — С. 697-701 (На англ. яз). Другие материалы по делу «Синклера» см.: Ока С. Северный Сахалин. — С. 249-259; Северный Сахалин. — Осака, 1925. — С. 223-227, (На яп. яз.); Фишер Л. «Синклер» против «Стандарт ойл» в России ‖ Нация. — № CXIX. 6 августа 1924. — С. 138-140; Обнаженный механизм дипломатии ‖ Нация. — № CXIX. 8 октября 1924. — С. 357-358. (На англ. яз); Кеннеди М. Д. Япония и проблемы тихоокеанской нефти ‖ Мир сегодня. — №XLV. — Июнь 1925. — С. 573-582. (На англ. яз); Фитиман Ф. Д. Доллары без флага: дело «Синклера» и «Сахалинской нефти» ‖ Исторический обзор тихоокеанского региона. № XXXIX. — Май 1970. — С. 205-222. (На англ. яз.)

27. Гаррисон М. Е. Красный медведь, желтый дракон и американская леди ‖ Литературный справочник. — № LXXXI. — 19 апреля 1924. — С. 40 (На англ. яз.)

28. Несколько отличных японских исследований по Нижнему Амуру и Северному Сахалину были проведены за короткий промежуток времени, например, археологом Тории Рюдзо: Тории Р. Археология Северного Сахалина. — Токио, 1940. (На яп. яз); Собрание научных и исторических изданий ‖ Северный Сахалин. — Осака, 1925. (На яп. яз).

29. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. — М., 1946. — С. 203-206; О японских злодеяниях на Северном Сахалине см.: Японцы на Северном Сахалинец Нация. — № CXIII. — 23 ноября 1921 г. — С. 606; Аболтин В. Я. Остров сокровищ: Северный Сахалин. — Владивосток, 1928. — С. 18-39. 154-168; Луцкий С. Л. Остров Сахалин. — С. 11-14; Жуков Ю. Русские и Япония. — С. 157; Лопачев А. М. Северный Сахалин в период японской аккупации. — С. 145-151; Гор Г., Лешкевич В. Сахалин. — М., 1949. — С. 33. О японском взгляде на оккупацию см.: Ока С. Северный Сахалин. — С. 59-61; Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 288-290. Стиль военной оккупации определяется обращениями японской армии к русскому населению, собранными в книге: Русский Сахалин как новая Япония. — Владивосток, 1921.

30. Интервью народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина газете «Известия» 25 октября 1921 г. ‖ Советские документы внешней политики. — Лондон, 1951. — С. 341. (На англ. яз.).

31. История японо - советских переговоров. — Токио, 1942. — С. 74-78. (На яп. яз.); Кобаяси Ю. Дипломатическое признание Японией СССР и экономические проблемы. — С. 87. (На яп. яз.); Ленсен Д. А. Признание Японией СССР; Советско-японские отношения, 1921 — 1930. — Токио, 1970. — С. 40, 81, 101, 104-105. (На англ. яз.); Кутаков Л. Н. История японо-советских дипломатических отношений. — Токио, 1965. — С. 74-78. (На яп. яз.); Кавакален К. К. Нефть — ключ к русско-японскому договору ‖ Аутлук. — № CXXXIX. Февраль 1925. — С. 180-181.

VII

КАРАФУТО И СОВЕТСКИЙ САХАЛИН.

1925—1945.

По контрасту с предшествующим периодом, двадцатилетием с 1925 г. и до советского вторжения в 1945 г. прошло без заметных кризисных явлений на Сахалине. И Япония, и Советский Союз прилагали значительные усилия по развитию своих частей острова. В то время, как в 30-е годы возникали советско - японские вооруженные пограничные конфликты на границах СССР—Маньчжоу—Го и Маньчжоу—Го—Монголия, разделявшая остров 50-я параллель продолжала оставаться безмятежной границей между двумя государствами вплоть до такого времени, когда до конца второй мировой войны оставалось шесть дней. За спокойным фасадом границы притуплялась и взаимная недоверчивость. Каждая половина острова ревниво оберегала свою самостоятельность. Граница была на земке. Только японские нефтяные и угольные концессии оставля-

ли возможность для контактов. Эти «два Сахалина» — русский и японский — шли различными путями экономического и социального развития. Брешь между ними была рождена лишь катаклизмом короткой, но разрушительной войны. Если раздел Сахалина в 1905 г. был приготовлен на тлеющих угольках, то воссоединение острова свершилось в пламени мировой бойни.

КАРАФУТО. 1925—1945.

Два десятилетия после 1925 г. Карафуто претерпевал интенсивное развитие и колонизацию. Его население с 189 036 чел- в 1925 г. подскочило до 447 976 чел. в 1944 г. (1). Тесное сотрудничество правительства с большими корпорациями было характерной чертой в разработке на Карафуто рыбных запасов, лесов и угля. Сельское хозяйство продолжало оставаться уделом незначительного количества индивидуальных предприниматаелей, чьи успехи были не столь заметны. В период между войнами Карафуто не считался частью Японских островов, а управлялся, как колония. Статус острова был подобен положению Кореи и Тайваня. Его губернатор непосредственно подчинялся министерству колоний. Губернатор Карафуто пользовался широкими правами в налоговой политике, в управлении полицией, делами обороны, образованием, финансами, коммуникациями и экономической деятельностью. Исполнять эти обязанности ему помогали руководители четырех департаментов (внутренних дел, колонизации, связи и полиции). Управление по делам Карафуто, включая технических советников, полицию, учителей, инспекторов по лесной и рыбной промышленности, переводчиков, — насчитывало около 2 000 человек (2).

Годовой бюджет Управления заметно вырос с 1916 г. до начала второй мировой войны. Общая сумма расходов выросла с 1851 843 .иен в 1916 г. до 17 734099 иен в 1926 г. и до 27 462 435 иен в 1936 г. В 1942 г. расходы подскочили до 125 420 638 иен за счет затрат на строительство и эксплуатацию железной дороги (35 млн. иен), строительство порта (5 млн. иен), сверхплановые военные расходы (55 млн. иен) и капиталовложения в угольную промышленность, нефтеочистку и лесохимическую промышленность (производство целлюлозы, авиационного топлива и др). Доходы поступали, главным образом, от налогов, эксплуатации железной дороги, табачных и соляных монополий и из общественных фондов. Субсидии из Токио достигли максимальной цифры — 1 577 343 иен в 1926 г., потом начали сокращаться и после 1936 г. прекратились вообще. Субсидии возобновились после 1941 г. и составили в 1942 г. почти 6 млн. иен (3).

Рыболовство было традиционным занятием японцев на Карафуто и после 1916 г. оно возглавило экономику острова и по сумме доходов и по числу занятых в этой отрасли работников- Прибрежные воды острова и реки изобиловали сельдью, лососем, треской, форелью, морским гребешком и королевским крабом. В огромных количествах собиралась здесь и морская капуста, которая высоко ценилась японцами, как продукт питания. Основу рыболовства составляла сельдь. В'сушенном виде она отправлялась в Японии, где служила удобрением Маньчжоу—Го. В. 1934 г. консервные фабрики прибрежных городов Р.утака, Сакаэхама, Хонто, Маока и Сикуку экспортировали за границу продукцию на 10 млн. иен (около 3,4 млн. долларов США). В 30-е годы специалисты открыли несколько рыборазводных ферм. Остров Кайхето (ныне — Тюлений), расположенный в заливе Тараика (Терпения), славился большим количеством котиков, которые привлекали внимание охотников из Европы и Америки еще в 40-х годы XIX в- Охраняемые с 1911 г. законом, котики добывались по установленной'квоте (около 5 000 в год). Их ценный мех отправляли в Японию (4).

Лесная и деревообрабатывающая отрасли промышленности стали крупнейшими после 1916 г. Запасы ели, сосны, лиственницы и березы беспорядочно вырубались крупными компаниями на больших пространствах и без всякого плана, пока в 1924 г. не был установлен строгий контроль за вырубкой. Тем не менее, в годы войны, когда возросла потребность в древесине, возобновилась беспорядочная вырубка лесов. До начала войны, когда еще не возникла потребность в большом количестве древесины, Карафуто, использовал продукцию лесной промышленности для собственных нужд. Часть продукции шла на крепежные балки для шахт, железнодорожных шпал или — на производство древесного угля. Остальное шло на про-

изводство бумаги, целлюлозы, древесного спирта, фанеры, скипидара, синтетических волокон и даже — авиационного топлива.

Целлюлозная промышленность Карафуто стала быстро расти после 1914 г-, когда компании «Фудзи» и «Мицуи» построили фабрики в Отомари, Тоехара и Отиай, чему благоприятствовала лихорадка военного времени. После спада 20-х годов компания «Одзи пэйпер» стала главным производителем целлюлозы, открыв на острове восемь своих фабрик. Фабрики фирмы «Одзи» выпускали также деготь, спирт и другие продукты. В годы второй мировой войны значительные успехи были достигнуты в производстве авиационного топлива из корней и хвои сосны. Хотя этот эксперимент так и не дал ожидаемого экономического эффекта, тем не менее, целлюлозная промышленность Карафуто в 30-е и начале 40-х годов поставляла Японии 70 процентов всей бумаги и целлюлозы (5).

Лесные пожары были «ахиллесовой пятой» Карафуто. Возникая время от времени, они часто бушевали неделями, нанося лесам колосальный ущерб. Один такой пожар в 1929 г. выжег 1250 квадратных миль лесных массивов. Правительство принимало меры для снижения опасности пожаров, проводя кампании «бережного отношения к лесу» среди школьников, удлиняя паровозные трубы, расставляя повсюду предупреждающие об опасности пожара надписи и создав целую армию пожарных- Несколько японских университетов открыли на Карафуто свои научно - исследовательские бюро, которые занимались проблемой сохранения лесных запасов и предупреждения пожаров.

Согласно данным 1939 г., угольные ресурсы Карафуто составляли около 2 млрд. тонн (6). Около двух третей этого количества приходилось на битумный уголь, остальное — черный лигнит. Богатые запасы угля находились на западном побережье в районах Эсутору, Найбути и Каваками. В 30-е годы угледобыча переживала застой, благодаря отсутствию удобных портов и политике правительства, направленной на консервацию ресурсов. Таким образом, до 1931 г. Карафуто сам импортировал уголь для удовлетворения собственных потребностей. Позднее, когда с развитием железных дорог и целлюлозных фабрик потребность в угле возросла до значительной степени, пра-

Жительство ослабило свои ограничения на эксплуатацию запасов карафутского угля- К 1938 г. на территории Карафуто действовали 35 угольных шахт, выдавая на-гора 3 440 000 тонн угля, около половины которого экспортировалось в Японию. Когда в 1940 г. были отменены все ограничения, добыча угля составила свыше 4 млн. тонн в год. Рабочую силу для карафутских угольных шахт правительство черпало в Корее. Корейское население Карафуто в 1940 г. достигло 20 тыс. чел. и удвоилось к концу второй мировой войны **(7).**

В качестве источника нефти Карафуто не оправдал японских надежд- В то время как Северный Сахалин поставлял значительные количества нефти, к югу от 50-й параллели не удалось обнаружить сравнительно богатых нефтеносных районов. В 20-е и 30-е годы несколько компаний вели упорные, но безрезультатные изыскания нефти. Один иностранный гость слышал в 1936 г. о попытках фирмы «Мицубиси майнинг» получить очищенную нефть (масло) из сланцевого угля, которая предпринималась на экспериментальной станции и в Найхоро на западном побережье. Результаты этого эксперимента хранились в тайне, однако в 1943 г. Управление по делам Карафуто официально объявило, что были получены «весьма хорошие результаты». Поскольку положение в Японии с топливом стало критическим на последней стадии второй мировой войны, усилия по производству нефти путем очистки достигло формы лихорадочной деятельности. Некоторое количество нефти было, действительно, получено таким путем, но эта нефть так ,и не увидела японских берегов из-за недостатка транспортных средств (8).

Сельское хозяйство на Карафуто тоже развивалось, но более низкими темпами, чем целлюлозная и угольная отрасли промышленности. По-видимому, холодный климат, психологическая — если не физическая — отдаленность от родных островов препятствовали иммиграции переселенцев из Японии- После первой волны иммигрантов в 1908—1914 гг. число приезжих крестьян оставалось весьма низким, пока не наступило некоторое оживление в 1928 г., которое продолжалось десять лет. Каждой приехавшей на Карафуто семье отводилось двадцать-двадцать пять акров земли. Право полной собственности наступало через пять лет, при условии, что не менее 60 проц. отве-

денного участка оказывалось культивированными. Кроме того, иммигранты получили регулярные субсидии, полное освобождение от налогов на три года, бесплатный инвентарь и техническую консультацию от исследовательских сельскохозяйственных бюро. В основном, переселенцы перебирались на Карафуто с Хоккайдо и северной части Хонсю, соблазненные вербовщиками, действующими по всей территории Японии в ее сельских районах. Прибывая из холодных северных районов Японии эти колонисты легче адаптировались к климату Карафуто. Они выращивали здесь ячмень, гречиху, бобы и картофель- Некоторые занимались молочными фермами. Интересно, что многие методы ведения сельского хозяйства на Карафуто были заимствованы с американского среднего Запада, особенно — из штатов Миннесота и Висконсин.

Поскольку Карафуто не был способен обеспечить себя продуктами питания, дефицит покрывался поставками из Японии и Маньчжоу-Го. В годы второй мировой войны местные власти провели энергичную кампанию освоения новых земель для выращивания картофеля и зерновых с целью превратить колонию в «Тыловую базу». Хотя и в 1940—1944 гг. были освоены еще 75 000 акров новых земель, зависимость Карафуто от импорта продуктов питания продолжала оставаться слабым местом острова (9).

Жизнь карафутских сельских жителей была очень трудной. Такой же была жизнь жителей-неяпонцев. Несколько сот русских и некоторое количество польских крестьян жили на Карафуто, являясь потомками бывших ссыльных или свободных поселенцев, пожелавших остаться здесь после 1905 г. Находились здесь и немногие беженцы из России после революции и гражданской войны- Эти европейские семьи жили в полном согласии с японскими поселениями. В этом смешанном обществе родился интересный продукт — особая карафутская марка сакэ под названием «рикю», которое гнали из картофеля. Роль «рикю» на Карафуто аналогична роли водки в Сибири — с ее помощью удавалось несколько скрасить тяжелую жизнь.

Кроме японцев, корейцев, русских и поляков на Карафуто жили около 1 700 аборигенов (данные 1941 г.) 1 300 из них — айну, некоторые из них возвратились сюда в 1905 г. с Хоккайдо после 30 лет добровольной ссылки, пока Россия управляла всем островом. Те айну, что возвратились на Карафуто с Хоккайдо, выглядели более цивилизованными, нежели их собратья, проведшие тридцать лет под русским владычеством. Карафутские айну жили в девяти сельских поселениях и занимались в основном рыболовством.

Около 300 ороков (тунгусские племена) осели вдоль верхнего течения реки Поронай. Ороки разводили северных оленей, получая от них шкуры, молоко, мясо и используя в качестве транспорта- Мужчины - ороки вели полукочевой образ жизни; в зимнее время охотились на оленей и куниц, с марта по май занимались отловом котиков, с июня по август ловили лосося и форель, осенью — возвращались домой. До того, как обострились в 30-е годы пограничные отношения между Севером и Югом, ороки не особенно заботились об урегулировании пограничной проблемы. С невинной безнаказанностью они многократно пересекали 50-ю параллель, разделявшую Карафуто и Советский Сахалин (11).

Одним из самых дальневидных вкладов Японии в развитие Карафуто было строительство железных дорог. Даже сегодня около 80 проц. всех железных дорог острова расположенно к югу от 50-й параллели. Строительство автомобильных дорог японцы начали, спустя несколько недель после того, как в 1905 г. капитулировал русский гарнизон. Несмотря на затруднение с земельными участками, подходящими для строительства дорог, в 1945 г- колония располагала автомобильными дорогами, протяженностью в 564 мили (12).

Карафуто располагал главным образом морскими путями сообщения, поскольку до второй мировой войны здесь было очень мало аэродромов. Самым крупным портом был Отомари, но он замерзал в период с ноября по апрель. В зимнее время суда могли подходить не ближе одной мили от берега и вынуждены были перегружать свой груз на собачьи упражки. Хоито и Маоко на юго-западном побережье не замерзали круглый год. Постепенно они стали оживленными портами. Постоянные связи с Японией обеспечивали морские линии сообщения с хоккайдосскими портами Хокадатэ, Отару и Вакканай. Пароходы загружались на Карафуто рыбными консервами, ле-

соматериалами, целлюлозой и бумагой и доставляли эти товары в Японию, Маньчжоу-Го, Корею, а иногда — в Англию, США, Германию и голландскую Вест-Индию- В очень незначительном объеме торговал Карафуто с Советским Союзом (13).

В 1907—1941 гг- экономика Карафуто претерпела существенные изменения. За этот период объем годовой продукции вырос в сорок раз, составив в 1941 г. 3809 млн. иен (190 млн. долларов). В то время как сельское хозяйство и рыболовство доминировали в карафутской экономике в 1907—1916 гг., после 1916 г. целлюлозное производство проникло во все сектора экономики- Темпы роста угледобывающей промышленности в 1932 — 1941 гг. стали опережать развитие целлюлозной отрасли, но никогда не смогли превысить ее общего объема производства. Следующая таблица наглядно иллюстрирует изменения в структуре экономики острова: (14).

Отрасль	1915 г. (проц. от общего объема производства)	1938 г. (проц. от общего объема производства)
Целлюлозно-бумажная промышленность	23	60
Рыбная промышленность	65	8
Угольная промышленность	3	13,8
Лесная промышленность	1,8	14
Сельское хозяйство	5	4

Являясь пограничной территорией, Карафуто располагал незначительным количеством благ цивилизации. Для заполнения вакуума японцы с завидным рвением начали строительство школ. К 1942 г. здесь было 126 начальных школ, 142 средних школы, 3 высших школы, торговое училище и педагогический колледж, объединяющие 1706 учителей и 73 328 учащихся. Дети айну и ороков получали случайное образование от бродячих учителей до тех пор,

пока в 1933 г. этих детей было разрешено записывать в японские школы.

Управление по делам Карафуто построило в Тоехара прекрасно оборудованный исторический музей, который регулярно издавал научные труды по местной истории, фауне и флоре- Монументальный труд Антона Чехова о сахалинской каторжной системе был переведен на японский язык и напечатан на карафутской бумаге — событие, которое вызвало бы на губах автора книги усмешку, если бы он дожил до этих дней (15).

Японцы оставили на Карафуто три культурных памятника, сооруженные за сорок лет своего владения. Один из них — великолепный Тоехарский исторический музей (ныне — Сахалинский областной краеведческий музей) с впечатляющей черепичной крышей и сторожевыми каменными львами. Второй — «Карафуто Дзиндзя», внушительный синтоистский храм, расположенный в девственном сосновом лесу в восьми милях от Тоехара. Это самый северный национальный храм 10 августа 1925 г. удостоился величайшей чести — посещения наследного принца (ныне императора (написано в 1971 г.). Хирохито. Третьим реликтом такого рода был храм Хигаси Хонгандзи в Тоехара, который после войны был переоборудован русскими в кинотеатр. Другие памятные места, оставленные японцами, — парк Фудзивары Гиндзиро в Тоехара со своими искусно сконструированными ландшафтами и коттедж в швейцарском стиле, гордо украшающий лыжную базу Асахигаока- Японские лыжники проводили в Асахигаока свои национальные чемпионаты. Сейчас это советский центр отдыха, называемый «Горный воздух». В 1964 г., показывая этот коттедж одному японскому путешественнику, гид с гордостью демонстрировал русское строительное искусство (16).

ПЯТИДЕСЯТАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ.

Представление японцев о Карафуто в годы между войнами дополнялось сознанием близкого соседства с коммунистическим государством. 50-я параллель, отделяющая Советский Сахалин от Карафуто, никогда не обрела такой известности, как границы между СССР и Маньч-

жоу-Го и Монголией, где в 30-е годы время от времени вспыхивали русско - японские вооруженные столкновения. Тем не менее пограничный район между севером и югом острова дышал атмосферой холодной неприветливости и зловещей тишиной. Редкий любитель достопримечательностей, двинувшийся в путь из Сикуку на север, окажется в безбрежной тиши болотистых лесов. Милю за милей двигаясь на север, путешественник минует унылые деревушки, — каждая заброшеннее и мрачнее предыдущей — Ками Сикука, Оки, Хаттои, Атон, Кэтон и Котон. Эта дорога — единственная артерия, связывающая Карафуто и Советский Сахалин. Движение становится менее оживленным, чем в последнем японском селении перед границей — Хандэндзава (17).

Хандэндзава — одна из самых заброшенных и отдаленнейших пограничных станций. От десяти до двадцати японских пограничников, оставив свои семьи в Сикука, несут здесь свою службу в условиях изоляции, полной тишины, переживая сырые зимние дни в тесном деревянном бараке, который служит им казармой.

Русско - японская граница на Сахалине была результатом Портсмутского договора 1905 г. Она не была естественной границей вдоль горного хребта, реки или даже долины. Пограничная линия проходила строго по 50-й параллели, по совершенно прямой линии, упрямо проходившей через сосновые и березовые леса с восточного до западного побережья острова. Когда в 1906—1907 гг. проводилась демаркационная линия, была очищена полоса шириной в десять метров, на которой установили семнадцать каменных маркеров на равном расстоянии друг от друга. На южной стороне каждого маркера была выбита хризантема с надписью «Дайниппон Тэйкоку («Великая Японская империя»). На обратной стороне красовалась надпись «Русская граница 1907 г.» с изображением двуглавого орла — эмблема династии Романовых. Советское правительство не стало трудиться над заменой царской эмблемы на маркерах. Кто-то, однако, все же пытался убрать изображение двуглавого орла, но только повредил его.

В 30-е годы японцы испытали глубокие подозрения ко всем иностранцам, посещающим Карафуто. Полиция даже

воспринимала каждого туриста — либо, как чудака (иначе, зачем бы он сюда приехал?), либо — как шпиона. Такое положение дел объяснялось убежденностью в шпионской деятельности коммунистов Северного Сахалина. Когда итальянский ученый - востоковед Фоско Мараини в 1939 г. посетил Карафуто, за ним буквально двадцать четыре часа в сутки ходили по пятам детективы, даже не скрывающие своих намерений. Немецкий географ Мартин Швинд был арестован в 1937 г., как русский шпион и был освобожден только после непосредственного вмешательства губернатора колонии (18).

Отношения с русскими в Хандэндзава обычно не шли далее обмена почтой два раза в неделю, что было установлено в 1927 г. Отсутствовала даже телефонная связь. Когда возникала необходимость обменяться почтой, поднимали сигнальный флаг либо — завертывали в послание камень и осторожно перебрасывали его к посту на противоположной стороне границы, до которого было 55 ярдов. Хотя ни одна из сторон не держала на границе каких-либо существенных воинских контингентов, напряженность пограничных отношений обострилась после Маньчжурского инцидента в 1931 г. В мае этого года группа японских коммунистов, сопровождаемая русским, бежала через границу в СССР, пройдя леса вокруг Хандэндзава. Однажды японский охотник или лесоруб попал в Александровскую тюрьму за случайное либо умышленное проникновение на Советский Сахалин. Однако самым сенсационным был переход границы только что отметившей свое 36-летие японской актрисы Окада Есико и ее возлюбленного — режиссера пролетарского театра Сугимото Рекити. Оставив запряженные лошадьми сани, они пешком по снегу перешли границу в районе Хандэндзава и скрылись в лесу на советской стороне (19).

Более серьезными были вооруженные инциденты, достигшие высшей точки в 1938—1939 гг., когда русско-японские отношения приблизились к полному краху. В августе 1938 г. были убиты два японских полицейских, сопровождавших члена императорского парламента в его поездке в приграничный район. Японская пресса непрерывно сообщала о похищении людей, стрельбе и воздушных нарушениях границы. Хотя эти инциденты были сами по себе незначительны, они еще более подогревали атмосферу

взаимной неприязни- В 1938—1939 гг. советские и японские поиска вступили в вооруженное столкновение близ Чангуфэнь на границе Кореи, Маньчжоу-Го и СССР в семидесяти милях к юго-западу от Владивостока (июль — август 1938 г.) и близ Номонхан на границе Монголии и Маньчжоу-Го (июнь — август 1939 г.).

В результате ухудждения советско-японских отношений в 1936—1939 гг. обе стороны предприняли шаги для укрепления своего военного присутствия на Сахалине. Хотя и нет данных о количестве советских войск на Северном Сахалине — общеизвестно, что после 1936 г. было произведено значительное наращивание на Дальнем Востоке пехоты, артиллерии и авиации Красной Армии. Несмотря на тяжелое поражение в Китае после июля 1937 г., японцы не нарушали границы 50-й параллели. В конце 1937 г. дислоцируемое на Хоккайдо командование Северного района приняло решение об усилении гарнизона Карафуто и укреплении границы. 12 марта 1938 г. штаб верховного командования в Токио представил план развертывания на Карафуто полной дивизии. В начале 1939 г. была сформирована специальная Карафутская смешанная бригада, которой было поручено оборонять границу. Бригада состояла из пехотных, артиллерийских и инженерных частей. Между тем ВМС Японии начали строительство военного аэродрома в Сикука, сухопутные войска — аэродрома в Тоехара. Надо ли говорить, что эти действия противоречили статье IX Портсмутского договора, запрещающей строительство военных сооружений по обе стороны границы (20).

Японцы вели военные приготовления на Карафуто в течение 1940 г. Пятнадцатимильная полоса к югу от 50-й параллели была объявлена запретной зоной для всех, кто не имел специального военного пропуска. Смешанная Карафутская бригада расположилась вдоль границы и начала строительство бетонных бункеров в Котоне и Хороми, расположенных на расстоянии около 8 миль к югу от Хандэндзава на дороге, ведущей от границы к Наиро и Тоехара. Части 7 дивизии (базируемой в Ассахигава на Хоккайдо) расположились в южной части острова, близ городов Тоехара, Маока и Хондо. Была развернута сеть радиосвязи для связи Котона с дивизионными штабами в Ками Сикука, командованием Северного района в Саппоро и верховным командованием в Токио,

Неожиднное вторжение германских войск в Советский Союз (22 июня 1941 г.) привело японские войска на Карафуто в состояние напряженного ожидания. Несмотря на то, что лишь за два месяца перед этим (13 апреля 1941 г.) министр иностранных дел Японии Мацуока Есукэ подписал советско - японский пакт о нейтралитете, и в Токио, и в находящейся в Маньчжоу-Го Квантунской армии были сильны позиции тех, кто считал, что настал подходящий момент для открытия второго фронта против СССР и был готов начать в Сибири наступление на запад. В течение июля офицеры Квантунской армии и Северного района вели приготовления для нападения на СССР, используя при этом план под кодовым наименованием «Кантокуэн» («Особые маневры Квантунской армии»)- В этой операции Сахалину отводилась важная роль. 7-й дивизии поручалось захватить нефтеносные районы Охи, действуя с моря и с воздуха. Другим частям предстояла высадка на амфибиях в Александровске, административном центре Советского Сахалина. Смешанная Карафутская бригада должна была вести наступление через 50-ю параллель в направлении Тымовского.

Однако эти «особые маневры» так и остались на бумаге. После изучения нефтяных ресурсов Северного Сахалина в ВМС пришли к выводу, что даже если Япония и оккупирует весь остров, запасов сахалинской нефти будет недостаточно для обеспечения боевых операций морского флота. Гораздо больше нефти добывалось в голландской Вест-Индии. Эти и другие мотивы позволили сторонникам «южного варианта» (Индокитай, Филиппины, Вест-Индия) одержать верх над апологетами «северного варианта» (вторжение в Восточную Сибирь) в течение июля и августа 1941 г. 9 августа верховное командование в Токио приказало армии Северного района отменить планы нападения на СССР. 18 августа командование Северного района приказало частям карафутского гарнизона воздерживаться от усиления напряженности на границе, чтобы избежать возможного военного столкновения с русскими.

С августа 1941 г. и до конца войны вооруженные силы на Карафуто представляли собой исключительно оборонительные силы. Боеготовность японских войск оставалась очень высокой до лета 1942 г., когда Алеутская операция против американских войск отвлекла внимание Токио от

50-й параллели. Ходили слухи о готовности Советского Союза продать Камчатку Соединенным Штатам Америки и разрешить строительство американской военно - воздушной базы в Приморском крае. Многие японцы опасались советско - американского вторжения на Карафуто и в Маньчжоу-Го. Перебежчик с советской территории принес вести, что американские корабли появились у берегов Москальво (Северный Сахалин) и отмечается усиленное воздушное сообщение между ВОСТОЧНОЙ Сибирью и Аляской. Хотя японцев и встревожили эти вести, они все же были не в состоянии до лета 1942 г. открыть второй фронт военных действий на севере. С августа 1942 г. по май 1943 г. смешанная Карафутская бригада занималась укреплением обороны Котона и строительством дорог. Другие воинские части осуществляли расширение порта Сикука и строили железную дорогу (21).

Уничтожение японского гарнизона на острове Атту (Алеуты) 29 мая 1943 г. внесло существенные изменения в стратегию штаба армии Северного района. Приводились в готовность людские и материальные ресурсы в ожидании возможного американского наступления на Курильские острова. Смешанная Карафутская бригада и 7 дивизия были спешно переброшены с Карафуто на Северные Курилы. Вакуум на русской границе был заполнен неопытным 125 полком, переведенным сюда из Саппоро. Этот полк, состоящий главным образом из студентов и резервистов, не имел ни достаточной военной подготовки, ни необходимого снаряжения (22).

После лета 1942 г. у военных руководителей Японии было достаточно забот об операциях на огромном театре военных действий, чтобы думать еще о Карафуто. Несмотря на слухи о советско - американском военном сотрудничестве, японцы понимали, что пока русские ведут тяжелые бои с немцами на Западе, им нечего опасаться, и что советское руководство не будет рисковать своими восточными территориями, предоставив там базы американцам. Правда, надеяться на это можно было бы лишь при условии преимущества Германии в войне. После 1943 г. Красная Армия перехватила инициативу и погнала нацистских захватчиков на Запад, где потом и завершила их разгром. Успех русских наступательных операций в 1944—1945 гг. давал японцам повод опасаться, что переброска русских

войск на Дальний Восток для возможных операций против Маньчжоу-Го и Карафуто — лишь дело времени. Слепая вера в надежность русско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. (который японцы, кстати, сами собирались нарушить летом 1941 г) мешала японцам в полной мере осознать последствия победы советских войск на Западе. Таким образом, когда Карафуто оказался летом 1945 г. перед лицом мощного советского вторжения, японцы на Карафуто оказались к этому практически не готовы.

Хотя Карафуто оставался тихой заводью в течение почти всего периода второй мировой войны, его взаимоотношения с Японскими островами в 1942—1943 гг. претерпели значительные перемены. 11 сентября 1942 г. кабинет Тодзио объявил, что Карафуто воссоединяется с «Найти» (собственно Японией). Эта мера вывела Карафуто из разряда КОЛОНИЙ И опекаемых территорий (Корея, Тайвань, Микронезия), управляемых министерством колоний, и определяла его как самостоятельную часть Японии. В ноябре губернатор Карафуто был переподчинен министру внутренних дел. Интеграция бывшей колонии с Японией быстро осуществлялась в течение 1943 г. Налоговая система, почта, финансы, железные дороги и полиция Карафуто, до того времени подчинявшиеся губернатору, с этого времени попадали в ведение соответствующих министерств в Токио (23).

Объединение Карафуто с Японией осуществлялось в период общей реорганизации национального управления. Императорский декрет от 20 июня 1943 г. объединил японские префектуры в семь больших округов. Когда это мероприятие осуществилось к 31 января 1945 г., Карафуто стал частью Первого Округа, в который входил и остров Хоккайдо.

Существовали две мотивировки необходимости объединения Карафуто с Японскими островами: убежденность в историческую принадлежность Карафуто Японскому государству; и стремление к сокращению административного аппарата и расходов на него. У населения Карафуто было мало времени для празднования своего нового статуса. Лишь семь месяцев спустя дебюта Карафуто в качестве части Японской империи — остров был полностью потерян для Японии.

СОВЕТСКИЙ САХАЛИН. 1925—1945.

Для Советского Союза это был торжественный момент, когда в полдень 15 мая 1925 г. в Александровске был спущен японский флаг и его место заняло полотнище с серпом и молотом. Перед представителями Дальневосточного Революционного комитета (Дальревком), прибывшими на Северный Сахалин для принятия бразд правления, встали задачи куда более трудные и гораздо менее приятные, нежели участие в церемонии поднятия флага. В это время на Северном Сахалине находилось менее 5000 русских жителей, т. е. около одной трети всего русского населения на 1917 г. Среди них были лица, симпатизировавшие царскому режиму и сотрудничавшие с японцами. Экономику Северного Сахалина японцы оставили в плачевном состоянии. Пять лет оккупации привели к истощению угольных шахт, хищнически разрабатываемых японцами; некоторые шахты были затоплены, оборудование вывезено. Японцы оставили после себя безжалостно вырубленные леса; охота на ценного пушного зверя привела почти к полному его уничтожению. Нефтепромыслы на северо-востоке были захвачены японскими концессионерами (24).

Советское правительство взялось за дело с твердой решимостью. В течение первых трех лет советского управления (1925—1928 гг.) объединение и реконструкция стали первоочередными задачами. Дальревком взял на себя ответственность за административное и экономическое планирование. Он разделил Северный Сахалин на четыре административных района: Александровский, Рыковский, Восточный и Рыбновский, что все вместе образовало Сахалинскую область, в свою очередь, входящую в состав Хабаровского края.

Параллельно этой административной структуре была создана организация коммунистической партии, которая осуществляла контроль и управление. Секретарь Сахалинского партийного бюро являлся по должности членом ЦК Дальневосточного бюро в Хабаровске. Секретарь бюро был ответствен за все партийные организации острова внутри региональных ревкомов (правительственные административные комитеты), профсоюзов, пограничных войск и (после 1928 г.) за деятельность рыболовецких и сельскохозяйственных колхозов (25),

Советы намеревались приложить большие усилия для организации эффективной эксплуатации природных ресурсов острова. Научная экспедиция 1925 г. пришла к выводам, что у Сахалина богатые возможности, но при условии мобилизации достаточного количества рабочей силы. Так как живущих здесь тогда 5000 человек было явно недостаточно для осуществления программы развития района, русские централизованно спланировали массовое заселения Северного Сахалина. Дальревком призвал Комсомол формировать в Европейской части России бригады для строительства на Сахалине дорог, очистке лесов и сооружения жилых домов, в которых ощущалась острая потребность. В помощь китайцам и корейцам, работавших на шахтах в Дуэ прибыли шахтеры из Сучана (Приморский край). Привлеченные относительно высокими заработками, приехали инженеры и рабочие-нефтяники из Баку, а также - из Грозного. Из Украины были переселены крестьяне для заселения Тымовской долины; рыбаки с Черного и Балтийского морей образовали кооперативы в Рыбновске. Для вербовки рабочей силы Дальревком привлек профсоюзные организации шахтеров, рыбаков, рабочих лесной промышленности; привлекались также русские, работавшие на предприятиях японских концессионеров (26).

К 1928 г., в канун первой пятилетки Дальревком получил первые удовлетворительные результаты системы централизованного планирования. Добыча угля составила 120 000 тонн, достигнув уровня 1916 г. Заметно оживились рыболовство и лесное хозяйство. Поселенцы в долине р. Тымь собирали урожаи зерновых, овощей и фруктов. Сельскохозяйственные поселения для сахалинских аборигенов (1800 гиляков, 200 эвенков, 170 ороков и горстки айну и якутов) были построены в Москальво, Вискро и Ногликах. Им стали доступны образование и медицинское обслуживание. Население острова выросло в пять раз и составило 25 000 человек. Бесспорно, были здесь и трудности. Острая нехватка жилья порождала эпидемии. Дисциплина в лучшем случае была неровной. Однако жители Сахалина впервые за восемь лет могли наслаждаться политической стабильностью. Советская власть принесла на Северный Сахалин еще одно бесценное качество — оптимизм- В процессе выполнения первого и второго пятилет-

него планов население и экономика Сахалина развивались устойчивыми темпами. Население выросло с 25 ООО человек в 1928 г. до 106 000 человек в 1941 г. Самые фундаментальные изменения в структуре сахалинской экономики явились результатом процесса коллективизации сельского хозяйства и объединение топледобывающих отраслей (нефть и уголь) с новыми промышленными комплексами в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре. Осуществляемое центральными органами переселение людей на Сахалин (порой вынужденное или насильственное) явилось главным источником наращивания рабочей силы на острове. С 1929 г. координация всей хозяйственной деятельностью осуществлялась «Сахалинской государственной компанией» (27).

Коллективизация сельского хозяйства внесла болезненные перемены в жизнь обитателей Тымовской долины, где трудилась большая часть сахалинских крестьян. К 1932 г. коллективизация коснулась не только русских жителей, но и аборигенов, включая ороков, занимавшихся оленеводством. Коммуна «Красный партизан» в Ада-Тымово была одной из моделей эксперимента коллективизации. Около 400 русских крестьян и гиляков жили в нескольких просторных коммунальных строениях, вырубая окружающий девственный лес. Общими усилиями сооружались дороги, велся лов рыбы, выращивались урожаи зерновых и овощей, разводился скот. Машинно - тракторные станции с целым штатом механиков и водителей закреплялись за коммунами. Для детей силами коммун были организованы детские сады и начальные школы. Все это было советским вкладом в жизнь Сахалина. Некоторые из старых обитателей Сахалина с трудом расставались с индивидуальным хозяйством, находились и такие, которые подвергали сомнению утверждение, что коллективизация будет способствовать развитию сельского хозяйства на Северном Сахалине. Однако русские добились большого успеха, нежели японцы в уменьшении зависимости Сахалина от ввоза продуктов питания (28).

В развитии рыболовства на Сахалине русские столкнулись с теми же трудностями, что и японцы на Карафуто. Тем не менее в период с 1928 по 1941 гг. общий объем выловленной рыбы увеличился на 64 проц. Сахалинский государственный рыбопромышленный трест, учрежденный

в 1932 г. направлял деятельность рыболовецкой и производственной сферы. Девятнадцать консервных фабрик открытых в тот период в Александровске, Рыбновске, Широкой Пади и Восточно-Сахалинске, занимались переработкой и консервированием лосося, дельфина и крабов. Очистительные и консервирующие машины на этих фабриках были поставлены из США и обучением работе на этих машинах руководили американские инженеры. Внушительную часть людских ресурсов Сахалина представляли китайцы, привезенные сюда в начале века для работы на угольных шахтах (29).

Лесное хозяйство легло, главным образом, на плечи молодых коммунистов, приехавших на Сахалин в составе комсомольских ударных бригад. В отличие от японцев на Карафуто, русские не стали развивать современной целлюлозной индустрии. Лесообработка на Северном Сахалине редко шла дальше лесопильных операций. Тем не менее в 1937 г. было заготовлено 337,5 тыс. кубометров древесины, что в три раза превысило уровень 1928 г. Лес, в основном, шел на шахтные крепления, строительство домов и железобетонные шпалы.

К концу второго пятилетнего плана шахты Северного Сахалина производили 320 тыс. тонн угля, что почти в три раза превышало уровень 1916 г. К 1943 г. производства угля достигло полумиллиона тонн. Этот уголь играл важную роль в снабжении топливом Китайской Восточной железной дороги, Уссурийского сектора Транссибирской магистрали и Тихоокеанского флота. До 1928 г. уголь для нужд советского Дальнего Востока доставлялся из Черемхово (западнее Иркутска). При транспортировке черемховского угля во Владивосток (около 2000 миль) паровозы поглощали 40 проц. собственного груза. Несмотря на успехи в добыче топливных ресурсов, Советский Сахалин не добился возможности экспортировать свой уголь из-за отсутствия для этих целей подходящих портов.

Оособые усилия сосредоточило советское руководство на добыче сахалинской нефти. Хотя японские концессионеры на Северном Сахалине раньше русских начали буровые работы и нефтедобычу, последние вскоре превзошли их, сделав солидные капиталовложения в нефтяную промышленность,

Запасы северосахалинской нефти явились единственным известным источником этого сырья в Восточной Сибири и были вдвойне ценными Советам в период между войнами. Едва успели высохнуть чернила на советско - японской конвенции 1925 г., как геологи, инженеры и квалифицированные рабочие из Баку и Грозного устремились на Северный Сахалин. Некоторые русские были направлены для работы в японских концессиях с целью изучения технологии. Со времени первой пятилетки добыча нефти на предприятиях «Сахалинского Нефтяного треста» быстро росла (30).

годы	добыча нефти (тонн)
1929	28000
1932	210000
1937	356000
1939	473000
1940	505000
1942	550000
1944	650000

Для перевозки северосахалинской сырой нефти к очистительным заводам на р. Амур построили железную дорогу от главных нефтяных месторождений в Охе к порту Москальво на берегу залива Байкал. Отсюда нефть загружалась на баржи и доставлялась на Амур. В 1942 г. был сооружен нефтепровод по дну Татарского пролива, связавший Оху с Комсомольском-на-Амуре.

Японские концессионеры, напротив, страдали от неблагоприятных транспортных условий между Северным Сахалином и Японскими островами. Отсутствие подходящего порта вынуждало их загружать свои танкеры вдали от берега, используя лихтеры. Это было довольно нелегким делом, так как на Охотском море даже в спокойную погоду всегда высокие волны. Кроме того, шесть месяцев в году море покрыто льдом. Испытывая нехватку нефтехранилищ на Северном Сахалине, японцы вынуждены были ограничить добычу нефти. Таким образом, годовая добыча нефти никогда не превышала 195 000 тонн (1933 г.), хотя японцы и были заинтересованы в увеличении экспорта северосахалинской нефти на Японские острова и закупили в 1932 г. у русского «Сахалинского Нефтяного треста» 134 000 тонн сырой нефти. В 1937 г. советское правительство прекратило продажу японцам нефти (31).

Несмотря на значительный прогресс в развитии сельского хозяйства, угольной, нефтяной и рыбной промышленности, слабым местом Советского Сахалина продолжал оставаться транспорт. За исключением железной дороги Оха — Москальво (20 миль) и восьмимильной узкоколейной линии от Александровска до начала горного массива, железные дороги на северной части Сахалина отсутствовали. Проселочная дорога от Александровска до Дебринское и ее два ответвления к границе с Карафуто и к Ада-Тымово — были единственными автомобильными дорогами на русской половине острова. За исключением этих дорог, движение совершалось по лесным тропам, на речных плотах и судах вдоль береговой линии. Внешние коммуникации улучшались более заметно, чему способствовало продолжение в 1934-1937 гг. транссибирской магистрали до Советской Гавани, расположенной на расстоянии около 150 миль к юго-западу от Александровска через Татарский пролив. Эта новая линия заменила старый кружной путь пароходом до Николаевска, затем — вдоль амурских берегов.

Можно сделать несколько сравнительных характеристик между японским Карафуто и Советским Сахалином. Во-первых, несмотря на принудительное переселение и использование русскими ударных бригад, японское население на Карафуто увеличилось более быстрыми темпами и к 1941 г. превосходило в четыре раза население Советского Сахалина. Географическая близость, высокая плотность населения на Японских островах и относительно мягкий климат Карафуто объясняют такую диспропорцию.

Во-вторых, различались экономические структуры этих районов. На Советском Сахалине плановая экономическая политика, проводимая под контролем коммунистической партии силами государственных объединений (добыча угля, нефти, рыболовство), вносила элемент стабильности в северосахалинскую экономику. На Карафуто частные компании эксплуатировали обширные пространства госу-

дарственных земель, причем государственные органы лишь выполняли роль наблюдателей. В отличие от Советского Сахалина, где экономика развивалась стабильно и последовательно, добывающая и обрабатывающая отрасли промышленности Карафуто завис или от тенденций мирового рынка, испытав бурный рост в 1914-1919 гг., спад — в 20-х и возрождение — в 30-х гг.

В-третьих, отличался образ жизни и сельских жителей-Русские крестьяне Тымской долины вели регламентированный образ жизни, работая в условиях общественной собственности на жилище и коллективного сельскохозяйственного труда. Их японские коллеги в долинах рек Сусуя и Поронай жили более обособленно, владея и землями, и жилищами, как частной собственностью.

В-четвертых, русские увеличивали добычу угля и нефти для обеспечения топливом индустриальных комплексов на реке Амур; японцы же сконцентрировали свои усилия на переработке леса (целлюлоза, бумага, скипидар, спирт) и рыбной промышленности (рыбопродукты и удобрения).

В-пятых, японцы полностью контролировали экономику Карафуто; русские же не были полностью самостоятельны на Северном Сахалине. Японские нефтяные концессии были результатом русско-японской конвенции 1925 г., в которой СССР сделал Японии эту уступку в обмен на вывод оккупационных войск с Северного Сахалина. Концессии имели не только чисто экономическое значение. Они символизировали временную слабость России в период революции и гражданской войны и низменный интерес Японии к «специальным правам» на Северном Сахалине. Эти концессии создали тревожную ситуацию, в которой японцы и русские оказались лицом к лицу в стремлении заполучить необходимые источники сырья в условиях сложной политической атмосферы.

ЯПОНСКИЕ КОНЦЕССИИ НА СОВЕТСКОМ САХАЛИНЕ. 1925—1944.

Конкуренция в борьбе за угольные и нефтяные ресурсы на Северном Сахалине были причиной постоянных трений между Японией и Советским Союзом в 1925-1944

гг. Для выполнения пятилетних планов Россия нуждалась в увеличении производства топлива. В то же время Япония, испытывая затруднения в Маньчжурии и Китае, также ощущала огромные потребности в источниках топлива, особенно — в нефти. Наряду с осложнениями в других областях (рыболовство, пограничные конфликты на материке и отношения с Китаем), русско-японское соперничество за владение ресурсами Северного Сахалина приняло форму почти открытой вражды в 1938-1939 гг. Столкновения удалось временно избежать, благодаря началу войны в Европе, советско-японскому пакту о нейтралитете, германскому вторжению в Россию и Тихоокеанской войне. Только после того, как Советский Союз в 1943 г. начал одерживать победы в войне с Германией, а военные позиции Японии пошатнулись в 1944 г., — проблеме концессий на Северном Сахалине пришел конец, она завершилась триумфом русских.

Когда Советский Союз и Япония установили дипломатические отношения, подписав 20 января 1925 г. конвенцию в Пекине, русские согласились (в соответствии со статьей VI конвенции) предоставить японцам «концессии на разработку минеральных, лесных и прочих естественных ресурсов во всех частях территории Союза Советских Социалистических Республик» (32). В Протоколе «Б» более детально оговаривались условия для японских концессий на уголь и нефть Северного Сахалина, вступающих в силу после вывода всех японских вооруженных сил к установленному сроку — 15 мая 1925 г. После того, как японцы полностью вывели свои войска, переговоры о деталях концессионных условий продолжались в Москве. 14 декабря 1925 г. было подписано соглашение по трем концессиям (две из них — по добыче угля и одна — по добыче нефти) со сроком действия до 1970 г.

Условия нефтяной концессии предоставляли Японии право на изыскания (в течение одиннадцати лет) и добычу (на пятьдесят пять лет) нефтянных месторождений Охи, Нутово, Пильтун, Эхаби, Чайво, Ныйво, Углекути и Катангли. Эти районы, предоставляемые японцам, были расположены в шахматном порядке. Плата за извлеченную нефть измерялась в зависимости от объема годовой добычи. Эта плата устанавливалась в размере 5 процентов с

добычи свыше 30000 тонн и повышалась до 15 процентов при объеме добычи в 620000 тонн. Рента за эксплуатацию участков устанавливалась в размере 45 процентов. Процент на добычу газа определялась в размере 15-30. Рента за эксплуатацию оборудования составляла 4 процента. Соглашением предусматривался коэффициент к оплате труда русских и японских квалифицированных рабочих в размере 50 процентов; за неквалифицированный труд — 75 процентов русским и 25 процентов японским рабочим. Все трудовые споры между японскими концессионерами и советскими профсоюзами надлежало разрешать на основе советских законов (33).

Две угольных концессии располагались в Дуэ и на берегу реки Агнево. Эти районы содержали около 15 процентов всего разведанного на Северном Сахалине каменного угля. В этих районах японцы согласились руководствоваться теми же правилами управления трудовым процессом, что и на нефтяной концессии. Платежный процент устанавливается несколько ниже: от 5 до 8 процентов в зависимости от объема добычи (5 процентов за 100000 тонн, за каждые дополнительные 50000 тонн — 0,25 процента; за добычу свыше 650000 тонн — 8 процентов). Кроме того, японцы обязались соблюдать не только все действовавшие на момент подписания концессионого договора советские законы, но и те, которые могут быть приняты в будущем. Естественно, русские составили условия этих соглашений таким образом, что получали большие преимущества в случае возникновения какого-либо спора.

Японцы образовали две компании для разработки запасов сахалинского угля и нефти. Оба являлись дочерними фирмами консорциума «Хокусинкай» (см. главу VI), действовавшего в 1910-1925 гг. В отличие от «Хокусинкай», новые компании в меньшей степени зависели от правительства. Для развития нефтяных концессий акционеры «Хокусинкай» создали «Кита Карафуто сэкию кабусики кайся» («Северо-Сахалинская акционерная нефтяная компания») в июне 1926 г. Компания располагала капиталом в 10 млн. иен. Бывший начальник артиллерии ВМС отставной адмирал Накадзато Дзюдзи был избран президентом компании. Накадзато определил основную задачу компании, как развитие северосахалинских нефтяных ресурсов

в интересах коммерческой выгоды. Вкладчики заторопились приобрести акции компании.

Что касается двух концессий по добыче угля, компания «Мицубиси майнинг компани» образовала «Кита Карафуто коге кабусики кайся» («Северосахалинская горнопромышленная компания»), которая владела капиталом в 10 млн. иен и возглавлялась бывшим японским послом в Москве Каваками Тосихико. Публика проявила немного энтузиазма в приобретении акций этой фирмы и не без оснований: одна из двух угольных концессий так и осталась только на бумаге, другая была убыточным предприятием (34).

Несмотря на то, что между советскими властями и японскими концессионерами возникали разногласия по поводу использования русской рабочей силы и выделения новых участков для бурения скважин первые шесть лет деятельности северосахалинских концессий обошлись без серьезных трений. В 1927 г. японцы получили разрешение расширить масштабы предпринимательской деятельности. В 1928 г. русские согласились продавать нефть со скважин «Сахалинского нефтяного треста» японским концессионерам.

Приобретенная у русских нефть дала японцам возможность увеличить экспорт нефти на Японские острова, однако их собственные усилия по увеличению продуктивности нефтедобычи на Северном Сахалине наталкивались на климатические и производственные проблемы. Таким образом, хотя японцы начали добычу нефти на Сахалине на несколько лет раньше русских, советский «Сахалинский нефтяной трест» уже в 1932 г. успешно обошел японских концессионеров. Приведенная ниже таблица иллюстрирует изменения в объеме добычи нефти в 1926-1944 гг. (35)

Год	Добыча нефти на японских концессиях (тонн)	Продажа нефти японцам «Сахалинским нефтяным трестом» (тонн)	Добыча нефти «Сахалинским нефтяным трестом» (тонн)
1926	3400		
1927	77000		
1928	122000		

1929	184000	2800	28000
1930	193000	37000	?
1931	189000	113000	?
1932	188000	134000	210000
1933	195000	125000	?
1934	164000	123000	?
1935	168000	40000	?
1936	181000	40000	?
1937	151000	100000	356000
1942	?	0	550000
1943	16000	0	590000
1944	0	0	650000

Приведенная таблица показывает, что 1) после быстрого роста в конце 20-х гг. нефтедобыча на японских концессиях затормозилась в начале 30-х гг. и резко упала после 1937 г. 2) Хотя данные и отсутствуют, нефтедобыча на русских скважинах подскочила после 1930 г. и опередила объем японской добычи в 1932 г. 3) Продажа нефти «Сахалинским нефтяным трестом» японским концессинерам прекратилась после 1937 г. В начале 30 гг. русские с все большей неохотой продавали нефть японцам. Второй пятилетний план опередил большой спрос на сахалинскую нефть для потребностей индустриальных центров в Хабаровске и Комсомольске. Кроме того, японское вторжение в Маньчжурию и Внутреннюю Монголию заставило русских пересмотреть свои взгляды на сотрудничество с Японией на Северном Сахалине.

Японский интерес к северосахалинской нефти особенно углубился в 30-е гг. Сразу же после маньчжурского инцидента (18 сентября 1931 г) японское правительство начало выплачивать субсидии «Северосахалинской нефтяной компании». Императорские военно-морские силы снова начали принимать живейшее участие в делах компании. Вновь избранный президент компании адмирал Сакондзи

ознаменовал свое вступление в должность в июле 1935 г. заявлением о том, что северосахалинская нефть имеет важное значение для национальной обороны. Импорт нефти с Северного Сахалина составлял примерно половину всего объема национального производства этого сырья.

Начиная с 1935 г., японское правительство явило признаки возобновления проблемы статуса Северного Сахалина, которая не возникала после подписания русско-японской конвенции 1925 г. Министр иностранных дел Хирота Коки публично заявил о новой позиции правительства по этому вопросу, намекая на мнимое обещание Советского Союза продать Северный Сахалин Японии. Москва встретила это заявление глубоким молчанием. Внеся в проблему нефтяной концессии элемент территориальных притязаний, Япония пошла на риск превращения Северного Сахалина в арену серьезных обострений (36).

Антикоминтерновский пакт, подписанный Японией и Германией 25 ноября 1936 г., ускорил ухудшение советско-японских отношений и изменил советскую политику на Северном Сахалине. Русские начали предпринимать систематические усилия для вытеснения с острова японских концессионеров. «Сахалинский нефтяной трест» объявил, что прекращает продажу нефти концессионерам после 1937 г. Кроме того трест наложил запрет на просьбы японцев о строительстве дополнительных нефтехранилищ и нефтепровода для заливки танкеров. Наконец, советское правительство начало компанию протестов по поводу дурного обращения концессионеров с русскими рабочими.

Японцы ответили массовым увольнением русских рабочих и бесцеремонно начали строительство подводного нефтепровода, запрещенное русскими. Тогда русские арестовали нескольких японских рабочих по обвинению в шпионаже. Волна страха охватила японскую колонию на Северном Сахалине. Многие из 2500 рабочих и служащих заявили о своем желании вернуться на родину. Объем добычи нефти на скважинах концессии начал катастрофически падать. Тогда, в конце 1937 г., русские обратили свое внимание на угольные концессии.

Две японские угольные концессии — в Дуэ и на р. Агнево — были разочарованием как для предпринимателей, так и для акционеров. «Мицибиси майнинг компани»

вела работы лишь на шахтах Дуэ из-за отсутствия подходящих портов и требования правительства сократить угледобычу до 100000 — 130000 тонн в год. После 1935 г., однако, возросшая национальная потребность в угле стимулировала увеличение объема добычи до 232000 тонн; компания начала подумывать о вводе в действие шахт на реке Агнево. В сентябре 1937 г. «Сахалинский угольный трест» неожиданно объявил о ликвидации концессии на реке Агнево. Свое решение русские мотивировали тем, что «Мицубиси майнинг компани» нарушила соглашение 1925 г., заморозив разработку агневских шахт, что привело к безработице среди советских рабочих и причинило финансовый ущерб советскому правительству. В ответ на это, «Мицубиси майнинг компани» предприняла решительное увольнение русских рабочих с шахт Дуэ и урезала объем угледобычи до 69000 тонн в 1937 г. «Угольный трест» раздраженно потребовал компенсации. После нескольких месяцев злобных перепалок японцы смирились с потерей агневских шахт и фактически приступили к свертыванию работ на шахтах Дуэ. Концессия в Дуэ прекратила операции в 1939 г., хотя формально оставалась в руках «Мицубисис» до 1944 г. (37)

Советская помощь Китаю (с которым Япония была в состоянии войны с июля 1937 г.) и обострение пограничной ситуации на реке Амур создали почву для взаимных советско-японских язвительных препирательств по поводу Сахалина в течение 1938 г. 22 января министр иностранных дел Хирота произнес яростную речь в парламенте, в которой предупредил русских, что правительство Японии не намерено более терпеть попытки русских «вытеснить» Японию с Северного Сахалина. Когда Москва потребовала закрытия японского консульства в Охе, Хирота обвинил СССР (26 июля) в «грубом нарушении японских прав на Северном Сахалине». Этот обмен мнениями был вызван советско-японской конфронтацией в июле и начале августа 1938 г. в Чангуфэнь на русско-корейской границе. Чангуфэньский кризис был с трудом разрешен до того, как события 1939 г. приблизили обе страны к возможности начала открытых боевых действий.

Речи, произнесенные в японском парламенте в начале 1939 г., отражали точку зрения военной клики на проблему концессий. В феврале месяце несколько членов парламента публично потребовали военной оккупации Северного Сахалина. Между тем русские ограничения привели почти к прекращению нефтедобычи на предприятиях концессии (38).

27 апреля Япония направила советскому МИД меморандум с выражением своего недовольства, который первое время остался без ответа, а в июле того же года был отклонен. В течение июля японский посол в Москве Того Сигэнори и заместитель Народного комиссара по иностранным делам Лозовский засыпали друг друга взаимными обвинениями. Того выразил протесты по поводу чинимых Советами препятствий, своеволия и давления со стороны советских властей и обвинил русских в попытке преследования японских служащих на северосахалинских нефтяных концессиях по обвинению в шпионаже. Лозовский заявил о нарушении японской стороной соглашения 1925 г., выразившемся в несоблюдении техники безопасности, контрабанде, отказе обеспечить жильем русских рабочих, увеличении числа японских рабочих, использовании морских танкеров, неуплате ренты и ввозе риса для «подпольного самогоноварения» (39).

Япония уже готова была прибегнуть к силе, когда 24 июля адмирал Енаи Мицумаса объявил об отправке к берегам Северного Сахалина японской морской эскадры в знак полной готовности Японии защитить свои нефтяные и угольные концессии (40). Пока концессионная проблема балансировала на острие ножа между применением силы и урегулированием, на границе между Монголией и Маньчжоу-Го близ Номонхана советские и японские войска превратили пограничный инцидент в генеральную репетицию второй мировой войны.

Советско-нацистский пакт о ненападении (23 августа 1939 г.) и нападение Германии на Польшу (1 сентября 1939 г.) втянули Европу во вторую мировую войну и постепенно разрядили советско-японскую напряженность в Маньчжоу-Го. Тем не менее между обеими сторонами на Северном Сахалине продолжались трения как вдоль 50-й параллели, так и на нефтяных концессиях.

Начиная с 1940 г. русские расширили масштабы своих притязаний на Сахалин. До того времени советские усилия концентрировались на вытеснении японских нефтяных и

угольных концессий с Северного Сахалина. Постепенно появились признаки, что Москва намеревается изгнать японцев и с Южного Сахалина, 11-15 марта советские пограничники обстреляли японские пограничные посты в Анбэцу и Хандэндзава. 29 марта Комиссар по иностранным делам В. Молотов в своей речи на Седьмой сессии Верховного Совета выразил намерение России купить Карафуто. 18 ноября 1940 г. Молотов прояснил русский интерес к Карафуто, назвав его «утраченной территорией» СССР. На следующий день Молотов вручил японскому послу в Москве советское предложение о заключении пакта о ненападении в обмен на отказ японцев от Карафуто. Текст был составлен в таких ирредентистских выражениях, что это напугало японское правительство и побудило подписать 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете (41).

Советско-японский пакт о нейтралитете, подписанный министрами иностранных дел Мацуока Есукэ и Молотовым, был основанием для важного соглашения, касающегося нефтяных и угольных концессий на Северном Сахалине, которое содержалось в тайне до 1944 г. Мацуока дал советскому правительству письменное заверение о том, что концессии будут ликвидированы до конца года (42). Драматический отказ Мацуоки от до сих пор настойчиво поддерживаемых Японией требований к северосахалинским ресурсам был жертвой, которую приносила Япония ради советского нейтралитета в случае нападения японских войск на богатую нефтью Голландскую Вест-Индию. Чего Мацуока не мог предвидеть в апреле 1941 г. — это нападение Германии на Советский Союз 22 июня.

Германское вторжение в Советский Союз неожиданно дало японцам удобный случай воспользоваться тяжелым положением русских войск на западном фронте. По различным причинам, из коих известны лишь немногие, Япония не нарушила Пакта о нейтралитете и не поддержала Гитлера открытием второго фронта на Советском Дальнем Востоке. Некоторые Японские политические деятели, однако, увидели удобный случай «разрешить» сахалинскую проблему путем применения силы (43).

Отказавшись от денонсации Пакта о нейтралитете, японцы ограничились нарушением обязательства Мацуока о

ликвидации концессий на Северном Сахалине. В октябре 1941 г. Токио настоял на продолжении бурильных работ до 1943 г. Русским ничего не оставалось, как согласиться, так как немцы в то время стояли буквально у ворот Москвы.

В течение 1943 и начале 1944 гг. изменилось соотношение сил между Японией и Россией в Северо-Восточной Азии. Советские победы под Сталинградом и Курском, изгнание германских войск из Украины значительно усилили позиции России на Дальнем Востоке. Советские триумфы на Западе контрастировали с японскими военными неудачами в Новой Гвинее, Гуадалканале и на Маршалловых островах. Подводные лодки противника топили японские торговые суда. В 1944 г. потребность Японии в нефти стала критической. Отчаянные услилия на Карафуто получить газолин из сосновых иголок и нефть из сланца дали жалкие результаты. В этот критический момент войны Япония потеряла все свои нефтяные и угольные концессии на Северном Сахалине.

Почему же Япония отдала свои концессии в момент, когда военная машина государства изнемогала от нехватки топлива? Во-первых, право на продолжение буровых работ, с трудом добытое в октябре 1941 г., утратило свою силу. Во-вторых, японцы не могли допустить отказа СССР от нейтралитета, который мог последовать в случае отказа японцев ликвидировать концессии. В начале 1944 г. Советский Союз был еще способен предпринять успешные военные акции против Маньчжоу-Го. Однако дальновидные японские политики знали, что германская капитуляция на западном фронте позволит русским перебросить войска на Дальний Восток. Будучи заинтересованы в советском нейтралитете, японцы предпочли отказаться от заманчивых топливных ресурсов.

30 марта 1944 г. в Москве было подписано соглашение, по которому нефтяные и угольные концессии передавались СССР. Это аннулировало все права японцев на разработку северосахалинских запасов нефти и угля, которые должны были сохраниться до 1970 г. (44) Соглашение предусматривало немедленную передачу всего оборудования. В порядке компенсации русские уплачивали японскому правительству пять миллионов рублей (950000 долларов) и

обещали продавать Японии 50000 тонн сырой нефти с Охинского месторождения в течение пяти лет «после окончания настоящей войны».

Большинство иностранных комментаторов единодушно считают, что потеря Японией северосахалинских угольных и нефтяных ресурсов была существенной помощью действиям союзных сил (45). Однако не стоит переоценивать значение этого события: после 1941 г. Япония получала от Северного Сахалина очень незначительное количество нефти. Тем не менее будучи потенциальным источником нефти для Японии, Северный Сахалин сулил многообещающие перспективы. В этом смысле потеря концессий была серьезным ударом для японской экономики.

Северо-японский протокол, подписанный в марте 1944 г., положил конец двадцати шести годам японского присутствия на Северном Сахалине. После двух десятилетий компромиссов русские смогли, наконец, поздравить себя в качестве абсолютных хозяев богатых ресурсов Северного Сахалина. Через шестнадцать месяцев такая же участь постигла и Карафуто.

Май 1945 г. ознаменовал 20-ю годовщину Советской власти на Северном Сахалине. Это был и последний месяц нацистского режима в Германии. Союзники обратили свое внимание на Дальний Восток еще тогда, когда последние армии стран «оси» продолжали упорное сопротивление. Судьба Карафуто была решена еще до окончания войны в Европе. На встрече между премьером Иосифом Сталиным, премьер-министром Уинстоном Черчиллем и президентом Франклином Делано Рузвельтом в Ялте в феврале 1945 г. Советский Союз обещал вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии. В ответ на это главы правительств США и Англии обещали поддержку в реставрации русских прав, «нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 году». Среди этих прав имелось в виду и право на Карафуто (Южный Сахалин).

Скрытно от японцев значительные военные силы были подготовлены для молниеносного вторжения летом 1945 г. в Маньчжоу-Го, Карафуто и на Курильские острова. В последние дни мировой войны Карафуто, который, казалось был так далек от опасности, неожиданно оказался перед лицом катаклизма.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Хронология конца войны на Южном Сахалине. — Саппоро, 1968. — С. 24. (На яп. яз.) — Данные за 1944 г.; Справочник Карафуто, 1942. — Тоехара, 1943. — С. 20. (На яп. яз.). — Данные за 1925 г.

2. Справочник Карафуто, 1942. — С. 37-38; Справочник по колонизации, 1936. — Токио, 1937. — С. 41-42. (На яп. яз.).

3. Справочник по колонизации, 1942 — С. 129-147.

4. Там же. — С. 282-311; Фриис Г. Р. Зачатки хозяйства Сахалина ‖ Экономическая география. — № XV. — Январь 1939. — С. 61-63. (На янгл. яз.); Серия Карафуто. — № VI. — Тоехара, 1941. — С. 350-354. (На яп. яз.); Мацуда Г. Беглый взгляд на Сахалин ‖ Транспасифик. — № XVIII. — 23 октября 1930. — С. 5, 13. (На яп. яз.).

5. История лесной промышленности Карафуто. — Токио, 1960. — С. 306-307. (На яп. яз.); Справочник Карафуто, 1942. — С. 262-281.

6. Фриис Г. Р. Зачатки хозяйства Сахалина. — С. 67.

7. В 1945 г. русские застали на Сахалине 40 ООО корейцев. — Сахалинская область. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 364. Данные по угольной промышленности и административной политике см.; Справочник Карафуто, 1942. — С. 313-329.

8. Чемберлен У. Г. Северный аванпост Японии ‖ Еженедельник «Крисчен сайенс Монитор». — 11 ноября 1936. — С. 10. (На англ. яз.); Хронология конца войны на Южном Сахалине. — С. 19.: Справочник Карафуто, 1942. — С. 330.

9. Ежегодник «Асахи». — Токио, 1945. — С. 242-243. (На яп. яз.); Чемберлен У. Г. Северный аванпост Японии. — С. 10; Фриис Г. Р. Зачатки хозяйства Сахалина. — С. 74.

10. Справочник Карафуто, 1942. — С. 22, 410-412.

11. Крюгер Х. Е. Сегодняшние условия на Карафуто, японском Сахалине ‖ Китайский журнал — № XVII. — Ноябрь 1937. — С 240-241.

12. Хронология конца войны на Южном Сахалине. — С. 24.

13. Справочник Карафуто, 1942. — С. 342-343.

14. Остров Сахалин (Карафуто). — Токио, 1949. — С. 14-23. (На яп. яз.); Окуяма Р. Карафуто. — Саппоро, 1966. — С. 119-120. (На яп. яз.).

15 Чехов А. П. Сагарен Сима ‖ Серия Карафуто. — № VII. — Тоехара, 1941. (На яп. яз.).

16. Миятакэ С. Сибирь. — Токио, 1965. — С. 207. 214-215. (На яп. яз.); о визите Хирохито на Сахалин см.: Серия Карафуто — № VI. — С. 343-346. (На яп. яз.) Сельскохозяйственный исследовательский институт, построенный японцами в 30-е годы, был сфотографирован в 1947 г. и изображен как созданный русскими научно-исследовательский центр Академии наук. (Раковский С. Н. На Южном Сахалине ‖ География в школе. — Вып. III. — Май-июнь 1947. — С. 11.

17. Приграничные описания основаны на впечатлениях очевидцев: Маэдако Х. Граница Карафуто. — Токио, 1939. — С. 116-133. (На яп. яз.); Абэ Э. Сахалинское путешествие. — Токио, 1936. — С. 105-106, 275-278. (На яп. яз.); Миязаки Р. Очерк истории Карафуто. — Токио, 1944. — С. 447-454. (На яп. яз.); Кикути К. Рассказы о Северной Японии. — Токио, 1944. — С. 176-178. (На яп. яз.).

18. Интервью с Фоско Мараини во Флоренции, Италия (12 мая 1969 г.) и с Мартином Швиндтом в Бохуме, ФРГ (16 мая 1969 г.), а так же: Тилинг В. Миграция на Сахалин ‖ Великобритания и Восток. — № XLVIII. — 14 января 1937. — С. 62. (На англ. яз.); Стоун Э. Северо-Тихоокеанские аванпосты Японии ‖ Путешествие. — № LXXXIII. — Май 1944. — С. 10-13, 32. (На англ. яз.).

19. Окада и Сугимото благополучно получили убежище в СССР и много лет жили в Москве. — Хоккайдо Хиякунен. — № III. — Саппоро, 1968. — С. 240. (На яп. яз.). О других инциндентах на границе Карафуто см.: История японско-советских переговоров. — Токио, 1942. — С. 344-345, 389-390. (На яп. яз.); Маэдако Х. Граница Карафуто. — С. 122-128; Нью-Йорк Таймс. — 13 августа 1938. (На англ. яз.).

20. Материалы о деятельности японской армии на Карафуто в 1937-1943 гг. взяты из: Операции сухопутных войск в северо-восточном регионе ‖ Серия военной истории Восточной Азии. — Вып. XXI. — Токио, 1968. — С. 11-16, 31-44, 53-55, 74, 132-134, 224-228, 312-313, 517. (На яп. яз.).

21. Там же. — С. 42-44, 53-55, 132-134, 224; Ока С. Северный Сахалин. — Токио, 1942. — С. 279-280. (На яп. яз.).

22. Операции сухопутных войск. — С. 312-313.

23. Ежегодник «Асахи», 1944. — С. 99, 424.

24. Аболтин В. Я. Восстановление Советской власти па Северном Сахалине ‖ Вопросы истории. — № 10. — 1966. — С. 109-110.

25. Мушкарева Е. В. Восстановление и упрочение советской власти на Северном Сахалине. 1925—1928 гг. ‖ Сахалинская область. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 159-166. Документы партии и государственных органов на Сахалине в 1925—1945 гг. см.: Социалистическое строительство на Сахалине 1925—1945 гг. — Южно-Сахалинск, 1967.

26. Мушкарева Е. В. приводит список из 308 русских, работавших на японских нефтяных концессиях в этот период (Мушкарева Е. В. Указ. соч. — С. 170).

27. Лебедев П. А. Экономика и культура Северного Сахалина в годы довоенных пятилеток ‖ Сахалинская область. — Южно-Сахалинск, 1960. — С. 186-187; Атлас Сахалинской области. — С. 9; Канторович В. Советский Сахалин. — М., 1933. — С. 21.

28. Слетов П. В. На Сахалине. — М., 1933. — С. 114-129; Канторович В. Советский Сахалин. — С. 62-66; Лебедев П. А. Экономика и культура... — С. 195-196.

29. Лебедев П. А. Экономика и культура... — С. 193; Канторович В. Советский Сахалин. —- С. 43-47; Слетов П. В. На Сахалине. — С. 24-30.

30. Лебедев II. А. Экономика и культура... — С. 188-190.

31. Ока С. Северный Сахалин. — С. 151-152.

32. Советско-японскую конвенцию 1925 г. см.: Краеведческий бюллетень. — 1990. — № 2. — С. 151-161.

33. Материалы этого и следующего параграфов, касающихся концессий на Северном Сахалине, взяты из книг: Мур Г. Л. Советская дальневосточная политика, 1931 — 1945. — Принстон, 1945. — С. 73. (На англ. яз.); Ленсен Д. А. Признание Японией СССР: Советско - японские отношения, 1921 — 1930. — Токио, 1970. — С. 194-196, 230-232. (На яп. яз.); История японско-советских переговоров. — Токио, 1942. - С. 113-124; Ота С. Русская и Японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 311-312; Ильин А. К. К ликвидации Японских концессий на Северном Сахалине и пролонгации на пять лет рыболовных конвенций ‖ Большевик. — № 9. — 1944. — С. 70.

34. Ота С. Русская и Японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 312-316.

35. Таблица основана на данных из книг: Ока С. Северный Сахалин. — С. 151-152; Лебедев П. А. Экономика и культура... — С. 188-190; Мур Г. Л. Советская дальневосточная политика. — С. 141.

36. О русско-японских спорах по поводу Сахалинской нефти в 1932—1937 гг. см.: Остров плохой репутации: предстоящая русско-японская борьба за сахалинскую нефть ‖ Китайский еженедельник. — № LXX. — 6 апреля 1936. — С. 79-80. (На англ. яз.); Баба Х. Японские нефтяные скважины на Северном Сахалине ‖ Дальневосточное обозрение. — № XXXII. — Февраль 1936. (На яп. яз.); Ота С .Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 324-328; Ока С. Северный Сахалин. — С. 31.

37. Ока С. Северный Сахалин. — С. 261-265; Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 333-334; Ильин А. К. К ликвидации японский концессий... — С. 70; История японо-советских переговоров. — С. 493-495.

38. Ока. С. Северный Сахалин. — С. 265; Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 337-338; История японо-советских переговоров. — С. 472-488.

39. Мур Г. Л. Советская дальневосточная политика. — С. 114: Советские документы по внешней политике. — № III. — С. 354-356: Русско - японские споры о нефти ‖ Дальневосточное обозрение. — № XXXV. — Август 1939. — С. 308; История японо-советских переговоров. — С. 390-391.

40. Китайский еженедельник — № LXXXIX. — 29 июля 1939. — С. 271.

41. О пограничных инциндентах 1940 г. на Карафуто см: История японо - советских переговоров. — С. 560; О речи Молотова 29 марта см.: Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Са-

халин. — С. 344; О заявлении Молотова 18 ноября см.: Остров Сахалин (Карафуто). — Изд. МИД Японии. — Токио, 1949. — С. 23. (На яп. яз.); О предложение Молотова японскому послу Татекава Ешитсугу последний строго конфиденциально сообщил американскому послу Лоренсу Стейнхардту лишь через неделю: Стейнхардт государственному секретарю. 28 ноября 1940 г., в Госдепартаменте США. — Внешние отношения США, 1940. — № 1. — Вашингтон, 1959. — С. 676. (На англ. яз.).

42. Ильин А. К. К ликвидации японских концессий... — С. 70.

43. Ота С. Русская и японская дипломатия в борьбе за Сахалин. — С. 346; Ока С. Северный Сахалин. — С. 268, 286, 288.

44. Ильин А. К. К ликвидации японских концессий... — С. 73.

45. Тайм. — 10 апреля 1944. — С. 36; Последняя концессия || Бизнес цикл. — 8 апреля 1944. — С. 116-117; Нью-Йорк Геральд Трибюн. — 2 апреля 1944 г.; Нью-Йорк Таймс. — 9 апреля 1944. (На англ. яз.).

Краеведческий бюллетень
№ 3, 1992 г.

Сдано в набор 21. 11. 92. Подписано 5. III. 93. Формат 60x84 1|16
Объем 8 п. л. Тираж 1000. Заказ № 513.

Долинский полиграфический цех типографии «Транспорт», ул. Ленина, 3.

«КРАЕВЕДЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ»

издан при финансовой поддержке консорциума МММШ, который заинтересован не только в экономическом освоении Сахалина, но и в поддержке культурных и научно - просветительских программ.